

Министерство образования и науки Российской Федерации
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Национальный исследовательский университет

Ф.А. Селезнев

**ИСТОРИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО КОНЦА XVI в.**

Учебное пособие

Рекомендовано ученым советом исторического факультета
для студентов ННГУ,
обучающихся по направлению подготовки 030600 «История»

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2014

УДК 908 (470.341) «06/16»
ББК 63.3 (2Рос – 4Ниж)
С-29

Рецензенты:
д.и.н., профессор Ю.В. Кривошеев
к.и.н., доцент Ю.В. Сочнев

С-29 Селезнев Ф.А. История Нижегородского края с древнейших времен до конца XVI в.: Учебное пособие. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2014. – 198 с.

ISBN 978-5-91326-314-8

В учебном пособии рассматривается история территории современной Нижегородской области от каменного века до конца XVI века. События нижегородской истории показаны в связи с общероссийскими историческими процессами. Особое внимание уделено проблемам основания отдельных населенных пунктов и вопросам происхождения их названий. Подробно описана история Нижегородского княжества и вхождения его земель в состав Московского государства.

Для студентов, изучающих учебные курсы «История края» и «Историческое краеведение: методологические аспекты и актуальные научно-практические проблемы».

ISBN 978-5-91326-314-8

Ответственный за выпуск:
председатель методической комиссии
исторического факультета ННГУ,
к.и.н., доцент О.Ю. Макаров

УДК 908 (470.341) «06/16»
ББК 63.3(2Рос – 4Ниж)

© Ф.А. Селезнев, 2014
© ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Историческое краеведение как отрасль научного знания. Краеведение — это всестороннее изучение какой-либо определенной местности («края»). По сути, речь идет о комплексе научных дисциплин, различных по содержанию и частным методам исследования. Однако все они в рамках краеведения сопряжены между собой. Например: для понимания сути отдельных исторических явлений необходимо знать особенности природы тех мест, где происходили события; названия городов и сел содержат ценную историческую информацию и т. д. Но все же какая-то сторона изучения края является для исследователя основной, а прочие — вспомогательными. Соответственно, по главному объекту изучения краеведение подразделяется на отрасли: историческое краеведение, литературное, географическое и др.¹

Историческое краеведение направлено на исследование основных этапов исторического развития отдельных областей (городов, других населенных пунктов) России. Оно тесно связано с общероссийской историей и часто является важнейшим инструментом при изучении многих проблем истории страны. В частности, из краеведческих изысканий вырос локальный метод исторического исследования, теоретически обоснованный членом-корреспондентом АН СССР, основателем исторического факультета ННГУ С.И. Архангельским².

Цель настоящего учебного пособия заключается в последовательном изложении истории Нижегородского края с древнейших времен до начала XVII века. При этом под Нижегородским краем понимается территория Нижегородской области в ее современных границах. Однако довольно широко использовался и материал по истории соседних регионов, поскольку события нижегородской истории зачастую тесно связаны с тем, что происходило в ближайших к ней областях страны. Автор

¹ Подробнее о теоретических аспектах краеведения см.: Историческое краеведение (Основные источники изучения истории родного края): пособие для студентов педвузов. М., 1969; Сеницына К.Р. Историческое краеведение. Казань, 1983; Чекурин Л.В. Историческое краеведение. Историография и источниковедение. М., 1991; Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992; Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития: Сб. ст. М., 2004.

² О С.И. Архангельском см.: Седов А.В. Сергей Иванович Архангельский // Записки краеведов. Горький, 1983.

стремился вписать нижегородское прошлое в контекст общероссийской истории. Это необходимо, чтобы показать логику развития Нижегородского края в общегосударственных исторических процессах.

Автор постарался осмыслить и привлечь результаты новейших исследований, касающихся истории Нижегородского края. Кроме того, в ряде случаев им выдвинуты собственные гипотезы. Поэтому некоторые приводимые автором в работе положения могут быть предметом дискуссии. Это касается, например, вопроса о времени основания Городца, проблемы развития территории Нижнего Новгорода в XIII–XV веках, некоторых аспектов истории Городецкого и Нижегородского княжеств. Краткие обзоры историографии по спорным вопросам выделены в тексте курсивом. Список источников и литературы, которые помогут читателю составить самостоятельное суждение по дискуссионным проблемам нижегородской средневековой истории, помещен в конце учебного пособия.

Источники по древней истории Нижегородского края. Можно выделить три основных вида письменных источников по древней истории Нижегородского края: летописи, акты и делопроизводственные документы¹.

Дошедшие до нас летописи принято называть по имени писца, владельца, месту хранения и т. п. Особую роль среди них играет Лаврентьевская летопись, написанная монахом Лаврентием по заказу нижегородского князя Дмитрия Константиновича в 1377 году. Это древнейший летописный текст из сохранившихся до наших дней. В основе Лаврентьевской летописи лежит свод великого князя владимирского и тверского Михаила Ярославича. Известия заканчиваются 1305 годом.

Летопись, которая велась во времена нижегородских князей Дмитрия и Бориса Константиновичей (так называемая Летопись Константиновичей), не уцелела. Считается, что ее содержание передают Рогожский летописец и Симеоновская летопись.

Важные сообщения по нижегородской истории содержат также Типографская летопись, Воскресенская летопись, Софийская I и II летописи, Ермолинская летопись, Никоновская летопись, Тверская летопись. Их тексты опубликованы в составе Полного собрания русских летописей. Они выложены в сети Интернет.

¹ Их более подробную характеристику см.: Пудалов Б.М. Письменные источники по истории Нижегородского края (XIII – начало XVIII века): учеб. пособие. Нижний Новгород, 2001.

В середине XVII века была сделана выборка нижегородских известий из Типографской летописи особой редакции. Так возник Летописец о Нижнем Новгороде. По мнению ученых, его составитель принадлежал к священнослужителям Михайло-Архангельского собора. Во второй половине 1650-х годов на основе этого произведения, обогащенного данными Воскресенской летописи, Степенной книги и местных памятных записей, был создан «Нижегородский летописец». Научную публикацию разных редакций «Летописца о Нижнем Новгороде» и «Нижегородского летописца» в 2006 году осуществила М.Я. Шайдакова¹.

Крупнейшим в России хранилищем актов и делопроизводственных документов Московской Руси, в том числе и нижегородских, является Российский государственный архив древних актов в Москве (РГАДА). Подобного рода раритеты имеются и в фондах Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО). Больше всего до нас дошло бумаг нижегородских монастырей. Веками они тщательно хранились в монастырских архивах, после секуляризации попали в коллегию экономики (управлявшую конфискованными монастырскими вотчинами), потом в архив министерства юстиции и, наконец, в РГАДА. Грамоты светских владельцев сохранились в гораздо меньшем количестве.

Часть этих ценнейших источников издана или описана. Ниже дается перечень основных публикаций нижегородских актов XIV–XVI веков.

Первая крупная публикация нижегородского актового материала была осуществлена П.И. Мельниковым-Печерским в 1848 году в неофициальной части газеты «Нижегородские губернские ведомости». Это были 143 акта Благовещенского и Вознесенского монастырей².

В 1898 году С. Шумаков напечатал обзор арзамасских и балахнинских актов XVI–XVIII веков³. Тогда же А.А. Титов осуществил публикацию актов Вознесенского Печерского монастыря⁴.

¹ Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. / под ред. В.А. Кучкина. Нижний Новгород, 2006.

² Нижегородские губернские ведомости. 1848. Часть неоф. № 2–40.

³ Шумаков С. Материалы для истории Нижегородского края. Выпуск первый. Обзор арзамасских (1561–1761) и балахнинских (1538–1755) актов. Нижний Новгород, 1898.

⁴ Акты Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря. М., 1898.

А.К. Кабанов в 1913 году издал грамоты коллегии экономии по Арзамасскому, Балахнинскому и Нижегородскому уездам¹. Среди прочего они содержат тексты жалованных грамот Василия III и Ивана IV и дают богатейший материал для характеристики системы управления Нижегородским краем в XVI веке.

В 1915 году С.Б. Веселовский собрал большой комплекс арзамасских поместных актов².

В 1940 году В. Бушуев сделал доступным для читателей список с грамоты 1368 года нижегородского князя Дмитрия Константиновича³. Это древнейший нижегородский акт, известный науке. Он содержит уникальную информацию о составе двора нижегородского князя и о его титуле.

В 1950 году Л.В. Черепнин опубликовал духовные и договорные грамоты русских великих и удельных князей XIV–XVI веков⁴. Эти документы позволяют проследить изменение границ между княжествами, историю отдельных населенных пунктов, подробности отношений между князьями.

В 1951 году Л.В. Черепнин подготовил к печати «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.». Отдельную главу там составляют документы московской митрополичьей кафедры, касающиеся Нижегородского уезда: великокняжеские жалованные грамоты Благовещенскому монастырю, выписки из писцовых книг о монастырских угодьях и т. п.⁵ Во втором томе этого издания⁶ имеются памяти с духовных грамот (завещаний) нижегородских служилых людей XVI века.

¹ Грамоты коллегии экономии по Арзамасскому, Балахнинскому и Нижегородскому уездам. Ч. I (1498–1613) / под ред. А.К. Кабанова // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сборник. Т. XIV. Нижний Новгород, 1913.

² Арзамасские поместные акты (1578–1618) / собр. и ред. С.Б. Веселовский // Смутное время Московского государства. 1604–1613. М., 1915.

³ Древняя русская грамота 1368 г. / публ. В. Бушуева // Красный архив. 1940. Т. 6 (103). С. 224–230.

⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.-Л., 1950.

⁵ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. I. М., 1951.

⁶ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. II. М., 1956.

В III томе «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси...»¹ есть целый раздел «Акты нижегородские». В нем собраны некоторые акты Спасо-Благовещенского, Амвросиева Никольского Дудина и Печерского Вознесенского монастырей, а также списки с грамот нижегородского князя Дмитрия Константиновича.

В 1995 году Н.В. Соколова издала три древних акта Нижегородского Печерского монастыря (XIV–XV вв.) из фондов ЦАНО².

В конце XX – начале XXI века А.В. Антоновым и А.В. Маштафаровым был опубликован перечень известных нижегородских актов с указанием места хранения и публикации³.

В 1977 году обширный комплекс нижегородских делопроизводственных документов XVI в. был опубликован Г.Н. Анпиловым⁴. Книга Анпилова состоит из трех частей. В первой из них помещена Нижегородская дозорная книга дворцовым селам и деревням 1588 года. Дозорные книги — это описи населенных пунктов в уездах для правильного взимания налогов. Они составлялись писцами («дозорщиками») по челобитью местного населения, просившего о «дозоре», т. е. о проверке соответствия сведений писцовых книг, на основе которых собирались налоги, реальной платежеспособности людей. Дозоры проводились после разорений и сильной убыли налогоплательщиков, в данном случае после третьей черемисской войны (1581–1585). Во второй части сборника публикуются царские грамоты, посланные нижегородскому воеводе по челобитным помещиков, стрельцов и монастырских властей о пожаловании их земель. Третья часть содержит нижегородские отдельные и отказные книги 1596–1600 годов. В этих документах записывались сведения об отводе земель служилым людям. В материалах, опубликованных Анпиловым, содержится богатейший материал по топонимике и социальной истории Нижегородского края.

¹ Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. М., 1964.

² Соколова Н.В. Древнейшие акты Нижегородского Печерского монастыря // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Нижний Новгород, 1995. С. 52–68.

³ Антонов А.В. Нижегородские поместные акты конца XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999; Антонов А.В., Маштафаров А.В. Вотчинные архивы нижегородских духовных корпораций конца XIV – начала XVII веков // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001.

⁴ Анпилов Г.Н. Нижегородские документы XVI века (1588–1600). М., 1977.

В 2002 году С.В. Сироткин опубликовал сотную грамоту Узольской волости¹.

В 2009 и 2010 годах фототипическим способом были изданы два уникальных документа XVI века, хранящиеся в ЦАНО. Это синодики Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря 1552 и 1595 годов². Синодиками называют книги записи имен умерших людей для поминания их в церковных службах. Из синодиков мы можем узнать об именах и социальном положении многих нижегородцев XVI века.

Одним из проявлений исторической памяти народа является устное народное творчество, прежде всего легенды, предания, исторические песни. Публикация записей этих материалов, относящихся к нижегородской истории, была осуществлена В.Н. Морохиным и Н.В. Морохиным³.

Следует подчеркнуть, что историк должен с осторожностью относиться к легендарным и фольклорным известиям. Особенно это касается легенд о происхождении названий населенных пунктов, рек и т. п. Здесь чаще всего мы встречаемся с вымыслом как попыткой объяснить ставшие непонятными древние топонимы. Однако нужно признать, что многие предания об исторических событиях являются отражением, пусть иногда искаженным, реальных событий. Это относится, например, к фольклорным данным об эпохе Ивана Грозного, в частности о его походе на Казань в 1552 году.

Вообще письменных источников, относящихся к нижегородской истории XII–XVI веков, немного. В этой связи особое значение приобретают *вещественные источники*. Они хранятся в музеях Нижегородской области, прежде всего в Нижегородском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (НГИАМЗ). Что касается предшествующего периода нижегородской истории, то информацию о нем мы получаем практически лишь из вещественных источников.

¹ Сироткин С.В. Сотная 1533 г. Узольской волости Балахнинского уезда // Очерки феодальной России. Вып. 6. М., 2002. С. 119–169.

² Синодик Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря 1552 года. Синодик опальных царя Иоанна Грозного. Нижний Новгород, 2009; Синодик Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря 1595 года. Синодик архимандрита Трифона. Нижний Новгород, 2009.

³ Нижегородские исторические песни: Сборник / под ред. Н.В. Морохина. Нижний Новгород, 2000; Легенды и предания Волги-реки: Сборник / Сост. В.Н. Морохин. Нижний Новгород, 2002.

Только благодаря музейным экспонатам мы можем представить животных доисторической эпохи. Их останки имеются практически в каждом районном музее Нижегородской области. Особенно богатой коллекцией костей доисторических животных гордится музей зоологии Нижегородского педагогического университета имени Минина.

О жизни древних людей нам рассказывают находки археологов. В экспозиции Государственного исторического музея (Москва) почти целый зал занимают предметы, обнаруженные в ходе археологических раскопок на территории Нижегородской области.

Весьма представительны археологические коллекции НГИАМЗ и музея Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

В Археологическом отделе музея ННГУ около тридцати тысяч единиц хранения. Первобытная эпоха представлена разными видами каменных и костяных орудий труда и предметов вооружения (скребки, ножи, наконечники стрел, топоры и т. п.), а также керамикой. Наиболее представительным и богатым является вещевой материал, относящийся к Средневековью, начиная с освоения междуречья Оки и Волги славянами (тесла, топоры, сверла, ножи, наконечники стрел и копий, кистени, пластины доспехов, кольчужные кольца и т. д.). Результаты раскопок, проводимых преподавателями и студентами ННГУ, отражены на нескольких выставочных витринах («Древнерусское селище Ближнее Константиново I», «Железодельный комплекс» и др.)

Часть коллекции НГИАМЗ, относящейся к эпохе Нижегородского княжества, выставлена в Дмитриевской башне Нижегородского кремля. Посетитель может увидеть там разные предметы XIV века: железный рыболовный крючок, глиняное грузило, каменные литейные формы, замок, ключ, фрагменты браслетов, бусины, материалы косторезного производства. Большой интерес представляют монеты Нижегородского княжества. Великолепными примерами древнерусского искусства являются каменная головка льва и деталь рельефа, а также плита пола из храма Михаила Архангела. Убранство древнего Спасо-Преображенского собора представлено фрагментами белокаменной резьбы.

Богатой археологической коллекцией славится Городецкий краеведческий музей. В ее составе древнерусская глиняная посуда, детские погремушки и свистульки, разнообразные изделия из металла (замки, ключи, кресала) и женские украшения (стеклянные браслеты, бусы из горного хрусталя и янтаря, перстни, бронзовые шумящие подвески). Особый интерес представляют торговые свинцовые пломбы и новго-

родские гривны — слитки серебра весом около 200 граммов. В музейном зале археологии представлен портрет жителя древнего Городца. Он был реконструирован московским антропологом Л.Т. Яблонским. К числу ценнейших музейных экспонатов относится вислая свинцовая печать Александра Невского. Гордость археологической коллекции музея — княжеский шлем XIII–XIV веков.

Основные этапы изучения истории Нижегородского края эпохи XII – начала XVII века. Первым исследователем и глубоким знатоком нижегородских древностей был П.И. Мельников (Андрей Печерский, 1818–1883). Окончив Казанский университет, он в 1839 г. стал учителем истории и статистики Нижегородской гимназии. В это время в России начиналась большая работа по поиску древних летописей и грамот. Ее развернула Археографическая экспедиция Академии наук, организованная в 1829 г. П.М. Строевым. Для обработки и издания собранных ею материалов в 1834 г. учреждается Археографическая комиссия. По всей стране она создает сеть своих добровольных помощников — членов-корреспондентов. В 1841 г. членом-корреспондентом Археографической комиссии стал П.И. Мельников. Найденные исторические источники он стал публиковать в неофициальной части газеты «Нижегородские губернские ведомости», редактором которой являлся с 1845 по 1850 год.

На страницах газеты Мельников поместил ряд статей по средневековой нижегородской истории. Почти каждая составляет эпоху в изучении истории Нижегородского края и до сих пор волнует краеведов¹. Прежде всего, Павла Ивановича интересует все, что связано с Нижегородским княжеством и нижегородскими князьями². Кроме того, Павел Иванович

¹ Критику работ П.И. Мельникова с точки зрения современной историографии см.: Чеченков П.В. Спорные вопросы истории нижегородского кремля XIV – начала XVI века // Материалы V Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Святыни земли нижегородской. Нижегородский кремль». Нижний Новгород, 2010. С. 20–22; Его же. Об одном топонимическом недоразумении // Проблемы исторической демографии и исторической географии. М.–Нижний Новгород, 2010. Вып. 2. С. 99–108; Его же. Новая песня о «старом» // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории. Нижний Новгород, 2012. С. 5–8.

² Соединение Дома Рюриков с царствующим Домом Романовых посредством линии Великих Князей Нижегородских // Нижегородские губернские ведомости (часть неофиц.). 1845. № 10 (10 марта); Нижегородская ярмарка в 1366 г. // Нижегородские губернские ведомости (часть неофиц.). 1846. № 78 (25 нояб.); История Нижнего Новгорода до 1350 года // Нижегородские губерн-

начинает развивать еще две темы, которые уже давно его занимали. Это история мордвы¹ и Казанский поход Ивана Грозного².

В сложившийся вокруг П.И. Мельникова кружок любителей нижегородской старины вошел иеромонах Благовещенского монастыря Макарий (Н.К. Миролюбов, 1817–1894). Он взял на себя труд описания древних надписей, имевшихся в нижегородских церквях. Итогом этой работы стала книга «Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния» (1857).

В мае 1849 г. по распоряжению царя Николая I была создана Нижегородская временная комиссия для разбора древних актов. Она приступила к систематической обработке старинных документов. Самыми деятельными ее членами стали П.И. Мельников и иеромонах Макарий. К ее работе также был привлечен чиновник Нижегородского соляного правления Н.И. Храмцовский (1818–1890), большой любитель старины. Им в 1857–1859 годах был издан первый большой труд по нижегородской истории: «История и описание Нижнего Новгорода».

Важным центром краеведческих исследований в Нижнем Новгороде того времени был губернский статистический комитет. Это учреждение было создано в 1835 году. Как и аналогичные комитеты в других губерниях, оно должно было собирать разного рода сведения для составления губернаторских всеподданнейших (т.е. подаваемых на царское имя) отчетов. Работы статистических комитетов подразделялись на «обязательные» и «необязательные». К числу последних относились и историко-краеведческие исследования. Им большое внимание уделял П.И. Мельников, ставший в 1846 году правителем дел Нижегородского губернского статистического комитета. Среди его членов особенно усердно изучал древнюю нижегородскую историю преподаватель Нижегородской духовной семинарии И.С. Тихонравов (1810–1877), чьи работы в 1860-е годы публиковались в газете «Нижегородские епархиальные ведомости».

С 1865 года секретарем Нижегородского губернского статистического комитета был А.С. Гациский (1838–1893). Он наладил издание краеведческих исследований комитета. Под редакцией Гациского в 1867–

ские ведомости. 1847. № 2 (8 янв.), № 3 (11 янв.); Нижегородское Великое Княжество // Нижегородские губернские ведомости (часть неофиц.). 1847. № 4 (13 янв.), № 5 (18 янв.), № 6 (22 янв.), № 7 (25 янв.), № 8 (29 янв.).

¹ Посадский А. П.И. Мельников (Андрей Печерский) и Мордовский край. Саранск, 1988. С. 32.

² Власова Э.И. Фольклор о Грозном у П.И. Мельникова и Н.К. Миролюбова // Фольклор и историческая действительность. Л., 1981.

1890-х годах вышло 10 томов «Нижегородского сборника». В 1886 году А.С. Гациский опубликовал «Нижегородский летописец».

Согласно циркуляру МВД от 25 января 1867 года, губернские статистические комитеты должны были просматривать описи предназначенных к уничтожению архивов местных учреждений с целью сохранения важных в историческом отношении документов. Однако статистическим комитетам, и так уже выполнявшим огромный объем работы, новая ноша была явно не по силам. Поэтому известный русский ученый-архивист, директор Археологического института, сенатор Н.В. Калачов предложил создать в каждой губернии особые архивные комиссии, которые бы занимались описанием предназначенных к ликвидации документов, часть из них сохраняли и формировали таким образом местные исторические архивы.

Первые такие комиссии появляются в Твери, Рязани, Тамбове и Орле в 1884 году. Как правило, они возникают на базе соответствующих статистических комитетов. Не стала исключением и Нижегородская губернская ученая архивная комиссия (НГУАК). Свою работу НГУАК начала в 1887 году под председательством А.С. Гациского. С 1893 по 1908 год ее возглавлял известный земский деятель и краевед А.А. Савельев (1848–1916). В 1908–1918 годы председателем НГУАК являлся историк-архивист А.Я. Садовский (1850–1926).

За 31 год своей работы НГУАК издала 18 томов «Действий», состоящих из 61 выпуска. В них было опубликовано огромное число ценнейших документов по истории Нижегородского края. Самостоятельную ценность представляют отпечатанные типографским способом «Журналы и доклады заседаний НГУАК». Значительная часть документов, собранных членами НГУАК, не опубликована. Она хранится в Центральном архиве Нижегородской области (Ф. 2013 — Коллекция НГУАК).

Древнюю историю Нижегородского края изучали не только нижегородцы, но и столичные ученые. Среди них особо следует отметить А.Е. Преснякова (1870–1929), в монографии которого «Образование великорусского государства» (1918) отдельная глава посвящена Нижегородскому великому княжеству.

В 1936 году в издательстве АН СССР ленинградский литературовед и историк В.Л. Комарович (1894–1942), корнями связанный с нижегородской землей, опубликовал глубокое исследование о знаменитом Китежском летописце («Китежская легенда: опыт изучения местных легенд»). В 1939 году в Горьком увидела свет обобщающая работа науч-

ного сотрудника Горьковской государственной публичной библиотеки Л.М. Каптерева «Нижегородское Поволжье X–XVI веков».

В послевоенные годы значительный вклад в изучение древнерусского периода истории Нижегородского края внес И.А. Кирьянов (1918–2007), заместитель директора по научной части Горьковского областного краеведческого музея, декан историко-филологического факультета, заведующий кафедрой истории СССР Горьковского пединститута, автор книги «Старинные крепости Нижегородского Поволжья» (1961). Он написал главы о древней нижегородской истории в «Истории города Горького» (1971).

В 1976 году центром изучения проблем древнерусского прошлого Нижегородчины стала кафедра истории СССР феодального и капиталистического периодов исторического факультета Горьковского университета им. Н.И. Лобачевского (ныне — кафедра истории России и краеведения). В том году ее возглавил декан факультета Е.В. Кузнецов, специалист по истории средневековой Англии, живо интересовавшийся и эпохой Древней Руси. Е.В. Кузнецов пригласил на кафедру Н.Ф. Филатова, В.П. Макарихина, В.Н. Русинова, внесших большой вклад в развитие научных изысканий в области древней истории Нижегородского края.

Под руководством Н.Ф. Филатова (1938–2004) кафедрой истории России и краеведения дважды (1994, 1997) был издан обобщающий труд «Нижегородский край: факты, события, люди», значительная часть которого была посвящена периоду XII–XVII веков. Ученик Н.Ф. Филатова Д.С. Таловин в 2001 году защитил кандидатскую диссертацию «Великое Нижегородско-Суздальское княжество (1341–1392) в системе земель Северо-Восточной Руси».

В.П. Макарихин (1946–2003) в 1981 году защитил кандидатскую диссертацию «Нижегородское летописание XIII–XV вв. как историко-культурное явление». В 1990 году он создал кафедру историографии и источниковедения истории СССР. В.П. Макарихин воспитал плеяду талантливых исследователей истории допетровской Руси. Среди них следует особо выделить А.А. Кузнецова, автора фундаментальной монографии «Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII века» (Нижний Новгород, 2006).

В.П. Макарихин стал инициатором проведения конференции «Мининские чтения» (1992), которая, благодаря стараниям А.А. Кузнецова, приобрела статус представительного международного форума специалистов по русскому Средневековью. Среди его постоянных участни-

ков — ведущие современные исследователи истории Нижегородского края в XII–XVI веках — Б.М. Пудалов и П.В. Чеченков. Их монографии представляют собой важный вклад в развитие историографии нижегородского Средневековья¹.

Больше внимание нижегородским сюжетам уделяет один из крупнейших современных специалистов по истории Древней Руси В.А. Кучкин. В 2011 его работы, посвященные нижегородской истории, вышли отдельным изданием².

Плодотворные исследования истории церкви в Нижегородском крае в XIII–XV веках принадлежат перу Ю.В. Сочнева.

В изучении древней истории Нижегородского края большую роль сыграли археологи. Среди них следует особо выделить В.Ф. Черникова (1924–2003). В.Ф. Черников окончил МГУ, где одним из его преподавателей был выдающийся ученый А.В. Арцеховский, под руководством которого Черникову довелось поработать на раскопках в Новгороде Великом. Окончив МГУ, В.Ф. Черников стал сотрудником Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника. С его именем связаны археологические работы на территории Нижегородского кремля, раскопки в Городецком районе, планомерное археологическое изучение Большого Болдина и близлежащих сел.

У истоков развития археологии в Горьковском университете стоял В.Т. Илларионов (1901–1985), в 1957–1960, заведовавший кафедрой истории СССР (ныне кафедра истории России и краеведения). Расцвет археологии в ГГУ был связан с именем Т.В. Гусевой. Она получила специальное археологическое образование на кафедре археологии МГУ, защитила кандидатскую диссертацию, посвященную золотоордынской столице — городу Сарай-ал-Джадид. По совету своего учителя, выдающегося ученого Г.А. Федорова-Давыдова, Т.В. Гусева занялась археологическим исследованием Городца на Волге. С 1978 по 1987 гг. Городец являлся базой археологической практики студентов исторического фа-

¹ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород, 2003; Пудалов Б.М. Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). Нижний Новгород, 2004; Чеченков П.В. Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI вв.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004.

² Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород, 2011.

культета ГГУ. Т.В. Гусевой введен в научный оборот пласт уникальной исторической информации о древнем Городце.

Новый этап развития древнерусской археологии на истфаке ННГУ связан с именем Н.Н. Грибова. В 2000 году он защитил кандидатскую диссертацию «История славяно-русского расселения в Нижегородском Поволжье в XII–XIV вв.» и с 2001 года работает на факультете. Преподаватель кафедры истории России и краеведения Д.А. Антонов с 1999 года занимается исследованием русских средневековых селищ в Нижегородском Заволжье. В 2007 году под руководством Д.А. Антонова при кафедре был организован студенческий археологический отряд. Изучением археологического прошлого Нижегородского края плодотворно занимаются И.С. Аникин, И.В. Ануфриева, А.В. Гонозов, И.О. Еремин, З.С. Коновалова, Е.В. Четвертаков и др.

Автор выражает искреннюю благодарность за ценные советы Юрию Владимировичу Кривошееву, Юрию Вячеславовичу Сочневу и Дмитрию Станиславовичу Таловину.

НАШ КРАЙ В ЭПОХУ ДРЕВНОСТИ

1.1. История нашего края по данным археологии

Когда не было людей. Что изучает археология. Каменный век. Бронзовый век. Железный век. Мордва в древности. Древние маришцы. Муром. Первые древнерусские поселения на территории современной Нижегородской области. Волжская Булгария.

Когда не было людей. Природные условия на территории современной Нижегородской области неоднократно менялись. Ее поверхность то представляла собой скалистую безжизненную пустыню, то оказывалась дном моря, то зарастала густыми лесами, то покрывалась ледниковым панцирем толщиной до двух метров.

Граница ледника иногда перемещалась дальше на юг, иногда отодвигалась к северу. У его пределов расстилалась тундра. За нею следовали лесотундра. Здесь обитали гигантские слоны, заросшие косматой шерстью, — мамонты. Тут же бродили большерогие олени, шерстистые носороги и огромные быки — туры. Кости этих животных можно увидеть во многих музеях Нижегородской области.

В 1930-е годы у подножия Нижегородского кремля обнаружили остатки черепа мамонта с двумя верхними коренными зубами. Сейчас он хранится в коллекции зоологического музея педагогического университета. Останки шерстистого носорога находили в районе площади Сенной в Нижнем Новгороде и в Кстовском районе. Внимание посетителей Павловского исторического музея неизменно привлекает череп тура с огромными рогами.

Примерно 10–15 тысяч лет назад в мире произошло резкое потепление. Природа приняла современный вид. После этого территорию нынешней Нижегородской области начали обживать люди.

Что изучает археология. Жизнь людей той далекой эпохи изучает наука *археология*. Археологи раскапывают в земле остатки древних поселений и орудий труда. В разное время люди изготавливали орудия труда из разных материалов: сначала из камня, потом из меди и бронзы и, наконец, из железа. Поэтому ученые делят историю человечества на

каменный, бронзовый и железный века. В свою очередь каменный век подразделяют на *палеолит* (древнекаменный век), *мезолит* (среднекаменный век) и *неолит* (новокаменный век).

Каменный век. Осваивать территорию современной Нижегородской области человек стал в VIII–VI тысячелетиях до нашей эры, в период мезолита. Следы поселения людей той эпохи найдены у села Старая Пустынь Арзамасского района, на правом берегу реки Сережи.

Места, связанные с жизнью древних людей, называются *археологическими памятниками*. К ним, например, относятся: *стоянки* (остатки неукрепленных поселений каменного века), *могильники* (следы древних захоронений), *городища* (укрепленные поселения). Группу памятников одного времени и типа объединяют понятием *археологическая культура*. Часто она получает наименование от близлежащего населенного места. Так, балахнинская культура эпохи неолита (IV–III тысячелетия до нашей эры) названа по городу Балахна. Поселения и стоянки «балахнинцев» найдены не только близ Балахны, но и в других местах Нижегородской области. Например, у села Саконы Ардатовского района и в Арзамасе. Ученые установили, что представители балахнинской культуры были охотниками. Об этом говорят находки каменных наконечников стрел, обнаруженных при раскопках. «Балахнинцы» охотились на лосей, кабанов, медведей, зайцев, бобров. (Кости именно этих животных сохранились на местах стоянок.) Из шкур убитых животных с помощью костяных игл шили одежду.

Жизнь людей значительно облегчилась, когда они стали использовать металлы. Сначала это была медь. Она нередко встречается в природе в виде относительно крупных кусочков — самородков. Попав случайно в костер, медный самородок мог расплавиться и изменить форму. Древние люди обратили на это внимание и постепенно научились изготавливать медные орудия труда.

Медный топор можно было сделать гораздо быстрее каменного. Однако он быстро тупился. К тому же медь встречается не повсеместно. Поэтому, наряду с медными, по-прежнему применялись и каменные орудия. Эта переходная эпоха получила наименование энеолита — медно-каменного века.

Примером археологической культуры периода энеолита является волосовская (III–II тысячелетия до нашей эры). Ученые дали ей такое название, потому что следы стоянки ее носителей были обнаружены у деревни Волосово Навашинского района, при слиянии рек Теши и Ве-

летьмы. Находки оттуда украшают экспозицию Государственного исторического музея в Москве.

Представители волосовской культуры пришли на территорию современной Нижегородской области в конце III тысячелетия до нашей эры. Им была известна медь, но изделия из нее у «волосовцев» были редки. Зато в обработке камня они достигли совершенства. Сделанные ими каменные ножи для разделки рыбы, наконечники копий и гарпунов вызывают восхищение археологов. При раскопках поселений людей этой культуры ученые нашли также разнообразные кремневые и костяные фигурки человеческих существ, животных, птиц и рыб. Исходя из этих археологических находок, исследователи полагают, что хозяйство «волосовцев» основывалось на охоте и рыболовстве. Охотиться человеку теперь помогала собака. На Волосовской стоянке были обнаружены кости этого первого прирученного людьми животного.

Бронзовый век. В III тысячелетии до нашей эры люди сделали важное открытие. Они изобрели бронзу — сплав меди и олова. Орудия из бронзы оказались тверже и острее медных. Теперь у людей появилось больше возможностей для хозяйственной деятельности. Начался бронзовый век.

Всемирно известный памятник бронзового века был открыт в 1912 году в нескольких километрах от станции Сейма (современный Володарский район). Произошло это случайно: военные во время саперных учений откопали несколько бронзовых предметов (бронзовые литые топоры, большие наконечники копий, кинжалы). Археологи нашли тут еще и каменные кольца, вырезанные из белого нефрита. Этот красивый редкий камень был добыт в Восточных Саянах, около нынешнего Иркутска. Видимо, из тех мест, через Сибирь и Урал, и пришли хозяева найденных под Сеймой предметов. Похожие вещи ученые позднее обнаружили у деревни Турбино возле Перми, а также у населенного пункта Решное в Выксунском районе. Эти находки археологи относят к сейминско-турбинской культуре (XVI век до нашей эры) и считают ее одной из самых загадочных. До сих пор они спорят о ее происхождении.

Следует сказать, что и в бронзовом веке люди продолжали использовать привычные каменные орудия, например каменные топоры. Они служили главным оружием для группы археологических культур лесной полосы, которой ученые дали собирательное название культуры боевых топоров. Ее носители, по мнению ученых, являлись индоевропейцами, далекими общими предками славян, германцев и балтов.

В ее состав ученые включают фатьяновскую культуру (II тысячелетие до нашей эры). Она получила свое название по могильнику, открытому у деревни Фатьяново Ярославской губернии. «Фатьяновцы» пришли с Запада и постепенно заняли огромную территорию от верховий Волги до Оки и Камы. Археологи относят к фатьяновской культуре могильник, открытый у деревни Чуркино Балахнинского уезда. Там ученые обнаружили кости свиньи, барана, собаки, коровы, лошади. Это значит, что «фатьяновцы» были животноводами. Приручение животных и начало их разведения в домашних условиях было для человечества огромным шагом вперед.

К фатьяновской культуре близка еще одна культура бронзового века, чьи следы имеются в Нижегородской области. Это балановская культура, названная по деревне Баланово в Чувашии. Некоторые ученые считают ее частью фатьяновской культуры. Другие же отстаивают мнение о существовании особой балановской культуры, носители которой по своему внешнему облику отличались от «фатьяновцев».

В Нижегородской области могильник, относимый к балановской культуре, был найден в трех километрах от Уреня, не доезжая деревни Климово. Там обнаружили пять сверленных боевых топоров.

Как и «фатьяновцы», «балановцы» были животноводами. В бронзовом веке на территории Нижегородской области появились и земледельцы. Это были племена поздняяковской культуры. Она получили свое наименование от села Поздняково в Навашином районе. «Поздняковцы» поселились в низовьях Оки около середины II тысячелетия до нашей эры. Как полагают ученые, они возделывали землю мотыгами. Земледелие стало новым великим достижением человечества.

Железный век. Очень важные последствия имело и знакомство людей с железом. У нового металла были значительные преимущества перед медью или бронзой. Во-первых, изделия из железа по твердости превосходили и медные, и бронзовые. Во-вторых, железные руды были достаточно широко распространены.

К древнейшим культурам железного века, чьи следы обнаружены на территории современной Нижегородской области, относят дьяковскую и городецкую культуры (I тысячелетие до нашей эры — первая половина I тысячелетия нашей эры).

Дьяковская культура названа по имени городища у села Дьяково (ныне в черте Москвы). Ее носители жили от Верхнего Поволжья до Оки. На территории дьяковских городищ находят железные серпы. Это значит, что среди занятий «дьяковцев» присутствовало земледелие.

Юго-восточнее «дьяковцев» жили племена носителей городецкой культуры. Она названа по городищу у с. Городец (Спасский район Рязанской области). Между дьяковской и городецкой культурой много схожего. Их носителей ученые относят к числу предков многочисленных финно-угорских народов, до сих пор живущих в Восточной Европе.

В I тысячелетии нашей эры на территории современной Нижегородской области обитали представители четырех таких народов: мордва, марийцы, мурома, меря. Наиболее многочисленными среди них были мордва и марийцы. В образе жизни у них имелось немало общих черт. Основа хозяйства этих народов — охота на пушного зверя, бортничество, рыболовство, животноводство, земледелие. У них существовал культ предков, которым поклонялись в священных рощах и урочищах — кереметях.

Мордва в древности. Мордва разделяется на народности эрзя и мокша. Обе они имеют свой язык. В Нижегородском крае жили преимущественно эрзяне. На территории современной Нижегородской области находилась северная оконечность расселения древних эрзянских племен. Эрзяне предпочитали селиться в лесах, вдоль относительно небольших рек, таких как Теша, Сережа и Кудьма. Местами их обитания были современные Богородский, Кстовский, Дальнеконстантиновский, Вадский, Арзамасский, Шатковский, Первомайский, Дивеевский, Ардатовский, Вознесенский, Кулебакский, Выксунский районы. Здесь нередко встречаются названия сел и рек, которые имеют мордовское происхождение. Многие из них имеют конечный элемент «лей» (по-эрзянски — «река»). Например, села Сарлей и Симбилей в Дальнеконстантиновском районе, село Салалей в Вадском районе. Что касается мокшан, то о них нам напоминают река Мокшанка и расположенное на ней село Мокса в Бутурлинском районе.

В древнемордовском могильнике VI–VII веков близ села Кужендеево Ардатовского района учеными были обнаружены различные орудия труда: серпы и мотыжки, коса, топор, наконечники копий и стрел, литейные формы. Судя по этим находкам, среди занятий древней мордвы присутствовало земледелие. Животноводство (разведение коров и лошадей) носило стойловый характер: летом с помощью кос заготавливали сено на зиму. Свое значение сохранила охота. Имелись у древних мордвин и свои металлургии.

С течением времени все большее значение в жизни мордвы приобрело бортничество. Получил распространение особый бортный топор с длинной, узкой, слегка изогнутой лопастью. Им прорубали дупло в де-

реве, где потом поселялись пчелы. Бортный топор найден археологами в древнемордовском могильнике XI–XIII веков у села Личадаево Ардамовского района.

В X–XIII веках у мордвы в лесах имелись укрепленные убежища, защищенные валами и рвами. В русских летописях они называются «тверди». К их числу археологи относят городище у рабочего поселка Сатис Первомайского района и Федоровское городище — у ныне не существующей деревни Федоровка Шатковского района.

В работах П.И. Мельникова-Печерского, Н.И. Храмцовского и А.С. Гациского под видом народной легенды приводятся рассказы о мордвине Скворце, чародее Дятле, по имени которого якобы названы Дятловы горы, и мордвине Абраме, поселившемся при впадении Оки в Волгу на Дятловых горах. Абрам, выбранный предводителем мордовских племен, будто бы основал здесь Абрамов городок. По мнению Ю.В. Сочнева, в основе этой легенды лежат реальные исторические события, но А.А. Кузнецов считает ее вымыслом XIX века. И.А. Кирьянов, В.Ф. Черников и Т.В. Гусева на основе исследования культурного слоя древнего Нижнего Новгорода пришли к выводу, что город возник на пустом, незаселенном месте. Они отвергли возможность существования на его месте мордовского города или поселения (в том числе в связи тем, что мордовским укрепленным поселениям присущи иной характер выбора места, иная топография).

Древние марийцы. (У соседей закрепилось другое их название — черемисы.) Марийцы истари живут на севере современной Нижегородской области, преимущественно к востоку от реки Ветлуги, на территории современных Шарангского, Тонкинського, Тоншаевского районов. Здесь немало населенных пунктов имеют названия, происходящие от марийских слов, таких как «энер» (речка) и «нур» (поле). К их числу относятся Вякшенер (река и деревня в Тоншаевском районе), Письменер (река и две деревни в Тоншаевском районе), Кугланур, Кушнур (деревни в Шарангском районе). Марийские древности VII–XI веков обнаружены археологами также на территории современных Шахунского, Ветлужского и Воскресенского районов. В давние времена марийцы жили и на правом берегу Волги, там, где сейчас Кстовский, Лысковский и Воротынский районы.

Древние марийцы были искусными звероловами. Орудиями охоты у них служили лук, стрелы и копье. Для ловли мелких зверей применялся деревянный капкан. Промышляя белку, черемисы использовали стрелы

с костяными шишкообразными наконечниками, не портившими шкурки зверя.

Долгие века нижегородские маришцы сохраняли почитаемые их предками священные рощи. Так, например, большой известностью пользуется роща у деревни Большие Ашкаты Тоншаевского района.

Мурома. Память о мурома сохранилась в названии города Муром. Муромские племена жили преимущественно на левом берегу Оки (нынешний Муромский район Владимирской области). Следы их пребывания определены учеными и на правобережье Оки — в Выксунском, Навашином, Вачском, Павловском районах. Так, например, с муромской археологи связывают селище и могильник у села Нижняя Верея Выксунского района, могильник у села Звягино Вачского района. Благодаря раскопкам мы знаем, что древние представительницы этого народа имели много украшений. Особенно они любили «шумящие» подвески из бронзы. Интересно, что, по мнению ученых, их, как и другие ювелирные изделия, женщины изготавливали сами. Они же лепили из глины посуду. Свою одежду женщина народа мурома всегда подпоясывала кожаным ремнем, богато украшенным металлическими накладками, к которому привешивалось множество предметов обихода. При этом обязательным элементом женского костюма считался нож.

Мурома тесно общалась со славянами (преимущественно с кривичами) еще в VII–X веках. Археологи выяснили, что уже тогда в некоторых поселениях одновременно проживали и мурома, и славяне. Принятие христианства и возникновение древнерусского города Муром ускорило включение мурома в состав русского народа. Муром стал центром Муромско-Рязанской земли, куда вошла вся племенная территория мурома, включая ее участок на правом (нижегородском) берегу Оки.

Первые древнерусские поселения на территории современной Нижегородской области. После создания Мурома русское население отсюда начинает осваивать правый берег Оки. Этот процесс начался в XI веке. К этому времени относится самый древний славянский памятник на территории Нижегородской области — селище Коробково (Навашинский район). В XI – начале XIII века русские люди постепенно обжили весь правый берег Оки от Мурома до ее впадения в Волгу. Среди них были не только выходцы из Мурома. Например, селище XII–XIII веков близ Павлова, как полагают некоторые археологи, было основано потомками вятичей, пришельцев из Рязанской земли.

К XIII веку вятичи, подобно другим племенным союзам восточных славян (например, кривичам и словенам ильменским, потомки которых

тоже участвовали в заселении территории современной Нижегородской области), полностью слились в единую древнерусскую народность. Как считают ученые, этот процесс хорошо заметен по изменениям в женских украшениях и головных уборах. (По ним лучше всего определяются как отличия между разными славянскими племенами, так и их стирание.)

Основу праздничного головного убора славянской красавицы составляло «вено» — обруч из металлической ленты, кожи, бересты, плотной ткани, удерживавший волосы. Его съёмная передняя часть называлась очельем (от слова «чело» — лоб). Остатки головного убора XIII в. были найдены археологами у деревни Копнино Богородского района. Он представлял тканую ленту с золотным шитьем. На очелье красовались позолоченные металлические бляшки со стеклянными вставками. Там же найдены бронзовые височные кольца. Эти украшения либо вплетали в волосы, либо крепили к очелью (например, подвешивая на кожаных ремешках). Височные кольца из Копнина скручены из бронзовой проволоки и невелики по размеру. Такие кольца называют перстнеобразными. В X–XIII веках, т. е. в период формирования единой древнерусской народности, они получили на Руси широкое распространение как часть девичьего убора. Девушки вплетали их в волосы.

Древнерусские селища XI–XIII веков на территории Нижегородской области, как правило, располагались рядом с Окой или впадающими в нее речками и ручьями. Во время раскопок там обнаружены рыбацья чешуя и большое количество приспособлений для рыбной ловли (крючки, глиняные грузила и остроги).

Керамические грузила — обычная принадлежность волоковых сетей, например бредня (рыбаки брели по реке, таща его за собой). Бредни и прочие сети плели с помощью костяных игл, также найденных на нижегородских древнерусских селищах. Острога — это орудие для добычи крупной рыбы (сом, судак и т. д.). Она представляет собой длинную палку, на конец которой надета железная насадка с острыми зубьями. Ей били рыбу с лодки.

В изготовление лодок древние славяне достигли большого искусства. Делали это они с помощью топора, тесла, долота, скобеля. На древнерусских селищах Нижегородской области археологи довольно часто находят эти инструменты. Железо для их изготовления наши предки добывали из руды, которую умели находить на болотах. Ее обжигали в ямах или печах, получая в результате пористую железную массу — крицу.

Из крицы древнерусские кузнецы выковывали и многие другие орудия, а также предметы быта и вооружения: серпы, ножи, шилья, дверные кольца, скобы, гвозди, иглы, дужки от ведер, наконечники стрел. На основании всех этих находок можно заключить, что первые русские на Нижегородчине были рыбаками и земледельцами, знали толк в обработке дерева и железоделательном производстве.

Волжская Булгария. В конце VII века на востоке от современной Нижегородской области поселились болгары, кочевники, пришедшие с Северного Кавказа. Они явились сюда, не желая находиться под властью хазар. Но хазары настигли болгар и на новом месте. В IX веке Хазарский каганат сильно расширил свои пределы и подчинил своей власти славянские племенные союзы полян, северян, радимичей, вятичей, а также народы, жившие южнее и восточнее слияния Оки и Волги: мордву, черемисов и болгар. С них хазары собирали дань мехами и серебром.

От тяжкого хазарского ига народы Поволжья освободил русский князь Святослав. Легендарный полководец Древней Руси проплыл со своей дружиной мимо того места, где сейчас стоит Нижний Новгород, чтобы неожиданно обрушиться на столицу Хазарского каганата, Итиль, находившийся в устье Волги.

После разгрома хазар Волжская Булгария обрела независимость. Это было богатое государство. Булгары, исстари занимавшиеся скотоводством, славились большим искусством в обработке кожи. Хорошо развито было у них и земледелие. В летописях отмечены случаи, когда во время неурожая в русских землях болгары снабжали их хлебом.

Киевский князь Владимир Красное Солнышко захотел наложить на болгар дань и в 985 году совершил поход в их земли. Однако, одержав победу, он отказался от мысли подчинить болгар, считая, что с ними лучше поддерживать добрососедские отношения. Русские и болгары поклялись не воевать. Причем болгары сказали: «Тогда не будет между нами мира, когда камень начнет плавать, а хмель — тонуть».

Чтобы укрепить дружбу с Русью, болгары в 986 году направили посольство в Киев, предложив князю Владимиру отвергнуть язычество и принять ислам — ту религию, которую исповедовали они сами. Владимир отказал им. Предки русских выбрали православную веру. Но это не привело к вражде между русскими и булгарами. Владимир Красное Солнышко позволил болгарским купцам без опаски торговать в русских городах.

Торговцы из Булгарии приплывали на Русь по Волге и Оке, а также добирались по суше — через Рязань и Муром. Путь из Булгарского гос-

ударства на Муром проходил через юг современной Нижегородской области. Археологами обнаружено здесь немало болгарских вещей, например, обломки керамики. Ученые полагают, что жившие тут мордовские племена находились в сфере влияния Булгарского государства. На этом торговом пути, вероятно, существовали болгарские поселения или заставы. К их числу можно отнести селище Архангельское (Кобылино) на правом берегу реки Теши в Шатковском районе. Там археологами найдена только болгарская гончарная посуда.

Булгарская крепость, по предположению В.Н. Татищева, в древности существовала на месте Нижнего Новгорода. Из современных историков эту догадку поддерживает Ю.В. Сочнев. Развернутую критику указанной версии дали В.А. Кучкин, Б.М. Пудалов, А.А. Кузнецов. Автор данного пособия присоединяется к их аргументам. Следует особо подчеркнуть, что раскопки не дали никаких свидетельств существования у слияния Оки и Волги болгарского города.

1.2. Юрий Долгорукий и его сыновья в древней истории Городца

Междуречье Волги и Оки в X – начале XII в. Владимир Мономах и его сын Юрий Долгорукий в Ростово-Суздальской земле. Борьба Юрия Долгорукого за Переяславль-Русский и Киев. Юрий Долгорукий и основание Городца. Городец во времена Андрея Боголюбского. Поход князя Мстислава Андреевича на болгар и проблема города — предшественника Нижнего Новгорода. Городец при Всеволоде Большое Гнездо. Древний Городец и его округа по данным археологии.

Междуречье Волги и Оки в X – начале XII в. Городец — древнейший город Нижегородской области. Он возник в ходе освоения русскими людьми Верхнего Поволжья и междуречья Волги и Оки.

Соседями славян на Верхней Волге были племена, принадлежавшие к древнему финно-угорскому народу меря, родственному муроме, марицам и мордве. Вверх по Оке — от устья Клязьмы жил народ мурома.

Через земли меря и муромы, по многочисленным здесь рекам и озерам, издревле проходили международные торговые пути. Они соединяли Балтийское море с Ближним Востоком и Средней Азией. По этим путям в междуречье Волги и Оки, тогда богатое пушниной, попадали кушцы из Скандинавии и восточных стран. Они устраивали стоянки ря-

дом с племенными центрами мерян, где вели торговлю с местным населением. С IX века здесь стали селиться словене ильменские. Они, спускаясь сюда от озера Ильмень, назвали эту землю Низовской, или Низом.

В эпоху Киевской Руси в Низовской земле, вблизи от мерянских поселений на Волжском пути, начали появляться княжеские крепости. Старейшей из них был Ростов Великий, город на озере Неро. По нему Низовскую землю иногда называли Ростовской.

Ростовская, она же Низовская, земля в X – первой половине XI века управлялась из Новгорода. Но в 1054 году Ярослав Мудрый завещал брать дань с Ростовской земли своему сыну Всеволоду, правившему на юге Руси, в Переяславле-Русском. От Переяславля и Киева Ростовская земля отделялась полосой дремучих лесов. Поэтому переяславцы и киевляне, а вслед за ними и летописцы начали называть ее Залесской землей.

Владимир Мономах и его сын Юрий Долгорукий в Ростово-Суздальской земле. Сын Всеволода, Владимир Мономах, неоднократно посещал Залесскую землю. Его резиденцией там стал Суздаль, где Мономах возвел крепость. Вокруг Суздаля появились монастыри, русские села и погосты (места сбора дани). Теперь Суздаль наравне с Ростовом превратился в один из двух главных городов Залесской, или Ростово-Суздальской, земли.

Энергичное освоение Владимиром Мономахом окрестностей Суздаля обеспокоило восточных соседей Руси — болгар. Они вели торговлю по Клязьме, а русские, выйдя со стороны Суздаля к этой реке, могли бы брать с проплывающих здесь болгарских купцов пошлины. В 1107 году болгары по Оке, Клязьме и Нерли пришли ратью к Суздалью, разорив окружавшие его села и погосты. Но суздальцы дали решительный отпор нападавшим.

После этих событий Владимир Мономах предпринял ряд действенных мер против болгар. Сначала он заключил союз с половцами. Их кочевья доходили до юга современной Нижегородской области. А здесь шли важные для Булгарии торговые пути на Муром и Рязань, которым половцы могли угрожать.

Этот союз Мономах скрепил, женив своего юного сына Юрия на дочери половецкого хана Аепы. Сразу после свадьбы молодые отправились в Суздаль. Там и стал княжить Юрий. Туда же приехал и сам Владимир Мономах.

В 1108 году он построил на Клязьме крепость Владимир, проплывая мимо которой болгарские купцы должны были уплачивать пошлины.

Теперь русские, впрочем, как и половцы, были заинтересованы в том, чтобы восстановить добрые отношения с булгарами и привлечь их торговцев. Летопись сообщает, что в 1117 году Аепа и прочие половецкие ханы пришли к булгарам. Однако болгарский князь выслал им питье с отравой. Видимо, он не хотел заключать мир на предложенных условиях.

Сын Мономаха, Юрий (в историю он вошел под прозвищем Долгорукий), должен был отомстить за гибель тестя. В 1120 году он отправился в поход на Булгарию. Чтобы нападение было неожиданным, русская судовая рать поплыла не обычным коротким путем от Владимира, через Клязьму, Оку и Волгу, а по Волге от Ярославля.

Молодого князя сопровождал боярин Георгий Шимонович. С детства он был его воспитателем и, по сути, заменил юноше отца. Лучшие годы Георгия Шимоновича были связаны с Киевом. Он много рассказывал своему питомцу об этом чудесном городе и его окрестностях.

Наверняка, когда русская рать плыла по Волге, Георгий Шимонович обратил внимание Юрия на то место, где обычно низкий левый берег реки высок, как и напротив Киева, где стоял город Городец Песочный. Через много лет на этом месте Юрий Долгорукий основал город с таким же названием — Городец Волжский.

Поход 1120 года окончился для Юрия удачно. Он победил болгар и, как сообщает летописец, вернулся «поздорову с честью и славою». В дальнейшем между русскими и булгарами все-таки установились мирные и взаимовыгодные отношения, которые были скреплены женитьбой сына Юрия, Андрея (будущего князя Андрея Боголюбского), на болгарской царевне.

Борьба Юрия Долгорукого за Переяславль-Русский и Киев. Андрей был третьим сыном Юрия Долгорукого. А всего у князя было одиннадцать сыновей. И каждому он должен был оставить город с волостью для княжения. Как известно, в 1097 году, на своем съезде в Любече, русские князья решили: «каждый да держит отчину свою». Иначе говоря, любой из них должен был править только там, где княжил его отец. Соответственно дети Юрия Долгорукого могли рассчитывать лишь на города Залесской земли (или Суздальской, как ее стали называть по городу, где теперь находился князь). Однако в Суздальской земле все города были наперечет. Сама же она была малонаселенной, а значит, не могла обещать князю больших доходов.

Юрий пытался исправить это положение. Он привлекал сюда переселенцев из Южной Руси и других земель, с размахом вел строитель-

ство в Суздале и Владимире. Однако Суздальская земля все-таки заметно уступала богатством южнорусским княжествам. Между тем Юрий Долгорукий имел права на лучшие города Руси — Киев и Переяславль-Русский, поскольку там когда-то правил его отец Владимир Мономах. Но воспользоваться этим правом он мог только после своих старших братьев — Мстислава, Ярополка и Вячеслава.

Дело осложнялось тем, что Юрий был намного их младше. Так получилось, поскольку он был рожден от другой матери — второй жены Владимира Мономаха. Племянники (сыновья Мстислава) были его ровесниками. Поэтому старшие братья не воспринимали Юрия как близкого человека и не хотели считаться с его правами.

Мстислав, который в 1125–1132 годах был великим князем киевским, перед уходом из жизни обещал передать Киев брату Ярополку, княжившему в Переяславле. Но с условием, что Ярополк отдаст Переяславль сыну Мстислава — Всеволоду. Это было явным ущемлением Юрия Долгорукого. Всеволод Мстиславич не имел никаких прав на Переяславль, поскольку его отец никогда не владел этим городом. А для Юрия Долгорукого Переяславль-Русский как раз являлся отчиной по батюшке, Владимиру Мономаху.

Поэтому Юрий быстро собрал суздальскую рать, сговорился со своим младшим братом Андреем Добрым и ворвался в Переяславль — через несколько часов после того, как туда въехал Всеволод Мстиславич. Без лишних разговоров дядья выгнали племянника из города.

Три года между потомками Мономаха бушевали распри. Города переходили из рук в руки. Князья воевали, менялись землями, заключали и расторгали договоры. В конце концов Юрий и Андрей отстаивали свои права. Андрей Добрый стал княжить в Переяславле-Русском. Юрий Долгорукий хотя и вернулся в свой северный Суздаль, но получил во владение несколько городов на юге. Полагают, что среди них находились Городец на левом берегу Днепра, напротив Киева (Городец Песочный), и Городец Остерский, на левом берегу реки Остер у впадения ее в Десну. Однако это примирение было временным. Дядья и племянники остались врагами. Распря между ними неминуемо должна вспыхнуть вновь.

По старшинству Юрий Долгорукий имел больше прав и на Переяславль, и на Киев, чем его соперники. Но до Суздаля вести с юга доходили слишком поздно, и Юрий часто не успевал вовремя вмешаться в ход событий. К тому же из союзников у него был только брат Андрей. И когда тот ушел из жизни, Юрий Долгорукий остался в полном одиноче-

стве. Поэтому ему пришлось смириться с потерей Городца Песочного и Городца Остерского, а также с утратой Переяславля, где стал править его племянник Изяслав Мстиславич. Но когда Изяслав в 1146 году захватил Киев, Юрий Долгорукий стерпеть уже не смог. Уступил он здесь — и его сыновья должны были бы проститься с надеждой на уделы в богатых южных городах.

Между Юрием Долгоруким и Изяславом началась затяжная борьба. Она шла с переменным успехом. Дважды Юрий отбивал Киев (1149, 1150), наделяя сыновей Переяславлем и близкими к столице городами. И оба раза Изяслав его изгонял.

В 1151 году Изяслав нанес Юрию, казалось бы, решающее поражение. Юрию Долгорукому пришлось пообещать, что он навсегда уйдет в Суздаль. Но перед тем Долгорукий пожелал побыть немного в своем любимом южном Городце (скорее всего, в летописи идет речь о Городце Остерском). Однако покинуть это место было выше его сил. Напрасно сын Андрей звал его в Залесскую землю. Убедить отца не удалось. Андрей так и уехал один. Изяслав был вынужден выгонять дядю домой силой.

Юрий Долгорукий и основание Городца. *Первое летописное известие о Городце относится к зиме 1171–1172 годов, когда Андрей Боголюбский послал своего сына Мстислава на болгар и тот прибыл в Городец на Волге. Из текста летописи ясно, что в это время город уже существовал. Когда он был основан, можно предположить только на основе косвенных данных.*

На сегодняшний день существуют две точки зрения на этот счет. Согласно первой из них, наиболее полно обоснованной А.Ф. Медведевым и поддержанной Н.Ф. Филатовым, Городец основал Юрий Долгорукий в 1152 году. В.А. Кучкин, Т.В. Гусева, Б.М. Пудалов, А.А. Кузнецов полагают, что Городец возник при Андрее Боголюбском между 1164 и 1172 годами. Автор пособия в целом разделяет мнение А.Ф. Медведева и Н.Ф. Филатова и, развивая их концепцию, выстраивает приводимую ниже последовательность событий.

В 1151 году Юрий вернулся в Суздаль. С надеждой обеспечить сыновей богатыми южными волостями приходилось расстаться. Что оставалось делать суздальскому князю? Довольствоваться Залесской землей: возвести там новые города и украсить старые. Этим он и занимается в 1152–1154 годах, прекратив на это время борьбу за Киев. Красотой города Залесской земли не должны были уступать старинным городам юга. И Юрий намечает в них строительство великолепных белокамен-

ных храмов, прежде невиданных в этих местах. Но возведение подобных сооружений требовало громадных средств. Следовательно, Юрию был необходим новый источник доходов.

Главным богатством Руси, пользовавшимся значительным спросом на внешних рынках, были меха. Поэтому суздальцы стремились установить контроль над богатыми пушным зверем северными лесами. Их соперниками в этом были новгородцы и болгары.

Болгары издавна ездили за мехами к Белому озеру и далее в Югру. Их путь лежал мимо Ярославля. Здесь же, по Балтийско-Волжскому пути, они везли свои товары в Новгород. Теперь обладатель Ярославля — Юрий Долгорукий, вероятно, приказал взимать здесь с болгарских купцов чрезвычайно высокий мыт (проездную пошлину). Если мы примем эту догадку, тогда будет понятно, почему болгары в 1152 г. напали на Ярославль — этот город стал помехой для их выгодной торговли. Но поскольку взять его болгары не смогли, у них оставался лишь один способ избежать здесь уплаты мыта: изменить маршрут своих поездок и, возвращаясь домой из северных земель, попадать в Волгу, минуя Ярославль, через реки Кострому или Унжу. Юрий Долгорукий, конечно, должен был лишить болгарских купцов этой возможности. Для этого следовало взять под контроль устья Костромы и Унжи, построив на подступах к ним крепость. Причем в таком месте, миновать которое болгары бы никак не могли. Очевидно, что этой крепостью и стал Городец.

Дело в том, что ниже устья Унжи начинался отрезок Волги, где было много мелей, перекатов и островков. Из-за них течение реки сильно замедлялось. Городец был поставлен в самом узком месте этого участка, на возвышенном левом берегу Волги. Здесь было удобнее всего не пускать болгар во время войны или брать с них пошлины во время мира.

Скорее всего, название этому городу было дано Юрием в память о Городце Остерском. Как раз в 1152 году непримиримый враг Юрия Долгорукого Изяслав Киевский сровнял этот город с землей, чтобы суздальский князь никогда не смог туда вернуться. Весть об этом потрясла Юрия. Как сообщает летописец, он «вздыхнул от сердца».

Н.Ф. Филатов предположил, что в 1152 году постройкой Городца на Волге руководил боярин Радил, отчего город был назван «Городец Радиллов». Другую точку зрения отстаивает Б.М. Пудалов. Анализ летописей привел его к выводу, что известие 1216 года о Городце Радиллове по происхождению новгородское. По мнению ученого, оно явилось следствием ошибки новгородского летописца XIII века. Тот не слишком

хорошо знал «географические реалии» Суздальской земли и перепутал городок Радилон Тверской земли (упоминается в летописях в связи с завещанием князя Михаила Тверского в конце XIV века) и Городец на Волге. Мы критически воспринимаем эту гипотезу Б.М. Пудалова, отмечая, что тверской Радилон нигде не назывался Городцом и не упоминался в связи с событиями XII–XIII веков, а новгородцы прекрасно знали местоположение Городца на Волге, поскольку через него вели торговлю с Булгарией. На сегодняшний день версия Н.Ф. Филатова о воеводе Радиле, строившем в 1152 году Городец, кажется наиболее правдоподобной.

Крепость, возведенная в 1152 году, находилась в прибрежной части нынешнего Городца (там, где сейчас улицы Щорса, Кожанова и Свердлова). Она расположилась на высокой горе, ограниченной двумя параллельно врезающимися в левый берег Волги оврагами. Старожилы до сих пор называют это место Княжьей горой. Оно было выбрано для закладки города не случайно. Внизу под горой бил родник и протекал ручей. Таким образом, жителям крепости не пришлось бы испытывать недостатка в питьевой воде.

Судя по данным раскопок, произведенных в 1960 и 1962 годах известным археологом А.Ф. Медведевым, первоначальная крепость представляла собой оплот — сплошную стену из бревенчатых клетей, поставленную прямо на грунте. Ни вала, ни рва не было. В трех метрах от оплота с внешней стороны был поставлен острог — частокол из заостренных бревен. С укреплений Городца русские витязи зорко следили, не покажется ли из низовий Волги враг. Городец стал на дальних рубежах ростово-суздальских земель как город-часовой, город-воин.

Одновременно он начал играть роль таможенных ворот Руси в торговле с Булгарией и вообще восточными странами. В Городце обнаружено огромное количество свинцовых пломб, которыми опечатывали товары — примерно такое же, как в Новгороде. В Городец товар прибывал уже опломбированным. Здесь (очевидно, после уплаты соответствующего сбора) пломба срывалась, и купец мог следовать дальше, в Булгарию.

Городец во времена Андрея Боголюбского. *В распоряжении историков имеется лишь одно летописное упоминание о Городце в указанный период. Тем не менее на основе анализа данных археологии и «Китежского летописца», в основе которого, как полагал В.Л. Комарович, лежит отрывок из не дошедшей до нас Ростовской летописи, мы попытались произвести излагаемую ниже реконструкцию событий.*

Судя по данным раскопок археолога А.Ф. Медведева, изначальная городецкая крепость простояла лет 10–15, а потом была сожжена. Сделали это скорее всего булгары, которым Городец мешал свободно плавать по Волге.

Нападение булгар, вероятно, произошло в 1163 году. Правивший тогда в Залесской земле князь Андрей Боголюбский не мог оставить его без ответа и смириться с потерей этого города. В 1164 году князь лично отправился в Городец. С собой он взял икону Всемилоственного Спаса и две иконы Богородицы — одну из Успенского собора во Владимире, другую из Федоровского монастыря, расположенного около Владимира.

Этот монастырь Андрей Боголюбский основал во имя Федора Стратилата. У князя было особое отношение к святому Федору. Однажды в день его памяти Андрей в пылу битвы оторвался от своих дружинников и был окружен врагами, но чудесным образом спасся.

Путь к Городцу из Владимира тогда пролегал через Переяславль-Залесский, Ростов и Ярославль. В Ярославле Андрей Боголюбский сел в струг и поплыл вниз по Волге. В Городце князь пристал к берегу и повелел начать восстановление города. Оно должно было начинаться с постройки детинца. (Так на Руси называлось изначальное, внутреннее укрепление города.)

Детинец, возведенный в 1164 году, расположился на том же месте, где стояла сгоревшая крепость Юрия Долгорукого — на Княжьей горе. В отличие от целиком деревянного детинца Юрия Долгорукого, крепость Андрея Боголюбского представляла собой деревоземляное укрепление с валом и рвом. Ров шел параллельно улице Ворожейкина, пересекая современные улицы Щорса, Кожанова и Свердлова. Для противника он являлся почти непреодолимым препятствием. Ширина рва достигала 18 метров. Вглубь же он уходил на 5 метров. Тому, кто рискнул бы ринуться через него, угрожал шедший по дну острый дубовый часток. Вдоль рва и оврагов дугой вытянулась линия вала. Основу его составили деревянные срубы, засыпанные землей. Ширина вала у его подошвы составляла 22 метра. Направление северного участка вала обозначает улица Щорса, а Южного — улица Свердлова.

Дав указания по восстановлению города, Андрей Боголюбский покинул Городец. Перед отъездом князя городчане начали его молить, чтобы он оставил в городе икону Божьей Матери. Андрей даровал им Федоровскую икону. Во имя этой иконы здесь был основан монастырь.

От Городца князь Андрей поехал сухим путем. Он переправился через Волгу, Санохту (в современном Чкаловском районе) и через терри-

торию нынешней Ивановской области вернулся в центр своих владений — к Кидекше (Китежу), что на реке Нерль, рядом с Суздалем. Рассказ об этом важном путешествии был записан. В XVII веке в переработанном виде он лег в основу знаменитого «Китежского летописца», созданного в Городецце или около него и ставшего любимым чтением нижегородских старообрядцев. В этом литературном произведении XVII века Городец впервые был назван Малым Китежем.

Из Кидекши Андрей Боголюбский во главе войска по Нерли, Клязьме и Оке направился в поход против булгар. Вместе с Андреем Боголюбским в военных действиях участвовали его сын Изяслав, брат Ярослав и муромский князь Юрий. Это предприятие увенчалось полным успехом. Князь Андрей и его воины возвратились с победой.

В дальнейшем в поход на булгар русское войско стало выступать из Городца. Оно приходило туда из Кидекши, оставляло в Городецце коней и пересаживалось здесь на ладьи. Вероятно, чтобы княжеские кони и обоз были в безопасности, вокруг детинца рвом и валом была окружена огромная по меркам Древней Руси территория — примерно в 60 га. Здесь же могли укрыться жители окрестных сел и деревень. Тут разместилась и торгово-ремесленная часть города — посад. В результате Городец стал одним из крупнейших русских городов. Для сравнения: площадь древнего Суздаля составляла 50 га, Рязани — 40 га. А тогдашнюю Москову Городец превосходил размерами во много раз.

Скорее всего, эта линия укреплений начала строиться в том же 1164 году по распоряжению Андрея Боголюбского. С северной стороны от Волги она начиналась глубоким оврагом (ныне о нем напоминает Кировский съезд), который переходил в ров (начало улицы Кирова). Первые дома по улице Кирова стоят прямо на древнем валу. Там, где улицу Кирова пересекает улица Новая, вал поворачивал на юг. Отсюда шел его восточный участок. Он сохранился и до наших дней и идет вдоль улиц Чапаева, Азина и параллельно улице Маслова. У пересечения улиц Маслова и Загородной древние укрепления поворачивали на запад. Вдоль Загородной улицы можно наблюдать их южный участок, выходящий к Волге.

Современная высота насыпи достигает 7,5 метров, а в древности вал (или, как его называли, соп) был в два раза выше. В основание сопа были заложены деревянные срубы. Эти срубы выходили на поверхность и являлись основой шедших по верху вала наземных деревянных конструкций.

За прошедшие столетия соп порос могучими соснами. Некоторые из них причудливо искривлены. Это одна из достопримечательностей Городца. Внушительно выглядит и примыкающий к валу ров. Его глубина около 5 метров, а ширина колеблется от 18 до 24 метров.

Поход князя Мстислава Андреевича на болгар и проблема города — предшественника Нижнего Новгорода. Первое упоминание Городца как базы похода на Волжскую Булгарию (и вообще первое летописное известие о нем) относится к зиме 1171/72 года. Тогда Андрей Боголюбский послал своего сына Мстислава на болгар. Мстислав прибыл в Городец на Волге, затем соединился с рязанцами и муромцами на устье Оки. Далее Мстислав Андреевич и его союзники взяли «шесть сел и седьмой город», а затем, преследуемые булгарами, вернулись обратно.

Что это был за город и где он находился, историки затрудняются ответить. Н.И. Храмцовский привел легенду, которую слышал от како-го-то «любителя старины», что город, разоренный Мстиславом, находился на месте Нижнего Новгорода — это был городок мордовского предводителя Абрама (или Ибрагима). П.И. Мельников-Печерский счел эту легенду «подозрительной». Однако он не отрицал возможности того, что на месте Нижнего Новгорода мог быть мордовский город (Абрамов городок). Суздальские князья его сожгли, а затем на Гремячей горе поставили свой город для сбора дани с мордвы. В 1221 году ниже этого города был поставлен новый, названный Нижним Новгородом. Старая крепость суздальских князей начала именоваться «Старый городок». Она просуществовала несколько веков, пока не была уничтожена оползнем.

Идеи П.И. Мельникова-Печерского развил Ю.В. Сочнев. Он считает, что Абрамов (Ибрагимов) городок был поставлен булгарами в мордовских землях. В 1164 году Андрей Боголюбский захватил его и основал крепость, известную позже как Старый городок. Таким образом, согласно предположению Ю.В. Сочнева, в 1172 году в устье Оки уже существовала русская крепость, в которой Мстислав сначала ждал муромских и рязанских князей, а затем укрылся от преследования болгар. Такого же мнения придерживался Н.Ф. Филатов. Версию Ю.В. Сочнева и Н.Ф. Филатова критически рассмотрели и отвергли А.А. Кузнецов, Б.М. Пудалов, П.В. Чеченков, считающие, что она не имеет достаточной опоры в летописных данных. Мы присоединяемся к их аргументам и вслед за Н.Н. Грибовым полагаем, что крепость, позднее известная как Старый городок, существовала не в XII, а в XV веке (подробнее этот вопрос будет рассмотрен в соответствующем разделе).

Городец при Всеволоде Большое Гнездо. В 1174 году Андрей Боголюбский пал жертвой заговора. После этого в Залесской земле началась двухлетняя усобица. Ростовчане и суздальцы стремились подчинить Владимир, а его жители им успешно противостояли и в конце концов сами взяли верх. Приглашенный владимирами в князья младший брат Андрея Боголюбского, Всеволод, сделал их город столицей Низовской земли.

Всеволод, впоследствии получивший за свое многочисленное семейство прозвище Большое Гнездо, правил с 1176 по 1212 год. Укрепив свою власть в Низовской земле, он еще несколько лет должен был восстанавливать позиции своего княжества в борьбе с новгородцами и рязанцами.

Распри, бушевавшие на Руси, сделали небезопасной торговлю по Оке и Волге. Булгарские купцы стали часто подвергаться ограблениям. Булгары дважды просили Всеволода найти управу на разбойников. Тот, однако, был бессилен, ведь в основном лиходействовали рязанцы и муромцы. Тогда булгары, озлобясь, собрали большое войско и в 1183 году в ладьях и берегом пришли в Низовскую землю. Одна их рать двинулась к Мурому и Рязани, другая — по Волге к Городцу. Русские города устояли, но окрестности их были разорены.

Всеволод Большое Гнездо решил отбить у булгар охоту нападать на Городец. Однако Всеволоду недоставало сил, чтобы одному разгромить Волжскую Булгарию. Но владимирский князь решил эту проблему, показав себя искусным дипломатом. Всеволод Большое Гнездо сумел привлечь к походу на булгар княжеские рати из Киева, Чернигова, Мурома, Рязани, Смоленска, Переяславля-Русского.

Возглавлявшие их князья весной 1184 года собрались у Всеволода во Владимире. Оттуда некоторые из них отправились по Клязьме к Оке. Другие же вместе с самим Всеволодом Большое Гнездо верхом на конях двинулись в Городец. Там их ждал военно-транспортный флот. Городец, таким образом, сыграл роль главной базы похода.

Предприятие владимирского князя увенчалось успехом. Был заключен выгодный мир. Условия его были тяжелы для булгар. Видимо, они их нарушили. Всеволод вновь послал на булгар своих воевод (1186). На этот раз войско состояло из одних городчан. Они тоже вернулись с победой.

Древний Городец и его округа по данным археологии. Формирование войска против булгар только из городчан — свидетельство многочисленности Городца. Об этом же говорят данные археологии. Ученые

давно ведут раскопки в Городце. Особенно большой вклад в изучение древнего города внесла Т.В. Гусева. Благодаря ее исследованиям, мы довольно много знаем о жителях древнего Городца.

Среди них было много ремесленников. Особую роль среди них играли кузнецы. Судя по всему, кузнечное дело в древнем Городце достигло большого развития. Об этом, в частности, говорят находки кусков болотной руды, из которой получали железо. Болотная руда (бурый железняк, природное скопление гидроксидов железа) залегает близко к поверхности. На территории Нижегородского края она встречалась довольно часто, в том числе вблизи Городца — в долинах рек Узолы и Санды. Здесь, как и по всему левобережью Волги, тянулись огромные пространства болот и озер и имелись многочисленные месторождения болотной руды. Вокруг них возник целый ряд древнерусских поселений. Часть руды превращалась в железо здесь же, часть поставлялась в Городец.

Процесс восстановления железа из руды несложен. В специальной печи — горне — руду (гидроксид железа) перемешивали с древесным углем (углеродом). Уголь разжигали, и под воздействием высокой температуры начиналась химическая реакция. В результате выделялся углекислый газ и получалась *крица* — рыжая пористая масса железа с небольшим содержанием углерода и полостями шлака (посторонних примесей). Затем крицу ковали большим молотом, выбивая куски шлака. Таким способом получались рыжеватые железные лепешки — материал для изготовления металлических изделий.

Шлак и крица встречаются как в археологических слоях древнего Городца, так и древнерусских селищ около Санды (например, в Першине). Этот вопрос проанализирован в работах Д.А. Антонова, под руководством которого там велись раскопки. В Городце много таких отходов обнаружено вблизи вала. Видимо, кузницы, чтобы снизить риск пожара, располагали на краю города. Археологи нашли здесь и инструменты для обработки железа: напильник, пробойник, зубило. При раскопках ученым попались также нижние части больших глиняных горшков, заполненных железом. В подобных горшках крица накалялась вместе с углем, обогащаясь углеродом. Таким путем кричному железу придавали большую твердость, превращая его в сталь. Из стали делали острые предметы, требующие постоянной заточки: ножи, серпы, косы, топоры, ножницы. Среди прочих изделий городецких кузнецов можно назвать рыболовные крючки, сверла, ключи, замки, дверные кольца.

Найдены также *писала* — остро заточенные кованые железные стержни. Ими чертили буквы на бересте и на покрытых воском дощечках.

Если плавить железную руду, превращая ее в чугун, тогда не умели, то секреты работы с цветными металлами, имеющими гораздо более низкую температуру плавления, городецким мастерам были хорошо известны. Об этом свидетельствуют находки специальных инструментов: глиняных горшочков (тиглей) для плавки металла, а также вырезанных из камня литейных формочек. Среди ювелирных изделий особенно часто встречаются бронзовые женские украшения: витые из проволоки височные кольца, подвески.

Археологи нередко находят в Городце фрагменты керамики: черепки глиняной посуды, глиняные погребушки и свистульки, что свидетельствует о развитии гончарного ремесла. Местная глиняная посуда представлена горшками различных размеров, мисками, блюдцами, крынками. Большинство горшков с орнаментом в виде волнистых или прямых горизонтальных линий. Собрано и значительное количество осколков с орнаментом в виде отпечатков штампа прямоугольной, квадратной и треугольной формы. Такая разновидность узора характерна для Верхней Волги и Рязанского Поочья. Вероятно, жители этих областей Руси в XII веке принимали активное участие в освоении городецкой округи.

Судя по находкам опиленных рогов, заготовок костяных поделок и специального инструмента — лучкового сверла, наши предки знали толк в обработке кости. Из нее делали ручки к ножам. Известны наборные ручки, в которых костяные шайбы чередовались с бронзовыми пластинами. Очень любопытны маленькие костяные ложечки-копоушки: ими в древности чистили уши.

На месте одного из древних жилищ в большом количестве были найдены каменные нательные крестики, в том числе и бракованные. Вероятно, здесь жил камнерез.

В большом количестве в древнем Городце найдены инструменты, применявшиеся при обработке дерева: топоры, долота, скобели, тесла, сверла. Их использовали плотники, а также кораблестроители.

В Городце княжеские конные рати пересаживались на суда, изготовленные местными мастерами. Делали их напротив Городца, на правом берегу Волги. Там у деревни Кочергино открыто древнерусское селище XII–XIII веков, где встречаются железные кованые гвозди и ластильные скобы (с их помощью к борту крепили рейки, закрывавшие пазы между досками наружной обшивки судна).

Данные археологии позволяют утверждать, что на месте Городца не было предшествующего ему поселения. Он возник на пустой земле. Население города было преимущественно русское. Однако находки шумящих подвесок (женских украшений характерных для финно-угорских народов) позволяют предположить, что некоторые городчане были неславянского происхождения.

Правда, никаких археологических памятников, связанных с мерей или марийцами, в Городецком районе не найдено. К тому же названия населенных пунктов здесь исключительно русские. Хотя названия рек (Узола, Лемша, Шмиль) имеют неславянское происхождение. Вероятно, редкое финно-угорское население в Заволжье все-таки имелось. Скорее всего, это были меря. О восточной границе их продвижения, возможно, напоминает село Мариново Семеновского района. Приняв православие, меря влились в состав русского народа. Крестились язычники в Городце, в озере Свято (по-другому — Светло-озеро; теперь этот древний водоем называется Рязаново болото — от находившегося рядом завода Рязановых).

Из Городца русское население начало осваивать здешний край. Округа города была быстро заселена. Археологами обнаружены русские селища XII века близ деревень Нагавицыно и Скипино. В XII–XIII веках русское присутствие отмечено также на берегах Узолы, Санды, Линды (в ее низовьях), богатых залежами железных руд. К Узоле городчан влекло и то, что эта река была местом обитания бобров, мех, которых чрезвычайно ценился.

Недалеко от устья Узолы стоит село Николо-Погост. Возможно, погост в этом районе существовал еще в домонгольский период. В Древней Руси так называли место, где «гостили» княжеские дружинники и куда жители окрестных сел свозили дань. Устье Узолы было очень удобно для устройства погоста. Из Городца по Волге сюда могли легко добраться дружинники, а вниз по Узоле можно было привезти бобровые меха, которые предназначались в виде оброка княжеским людям.

В поисках пушного зверя городчане также поднимались вверх по Волге к реке Унже. Часть из них следовала далее по Унже. Другие же сворачивали с Унжи на восток и по реке Лапшанге добирались до Ветлуги. На правом берегу этой реки в месте, известном как Красная горка (в районе современного поселка Варнавино), обнаружено русское поселение XII–XIV веков. Таким образом, к началу XIII века Городец являлся не только пограничной крепостью и ремесленным центром, но и пунктом, из которого шло освоение обширных восточных окраин Руси.

1.3. Основатель Нижнего Новгорода князь Юрий Всеволодович

Князь Юрий Всеволодович и его брат Константин. Война Юрия Всеволодовича с булгарами в 1219–1220 гг. Основание Нижнего Новгорода. Юрий Всеволодович и мордовские князья Пуреш и Пургас. Монгольское нашествие.

Князь Юрий Всеволодович и его брат Константин. Основатель Нижнего Новгорода князь Юрий Всеволодович родился 26 ноября 1188 года в многочисленном семействе великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо. Совершеннолетия достигли шесть сыновей Всеволода: Константин, Юрий, Ярослав (будущий отец Александра Невского), Владимир, Святослав, Иван. Таким образом, Юрий был вторым по старшинству братом после Константина.

В 1207 году отец дал Константину Ростов Великий. Когда-то это был главный город Низовской земли. Затем, как мы помним, ростовчанам пришлось уступить первенство Владимиру. Теперь же, когда городом стал править Константин, который должен был наследовать великое княжение, у них появилась надежда на возвращение своему городу значения столицы. Но вновь покоряться ростовчанам владимирцы не собирались. Чтобы успокоить их, Всеволод Большое Гнездо, чувствуя приближение кончины, вызвал Константина к себе. Он намеревался завещать ему править во Владимире, передав Ростов следующему по старшинству брату — Юрию.

Однако Константин (вероятно, под влиянием ростовчан) на зов отца не явился — даже после повторного приглашения. По словам летописца, Константин хотел «взять Владимир к Ростову». Иначе говоря, он собирался княжить в Ростове, с тем чтобы Владимир был придан ему как младший город. Тогда во Владимире собрались бояре, духовенство, дворяне, купцы и «все люди» из разных городов и волостей Владимирской земли. Всеволод Большое Гнездо объявил им, что поручает Юрию быть старшим в роду и править во Владимире.

Юрию Всеволодовичу в это время было двадцати три года. Он должен был согласиться с повелением отца. Но теперь отношения Юрия с братом были испорчены: тот сильно обиделся.

Когда в 1212 году Всеволод Большое Гнездо ушел в мир иной, Константин не признал верховенства младшего брата. Между Константином и Юрием началась затяжная ссора, разжигаемая соперничеством

Ростова и Владимира. Не остались в стороне и младшие братья. Ярослав и Иван поддержали Юрия, а Владимир и Святослав — Константина.

Междоусобица тянулась несколько лет. Наконец братья поделили Низовскую землю. Константин стал править в Ростове, Юрий Всеволодович — во Владимире и Суздале. Разделено было и церковное управление Залесской Русью. Свои епископы были поставлены в Ростовской и Владимиро-Суздальской землях.

Епископом Владимира и Суздаля стал Симон, бывший духовник матери Юрия Всеволодовича, княгини Марии, а с 1206 года (после ее ухода из жизни) — игумен монастыря Рождества святой Богородицы во Владимире. С молодых лет Симон жил в Киево-Печерской лавре. Там и принял пострижение в монашество. Симон известен как выдающийся церковный писатель. Он вошел в историю русской литературы как создатель произведений, являющихся основой Киево-Печерского патерика — сборника жизнеописаний монахов-подвижников Печерского монастыря в Киеве. Один из образованнейших людей своего времени, он стал для Юрия Всеволодовича наставником и верным спутником.

В 1216 году Симон последовал вслед за князем в ссылку в Городец, куда Юрий Всеволодович был отправлен после поражения в битве на реке Липице. Юрий попал в эту беду из-за брата Ярослава. Тот поссорился с новгородцами (у которых княжил) и со своим тестем — Мстиславом Удатным. Пришлось Ярославу искать убежища в Низовской земле. За ним туда пришли разгневанный тест с союзниками и буйные новгородцы. Их сторону взял и старший брат Ярослава — Константин. Только Юрий Всеволодович помог Ярославу и дал приют. На предложение врагов выдать брата (мол, у нас с тобой-то ссоры нет) Юрий ответил: «Мы с братом Ярославом один человек».

Для защиты Владимиро-Суздальской земли от незваных гостей Юрий собрал большое войско, вызвав всех, кто мог носить оружие. У кого не было лошади, тот шел пешком. Прибыли даже воины из пограничного Городца на Волге. Но в сражении на реке Липице владимирская рать потерпела поражение. Юрию Всеволодовичу пришлось покориться победителям. Великое княжение было дано Константину. А Юрия отправили в далекий Городец. Возможно, князя сопровождали уцелевшие городецкие ратники. Вместе с Юрием в ссылку отправились его приближенные, домочадцы и епископ Симон.

Наскоро погрузившись в ладьи и насады, Юрий и его близкие поплыли вниз по Клязьме, затем по Оке. На устье Оки необходимо было сделать остановку, поскольку дальше предстояло идти против течения.

Красота этого места не могла оставить равнодушными изгнанников. Симону же, вероятно, бросилось в глаза сходство Дятловых гор с кручами правого берега Днепра, на которых вознесся Киев. Возможно, именно тогда у Юрия Всеволодовича возникла мысль заложить здесь город.

Прибыв в Городец, Юрий Всеволодович должен был подумать, где разместиться ему и его приближенным. Нередко новый князь пристраивал свой город к уже существующему. Так, в древнем Киеве последовательно были возведены город Владимира, город Ярослава и город Изяслава. Археологи выяснили, что в начале XIII века впритык к южному участку внешнего вала Городца (улица Загородная) стали строить еще одну линию укреплений. Она должна была окружить территорию в 17 га. Однако эта работа не была окончена. Возможно, это и есть город Юрия Всеволодовича. По приезде князя его начали строить, а когда Юрий уехал, работы остановились (*Данная догадка принадлежит автору этих строк. А.Ф. Медведев предположил, что новая линия укреплений начала возводиться в 1229 году для защиты от монголов*).

Почему пребывание Юрия в Городце было недолгим? Через год Константин, находившийся в самом расцвете лет (ему было всего 32 года), видимо, заболел. Разумеется, его беспокоило, какая судьба ждет его маленьких детей, если ему придется уйти из жизни. Старшему княжичу, Васильку, было всего 8 лет. А вдруг Юрий будет мстить ему за обиды?

Константин вызвал брата и в знак примирения вернул ему Суздаль, с тем чтобы впоследствии Юрий стал и владимирским князем. Юрий Всеволодович в случае кончины старшего брата должен был опекать его сыновей и не лишать их владений. Василько Константинович был распределен в Ростов, Всеволод Константинович — в Ярославль.

Война Юрия Всеволодовича с булгарами в 1219–1220 гг. В феврале 1218 года Константин скончался. Юрий Всеволодович стал великим князем, старшим в роду. Булгары, узнав об этом, отправились в поход на давно мешавший им Устюг и хитростью взяли его (1219). Этот город, расположенный в месте впадения реки Юг в Сухону, перекрыл для булгар единственный путь в Новгород и богатую пушниной Югру, остававшийся свободным после того как был построен Городец.

Устюг принадлежал княжившему в Ростове Васильку Константиновичу. Булгары, вероятно, надеялись на усобицу между Юрием Всеволодовичем и Васильком или, по крайней мере, на то, что дядя не придет на помощь юному племяннику. Но Юрий Всеволодович не дал племянника

в обиду. По его почину за Василька вступилось все потомство Всеволода Большое Гнездо.

Возглавить поход на болгар, состоявшийся летом 1220 года, Юрий поручил своему брату Святославу, князю Юрьева Польского. Но и свои полки послал, поручив руководство ими воеводе Еремею Глебовичу. (Еремей был опытным воином, он командовал княжеской дружиной еще у Константина.) Не остался в стороне и другой брат Юрия — Ярослав. Рать из Переяславля-Залесского, где он правил, тоже участвовала в походе. По зову Юрия явились и дружины муромских князей. Все они соединились на устье Оки и поплыли в Булгарскую землю вниз по Волге.

Разумеется, выступили в поход и войска Василька Константиновича во главе с его воеводой Воиславом Добрыничем. Но ростовцы и устюжане двинулись другим путем. От Устюга по рекам Юг, Молома, Вятка они вышли на Каму и оказались в самом центре Булгарской земли.

Обе русские рати одержали полную победу и соединились на устье Камы. Возвращающихся победителей радостно встретили в Городец. Здесь Святослав и его воины вышли из ладей и пошли к Владимиру на конях. Это важное сообщение летописи позволяет нам утверждать, что княжеское войско в начале похода в конном порядке прибыло в Городец и уже здесь погрузилось на суда. Таким образом, древний Городец предстает перед нами в виде базы княжеских речных походов, где, вероятно, для них строились корабли. От Городца со времен Андрея Боголюбского имела наезженная дорога в центр Владимирской земли. По ней Святослав добрался до Боголюбова, где его на речке Сурамне радостно встретил Юрий Всеволодович, устроивший в честь брата трехдневный пир.

Очевидно, на нем братья обсудили подробности похода и виды на будущее. Возможно, именно тогда у князя Юрия и возникла мысль поставить город на устье Оки, вблизи болгарских земель. Добровольно болгары, наверное бы, не согласились на его постройку. Оставалось только склонить их к этому военным путем. И Юрий Всеволодович начал готовиться к походу. Напуганные болгары отправили к нему послов с просьбой о мире. Но чтобы условия договора оказались наиболее выгодными, нельзя было сразу соглашаться с предложениями противоположной стороны. Поэтому владимирский князь был непреклонен. Он начал собирать воинов, а Василька Константиновича послал в Городец, чтобы он там ждал подхода основных сил. Сам же Юрий Всеволодович остановился в селе Омут (вероятно, нынешнее село Омутское на реке

Нерли, чуть к северу от Суздаля). Здесь его нашло второе болгарское посольство. Верный избранной тактике, Юрий опять отпустил болгарских послов без мира. После этого он отправился в Городец, где уже находился Василько. Сюда прибыло третье болгарское посольство «со многими дарами и челобитьем». Только тогда Юрий дал им мир.

Основание Нижнего Новгорода. Следствием этого договора стало усиление Владимиро-Суздальской Руси и расширение ее восточных пределов. Впервые владимирские князья установили свою власть на правом берегу Оки. Здесь, в том месте, где Ока впадает в Волгу, на новом, пустом месте Юрий Всеволодович в 1221 году повелел заложить город.

По мнению Н.Ф. Филатова, работы по строительству первоначальной деревоземляной крепости возглавил племянник Юрия Всеволодовича — юный князь Василько Константинович. Эта версия была подвергнута критике А.А. Кузнецовым как не имеющая подтверждения в летописях.

В летописных текстах основателем града на устье Оки однозначно назван Юрий Всеволодович. Он же «нарече имя ему Новгород».

На Руси уже были города с таким названием. Каждый с течением времени приобрел уточняющее наименование. Старейшим был Новгород Великий. В Северной земле (там, где прежде обитал племенной союз северян) в XI веке возник Новгород Северский.

Новгород, основанный Юрием Всеволодовичем, находился в земле, называемой на Руси Низовской. В титуле русских царей он до 1917 года именовался Новгородом Низовской земли. Постепенно Новгород Низовской земли для краткости стали называть Новгородом Нижним. Название «Новгород Нижний» начинает появляться в русских летописях с XIV века.

Эта точка зрения является в историографии доминирующей. К ее сторонникам относятся В.А. Кучкин, В.П. Макарихин, Б.М. Пудалов.

А.Н. Насонов и Н.Д. Русинов считали, что уточнение «Нижний» появилось в названии города, поскольку он был заложен ниже Городца.

По мнению А.А. Кузнецова, в слове «Новгород» первоначально переплелись два значения: «новый город в неизвестной земле» и Новгород как «противовес Новгороду на Волхове». Отразилась в этом названии и связь с Городцом: появился еще один новый город на Волге. «Связь с Новгородом и Городцом, подразумевавшаяся при основании, стала определяющей в XIV веке», и тогда в названии города появилось слово «Нижний».

Ю.В. Сочнев и Н.Ф. Филатов полагали, что город получил название «Нижний» относительно «Старого городка», стоявшего выше по Оке.

Город был возведен на вершинах окского и волжского берегов, известных как Дятловы горы.

Впервые это название встречается в «Книге Большому чертежу» (1627). По мнению А.А. Кузнецова, оно возникло в XVI веке. Возможность того, что оно сохранилось со времени основания Нижнего Новгорода, Кузнецов отрицает, поскольку, по мнению этого историка, после нашествия Едигея (1408) и казанских набегов первой трети XVI века произошла «почти тотальная смена нижегородского населения» и память о названии «Дятловы горы», если бы оно существовало с XIII века, должна была прерваться. Однако археологические данные показывают, что с XIII века люди непрерывно жили в районе Дятловых гор (в тех или иных местах). Письменные источники свидетельствуют, что живые нижегородцы остались и после набега Едигея. Сохранялась и преемственность древних названий. Среди оврагов, разделяющих Дятловы горы, есть Ярильский овраг. Поле над ним в старину называлось «Ярило». Ярило — это языческое божество. Нижегородцы XVI века не могли придумать такое название. Следовательно, оно, как и наименование «Дятловы горы», пришло к ним из седой древности, передаваясь из поколения в поколение, из уст в уста. Но назвать какое-то место в честь языческого божества не мог и князь-христианин Юрий Всеволодович. Скорее всего, эти наименования, дали те славяне, которые уже жили здесь до прихода княжеской дружины.

Наличие на территории современного Нижнего Новгорода (но не на месте кремля, а выше по Оке или ниже по Волге) в начале XIII века древнерусского (славянского) населения, жившего в небольших рыбацких деревушках, судя по данным археологии, вполне возможно. Эти люди, видимо, сохраняли или полную приверженность к язычеству, либо сильные языческие пережитки. Об этом свидетельствует сделанный В.Ф. Черниковым анализ находок, раскопанных в 1970 году при строительстве новых корпусов областной больницы им. Н.А. Семашко. Там был открыт славянский могильник, который можно датировать первой половиной XIII века. На дне погребений обнаружены уголь с золой, кости животных, что характерно для языческих обрядов. Нательные крестики есть только в детских захоронениях. Могильник напоминает погребения вятичей.

Находившийся в окружении Юрия Всеволодовича епископ Владимирский и Суздальский Симон в свое время посвятил одно из своих

литературных произведений подвигу проповедника Кукши, распространившему православие среди вятичей. Теперь Симон по его примеру тоже мог призвать язычников к обращению в христианство. Возможно, именно в память об их крещении получила свое имя Почайна, ведь в речке с таким же названием крестил киевлян Владимир Красное Солнышко.

По легенде такое красивое имя реке дал сам Юрий Всеволодович, восхитившийся чудесным сходством здешних мест с гористыми кручами Киева, где в широкий Днепр также впадала маленькая Почайна. Видимо, князь последовал совету своего духовного наставника, епископа Симона, проводившего молодые годы в Киево-Печерском монастыре и хорошо знакомого с природой Киева. Это вполне вероятно. Ведь и в горе, и в радости «милостивый учительный епископ» был рядом с Юрием Всеволодовичем. Не случайно установленный в феврале 2008 года в Нижегородском Кремле памятник изображает Юрия Всеволодовича рука об руку с Симоном.

О них обоих повествует и надпись на иконе Юрия Всеволодовича, гласящая: «Град сей и храм сей, их же Ты Святыи княже, Георгие, по совету и благословлению ноне во Святых Отца нашего Симона Чудотворца Киево-Печерского, всея страны Низовския Святителя, создал еси, и все храмы и обители града Твоего о тебе радуются и славнии воды, zde мимотекущие, Тебя и воев Твоих носившия, Тобой веселятся».

В этой надписи идет речь о связанном с именами Юрия Всеволодовича и Симона строительстве и освящении новых храмов, украсивших Владимиро-Суздальскую землю. Среди них была и каменная церковь святого Спаса, заложенная Юрием Всеволодовичем в Нижнем Новгороде в 1225 году. Этот храм в советское время был разрушен. Сейчас на его месте установлен памятный крест.

Рядом с каждым древнерусским городом всегда возникал монастырь. Он играл роль дома престарелых, больницы, школы. В нем писали летописи. Около Нижнего Новгорода, согласно летописным данным, при Юрии был построен монастырь Пресвятой Богородицы.

Церковный историк XIX века архимандрит Макарий (Н.К. Мирянов) предположил, что это был Нижегородский Благовещенский монастырь. С тех пор названное мнение стало общепринятым, хотя оно не имеет никакой опоры в источниках. Между тем в «Костромском» житии Юрия Всеволодовича сказано, что этот князь воздвиг в Нижнем Новгороде «монастырь изрядный» во имя Успения Богородицы, а в «Повести о зачале Москвы» созданный Юрием монастырь именуется

Печерским. Это вполне вероятно, учитывая сходство древнего Нижнего Новгорода с Киевом, где тоже имелся Печерский монастырь. Как и в Нижнем, он располагался ниже города по течению реки, и главный храм в нем тоже был посвящен Успению Богородицы. Следует добавить, что у епископа Симона было особое отношение к этому храму: в период между 1222 и 1226 годом он написал «Слово о создании церкви Печерской». Таким образом, летописный монастырь Пресвятой Богородицы — это, скорее всего, не Благовещенский, а Печерский монастырь. Во всяком случае, этот вопрос требует дополнительного изучения.

Нет единства среди ученых и по поводу внутренней структуры Нижнего Новгорода 1220-х годов.

Сейчас Кремль опоясывает две из Дятловых гор — Кремлевскую и Часовую. Их разделяет Ивановский съезд. По мнению С.Л. Агафонова, И.А. Кирьянова, Н.Ф. Филатова, обе горы связывала общая линия укреплений и во времена Юрия Всеволодовича. Однако раскопки 1989-го и последующих годов показали, как пишет Т.В. Гусева, что на Часовой горе вал и ров шли вдоль кромки Ивановского оврага. Таким образом, в западной части Кремля — между крутым берегом Почайны и Ивановским оврагом — прослеживается особая линия древних укреплений. Иначе говоря, древний Нижний Новгород состоял из двух отдельных укрепленных частей. Одна, со Спасским собором, — на Кремлевской горе, другая, с храмом Михаила Архангела, — на Часовой горе.

По мнению Т.Д. Николаенко, сначала укрепления окружили Часовую гору, а затем (но не позднее 1225) часть современного кремля к востоку от Ивановского оврага. Н.Н. Грибов и В.А. Лапшин полагают, что город изначально имел двухчастную структуру. Мы считаем, что древняя крепость в 1221 году была возведена лишь на Кремлевской горе. Часовая гора начала осваиваться позже: церковь Михаила Архангела и вал со рвом появились там лишь в XIV веке. Это мнение основано на том, что раскопки, проводившиеся Археологической службой в 2004–2005 годах около Михаило-Архангельского собора, не выявили культурного слоя XIII века, а сведения о строительстве Михаило-Архангельского собора в 1220-е годы ненадежны.

Данные о том, что этот храм был возведен при Юрии Всеволодовиче, имеются только в памятнике середины XVII века — «Летописце о Нижнем Новгороде» и созданном на его основе «Нижегородском летописце». В первой статье «Летописца о Нижнем Новгороде» сказано, что одновременно с закладкой Нижнего Новгорода в 1221 году Юрий

Всеволодович «церковь постави соборную Архангела Михаила деревянную». В следующей статье сообщается о закладке в 1227 году каменной церкви Архангела Михаила.

По определению М.Я. Шайдаковой, «Летописец о Нижнем Новгороде» представляет собой подборку известий из Типографской летописи особой редакции. Но в ней нет приведенных выше сведений. В соответствующем отрывке Типографской летописи особой редакции, приведенном в работе Б.М. Пудалова, говорится лишь о том, что Юрий Всеволодович заложил каменную церковь Архангела Михаила в 1225 году (притом в основном варианте Типографской летописи сообщается о закладке в 1225 году не Михаило-Архангельского, а Спасо-Преображенского собора).

Приходится думать, что сведения о постройке Михаило-Архангельского собора при Юрии Всеволодовиче сочинены самим автором «Летописца о Нижнем Новгороде», жившим в XVII веке. Он, по осторожному мнению А.Н. Насонова и М.Я. Шайдаковой, мог быть близок к служителям Михаило-Архангельского собора. Цель этого человека понятна: доказать, что Михаило-Архангельский собор (в 1631 году заново отстроенный и обзаведшийся новым клиром — до этого служба в нем недолго не велась) с самого основания Нижнего Новгорода был главным, соборным храмом, города, в то время как Спасо-Преображенский собор возник на сто лет позднее. (В третьей статье «Летописца о Нижнем Новгороде» создание Спасо-Преображенского собора приписано Константину Васильевичу Суздальскому и датировано 1352 годом.)

Если существование при Юрии Всеволодовиче Михаило-Архангельского храма и укреплений вокруг него по меньшей мере спорно, то наличие в эту эпоху Спасо-Преображенского собора и укреплений на Кремлевской горе несомненно.

Эти укрепления были деревоземляными, т. е. состояли из вала и рва. Линия рва шла позади нынешней крепостной стены (участок между Дмитриевской и Георгиевской башнями), параллельно зданию Арсенала. Остатки этого древнейшего рва сохранялись до XIX века в виде прудов. Его ширина, по данным археологов, превышала 32 метра. Примерно напротив Пороховой башни через ров был устроен перешеек, выходящий к площадке у Спасо-Преображенского собора. С западной стороны роль рва играл нынешний Ивановский съезд, по дну которого тек ручей.

Что касается древнего вала, то его бугры были заметны еще в XVII веке. В 2010 году их исследовали ученые. Оказалось, что внутри насыпи вала прослеживаются (в виде тонких прослоек тлена) остатки линии прямоугольных деревянных клетей, шириной около одного метра каждая. Эти клетки были засыпаны землей и составили основу вала.

В перекрытом насыпью вала слое почвы никаких находок не обнаружено. Это означает, что древний вал был возведен на пустом месте, где не было ни русских, ни мордовских поселений.

Юрий Всеволодович и мордовские князья Пуреш и Пургас. Мордовские земли начинались к югу от Нижнего Новгорода. Через них из Волжской Булгарии шли пути на Рязань и Муром. Мордва платила дань булгарам. Мордовские князья являлись вассалами Булгарии. Но после построения Нижнего Новгорода один из мордовских правителей — Пуреш — принес присягу в верности Юрию Всеволодовичу.

Скорее всего, именно это привело к новому разрыву мирных отношений между Владимиро-Суздальской Русью и Булгарией. Возникли два враждебных союза. С одной стороны — Юрий Всеволодович, муромские князья, а также половцы и Пуреш, с другой — правители булгар и их вассал Пургас. Военные действия между ними продолжались с 1224 по 1229 годы.

Многие историки полагают, что Пуреш был предводителем мордвы-мокши, а Пургас — главой мордвы-эрзи. В летописях упоминаются его владения — Пургасова волость. О том, где она располагалась, нам рассказывают данные топонимики. В Рязанской области около Кадома имеется село Пургасово. Известны два археологических памятника под названием Пургасово городище. Один находится в Мордовии, другой — около с. Большой Макателем Первомайского района. В верховьях реки Иржи (Ардатовский район) есть Пургасово прудище. Таким образом, Пургасова волость располагалась на востоке современной Рязанщины, на западе нынешней Мордовии и на территории Первомайского, Дивеевского, Ардатовского, а возможно, также Кулебакского и Навашинского районов Нижегородской области, т.е. на ее юго-западе.

По мнению Н.Н. Грибова, столица Пургаса находилась на месте современного Сарова (Саровское городище).

Что касается владений Пуреша, то, вероятно, они находились восточнее реки Теши, там, где сейчас Шатковский, Перевозский, Бутурлинский, Гагинский районы. До этих мест доходили кочевья союзников Пуреша и Юрия Всеволодовича — половцев. Здесь же проходили важ-

ные для болгар торговые пути. Поэтому болгары стремились подчинить Пуреша.

В свою очередь владими́ро-суздальские и муромские полки в 1224–1229 годах неоднократно вторгались в Пургасову волость, с которой Муромское княжество непосредственно граничило. Как было отмечено выше, славянское заселение современного нижегородского правобережья Оки (Навашинский, Вачский и Павловский районы) в домонгольский период шло из Мурома. В этой связи за территорию нынешнего Навашинского района, где проходила важная торговая дорога из болгарских земель и жили как славяне, так и мордва, вероятно, боролись муромские князья и Пургас.

Самые драматические события этой войны пришлось на 1229 год. Летописцы сообщают, что зимой 1229 года Пуреш подвергся нападению болгарского князя, в то время как Юрий Всеволодович совершал поход на мордовские земли, подчиненные Пургасу. В ответ в апреле 1229 года Пургас осадил Нижний Новгород, но не смог его взять. Уходя, он сжег монастырь Пресвятой Богородицы, находившийся вне города. В свою очередь летом 1229 года Пурешев сын вместе с половцами победил Пургаса и, как сообщает Лаврентьевская летопись, «изби мордву всю и русь Пургасову, а Пургас едва в мале утече».

Вопрос о руси (или Русь) Пургасовой давно вызывает споры между историками. С.М. Соловьев выражение летописца понимал как упоминание о вооруженном отряде на службе Пургаса. Ныне этой точки зрения придерживается В.Н. Русинов. В советской историографии утвердилось мнение о Пургасовой Руси как о зоне расселения восточных славян, обособленной среди мордовских земель. Б.М. Пудалов понимает под Пургасовой Русью русских, живших в мордовских селах. Мы считаем более близким к истине мнение В.Н. Русинова.

В 1229 году длительные междоусобицы между Русью и Волжской Булгарией завершились, поскольку в описываемое время у русских, мордвы и болгар появился общий враг — монголы. В 1229 году монгольский полководец Субедей был остановлен на подступах к Булгарии. Опасность нападения монголов заставила русских и болгар в 1230 году заключить мирный договор.

Монгольское нашествие. Первой монгольскому нашествию подверглась Волжская Булгария. В 1236 году монголы захватили ее столицу и сожгли болгарские города. Пострадали и мордовские земли. Зимой 1237/38 годов настал черед Руси. В декабре 1238 года войско Батыея вторглось в Рязанское княжество. На помощь рязанцам владимирский

князь Юрий Всеволодович послал своего сына Всеволода и опытного воеводу Еремея Глебовича. Однако когда владимирский отряд пришел в пограничный рязанский город Коломну, Рязань уже пала. Здесь, в Коломне, владимирцы и встретили врага, двигавшегося по Оке от испепеленной Рязани. Защищая Коломну, от которой начинался путь на Москву, владимирцы и рязанцы мужественно сражались и все сложили здесь свои головы. Увы, врага остановить не удалось.

От Коломны по льду Москвы-реки монгольское войско направилось к Москве и с боем взяло ее. От Москвы по Яузе и Клязьме путь захватчиков лежал во Владимир.

Орда Батяга была хорошо вооружена и многократно превосходила по численности дружину владимирского князя Юрия Всеволодовича. Князь Юрий понял, что без помощи ему не обойтись. Но где собрать рати из разных русских земель? К Владимиру до прихода Батяга они бы уже не успели. Удобнее всего соединить общие силы на Волге — значит, нужно немедленно ехать туда, предварительно выслав гонцов! Но не падут ли духом жители Владимира, если князь покинет столицу? Как дать им понять, что князь обязательно вернется? И Юрий оставляет в городе самое дорогое — семью. Оборону же столицы возлагает на сыновей и воеводу Петра Ослядюковича.

С наибольшим числом воинов Юрий Всеволодович уехал на Волгу. Если бы Владимир продержался несколько недель, князь успел бы вернуться с войском. Монголы могли оказаться между двух огней — крепостью и подошедшей русской ратью. Это был единственный шанс на победу. Увы, Владимир пал уже на четвертый день осады. Жена Юрия Всеволодовича вместе с внуками и снохами погибла в пламени пожара. Убиты были старшие сыновья князя.

После взятия столицы отряды Батяга рассыпались по всей Владимиро-Суздальской земле в поисках Юрия Всеволодовича. Один из монгольских полков ринулся на Городец, «попленив», как повествует летописец, «все по Волге».

По мнению археологов, Городец был сожжен войсками Батяга: домонгольский культурный слой всюду перекрывает слой пожарища. Что касается Нижнего Новгорода, то среди историков нет единства по вопросу о том, пострадал ли он в 1238 году от монгольских орд. По мнению И.А. Кирьянова, В.А. Кучкина, Ю.В. Сочнева Нижний тогда уцелел; по предположению Б.М. Пудалова — подвергся разорению.

Между тем Юрий Всеволодович с полками, собравшимися из разных городов, ждал врага на реке Сить, притоке Волги. С ним были

брат Святослав и племянник Василько Константинович. Юрий уже знал о падении Владимира и гибели своей семьи. Но, когда появились монголы, князь, как пишет летописец, «отложил свою печаль» и повел рать в бой. Ему было суждено пасть на поле брани. Это случилось 4 марта 1238 года.

Монголы вскоре покинули русские земли, а через год вернулись вновь. Их целью теперь была Южная Русь: Чернигов и Киев. Но один из монгольских отрядов в конце 1239 года обрушился на юг современной Нижегородской области (Арзамасский, Ардатовский, Навашинский районы). Монголы взяли эти населенные мордвой земли и, преодолев Оку, сожгли Муром. Затем вдоль Оки поднялись до устья Клязьмы и разорили земли вдоль этой реки до Гороховца, который был ими предан огню. Как повествует летописец, был тогда переполох по всей Суздальской земле, и люди не знали, куда бежать от страха. Затем монголы, как сообщается в Лаврентьевской летописи, вернулись в свои станы.

Рогожский летописец не упоминает о взятии в это время Гороховца, но сообщает, что татары после взятия Мурома «пожгли» Городец и Торжок. По предположению И.А. Кирьянова и Ю.В. Сочнева, эта же участь постигла тогда и Нижний Новгород. Б.М. Пудалов, однако, показал, что указанное сообщение Рогожского летописца — результат комбинирования разных летописных известий тверским сводчиком начала XV века. Соответственно дальше Гороховца в 1239 году монголы не пошли.

В том же 1239 году гроб с телом Юрия Всеволодовича перевезли из Ростова, где он первоначально нашел упокоение, во Владимир. Плачем огласился весь город. Владимирцы со слезами вспоминали своего погибшего князя. Добрую память сохранили о нем и потомки. Православная церковь называет основателя Нижнего Новгорода Юрия Всеволодовича «святым и благоверным». День его памяти — 17 февраля.

НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЙ ВО ВРЕМЕНА ОРДЫНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

2.1. Городец и Нижний Новгород во второй половине XIII века: эпоха Александра Невского и Андрея Городецкого

Городец XIII века по данным археологии. Нижний Новгород во второй половине XIII века. Соседи нижегородцев: болгары, мордва, можары. Управление русскими землями после нашествия Батыя. Александр Невский и Нижегородский край. Сын Александра Невского — Андрей Городецкий. Борьба Андрея Городецкого с Дмитрием Переяславским. Андрей Городецкий — великий князь Владимирский и Новгородский. Андрей Городецкий — победитель шведов. Последние годы жизни Андрея Городецкого.

Городец XIII века по данным археологии. Нашествие Батыя нанесло огромный ущерб русским землям. Были разрушены многие города. Пострадал и Городец. Судя по данным археологов, он был сожжен монголами. Об этом свидетельствует прослойка пожарища, в которой обнаружены наконечники стрел. Она отделяет домонгольский слой находок от более позднего. Однако постепенно жизнь вернулась в город, и он возродился. Об этой странице истории Городца свидетельствует археологический слой, содержащий вещи XIII–XIV веков. Благодаря его кропотливому исследованию, ученые смогли установить важные подробности жизни и быта наших предков.

Городчане XIII–XIV веков жили в избах из сосновых бревен. Полы в них были дощатыми. Один угол дома, обычно северо-западный, занимала печь, сложенная из камней и обмазанная глиной. Древнерусские печи этого периода, были невысокими, прямоугольной формы, размером чуть больше 1×1 м. Печных труб тогда не было. Топили «по-черному»: дым через устье печи выходил прямо в избу. Из-за этого в русских жилищах долго не делали потолков, чтобы дым поднимался вверх и не ел глаза. Такие избы назывались курными. Они редко отсыревали. К тому же прокопченное дерево не гнило. К кровельным балкам подве-

шивали на просушку вещи или рыбацкие сети. Для утепления бревенчатые стены в домах тоже промазывали глиной. Освещалось помещение лучиной — горячей длинной щепкой. Лучина вставлялась в металлический держатель — светец (высокую кованую вилку).

Огонь древние городчане получали с помощью огнива. Оно состояло из трута (специально подготовленный легковоспламеняющийся материал, например, размельченный сухой гриб-трутовик, волокна льна), кремня и кресала (пластинка из стали с мелкой насечкой). Ударяя кресалом по кремню, высекали искры, от которых трут начинал тлеть. Дальше оставалось только раздуть огонь.

В Городце археологами найдено много болгарской керамики XIII–XIV веков. Торговым связям с Волжской Булгарией способствовало удобное географическое положение города. Как уже говорилось, он стоял там, где к Волге выходила сухопутная дорога от Суздаля и начинался водный путь в Булгарию, теперь ставшую частью Монгольского государства.

Нижний Новгород во второй половине XIII века. В середине XIII века Монгольская империя управлялась великим ханом, находившимся в городе Каракоруме, и состояла из нескольких частей. Одну из них называли Золотой Ордой. Ханом Золотой Орды был Батый. После захвата болгарских земель он обосновался совсем недалеко от Нижнего Новгорода — в г. Болгар (ныне в Спасском районе Татарстана). В 1250-е годы столицей Батыев стал город Сарай-Бату («Дворец Батыев»), построенный в низовьях Волги (около нынешнего с. Селитренное Астраханской области, на восточном берегу Ахтубы).

Волга стала главной торговой и транспортной магистралью Золотой Орды. Это благоприятствовало развитию волжских городов, в том числе и Нижнего Новгорода. Во время нашествия Батыев он, скорее всего, уцелел. Во всяком случае, в летописях нет никаких сведений о сожжении Нижнего Новгорода монголами.

Нижний Новгород был первым русским городом на пути из Золотой Орды. Через него проходила дорога в татарские земли как от Суздаля (через Городец), так и от Владимира. Причем от Владимира до Нижнего можно было добраться и водным (по Клязьме и Оке), и сухим путем.

Сухопутная владимирская дорога с годами приобретала все более важное значение. И вместе с ней рос и экономический вес Нижнего Новгорода, в своем развитии постепенно догонявшего Городец.

Владимирская дорога шла мимо Гороховца, чуть выше устья Клязьмы пересекала Оку и на территории Богородского района соединялась с

путем из Мурома. Войдя в черту современного Нижнего Новгорода, она тяготела к правому берегу Оки. Около нее в XIII веке существовало несколько русских поселений. Одно из них обнаружено около деревни Ольгино. В нем археологи откопали заготовку ножа, фрагменты цилиндрических замков, кованые гвозди. Возможно, здесь жили ремесленники, обслуживавшие нужды проезжающих.

Близ бывшего поселка Слуда, на территории парка «Швейцария» найдено еще одно древнерусское селище XIII века. Судя по находкам глиняных грузил, в нем обитали рыбаки.

На подходе к Нижнему Новгороду дорога проходила вдоль правого берега Почайны, по линии современной Большой Покровской улицы. Между ней и Почайной археологи обнаружили остатки построек XIII века (например, на Театральной площади). Культурные слои этого периода зафиксированы также на площади Минина и Пожарского. Это следы жизни посада — торгово-ремесленной части города. От древних домов сохранились погреба и подпольные ямы. Прослеживаются канавки усадебных оград. Имеется культурный слой той эпохи и в кремле.

Соседи нижегородцев в XIII веке: болгары, марийцы, мордва, можары. В археологических слоях XIII века на территории Нижнего Новгорода наряду с русской встречается и болгарская керамика. Это позволяет ученым говорить о торговых связях между нижегородцами и жителями Булгарии. Быстрее всего из Нижнего в болгарские города можно было добраться по Волге. Обрато легче было возвращаться сухим путем, через территорию современной Ульяновской области, Запьянье, Перевозский, Дальнеконстантиновский и Кстовский районы. Имелась и лесная дорога в северные области Булгарии. Она шла через нынешнее с. Городищи Борского района к реке Керженец, вдоль нее до устья реки Пыдрейки и по Пыдрейке в сторону озера Светлояр.

Недалеко от этого удивительно красивого и загадочного озера специалисты из Ветлужской археологической разведочной партии музея ННГУ под руководством Е.В. Четвертакова в 2011 году обнаружили два средневековых русских селища. По мнению ученых, они возникли не позднее XIV века благодаря дороге в Булгарию.

Вопрос о направлении этой дороги ставился в работах П.И. Мельникова-Печерского, А.Ф. Спицына, А.С. Гациского, В.Л. Комаровича, Б.С. Хорева. Итоговой по этой проблеме на сегодняшний день является статья Е.В. Четвертакова. По мнению исследователя, дорога от озера Светлояр в районе Асташихи выходила к Ветлуге. Участок до Ветлуги местные жители называли Батыевой тропой. За Ветлугой Батыева

тропа переходила в Ратную тропу. Направление Ратной тропы, по Четвертакову, показывают населенные пункты Раскаты – Воздвиженское – Большое Поле – Большая Юронга. Далее дорога шла в сторону современной Казани.

Этот путь, по нашему мнению, выглядел так: от Большой Юронги Ратная тропа выходила через Большие Килимары к Черноможу, где соединялась с большой Галицкой дорогой. Примерный маршрут Галицкой дороги проходил по линии современных населенных пунктов Галич – Мантурово – Шарья – Ветлуга – Уренский район – р. Уста – р. Шаранга – Черномуж – Кушнур – Санчурск – Йошкар-Ола.

Галицкая дорога шла из Галича Мерьского (ныне в Костромской области), ставшего в XIII веке центром самостоятельного княжества. По ней в среднее течение Ветлуги проникли выходцы из Галицкого княжества. Они присоединились к уже жившим здесь русским людям, которые, как мы помним, еще в домонгольский период пришли на Ветлугу из Городца.

Галицкие князья закрепили за собой правый берег Ветлуги. На ее левом берегу и вдоль Ратной тропы жили мари́йцы.

Взаимоотношения галицких князей и мари́йцев освещены в работах костромского историка XIX века Д.П. Деметьева и современного исследователя А.П. Жукова.

Мари́йское население было разделено на сотни и десятки, которыми управляли сотники и десятники — представители местной знати. С мари́йских земель в Золотую Орду поступал ясак (дань пушниной). Кроме того, мари́йцы несли воинскую повинность.

Подчинялись Золотой Орде и мордовские земли, жители которых в XIII веке тесно взаимодействовали с нижегородцами. В современном Нижнем Новгороде и его окрестностях археологами найдена мордовская глиняная посуда XIII века, а также металлические застёжки *сюльгамы*, характерные для мордовского женского костюма (ими закрепляли разрез рубашки на груди). Это может свидетельствовать как о том, что мордва жила здесь вместе с русскими, так и о том, что русские мужчины брали в жены эрзянских красавиц.

Южнее Нижнего Новгорода, за рекой Рахмой, начинались земли, сплошь населенные мордвой-эрзей. Перед монгольским нашествием они составляли Пургасову волость. В 1239 году она подверглась нападению монголов и была разорена. Здесь, рядом с мордвой, поселились жога́ры — предки нижегородских татар-мишарей.

Вопрос о происхождении нижегородских татар является дискуссионным. Существует версия, что татары-мишари — потомки финно-угорского народа мещера, упоминаемого в летописях (А.С. Гациский, С.П. Толстов и др.). Однако, согласно мнению Б.А. Куфтина, этноним «мещера» — это поздняя вставка в летописные тексты. На самом деле такого народа не существовало, а была местность Мещера, после присоединения которой к Московскому государству слово «мещера» как название народа — древнего данника русских князей — было введено в летописи. С Б.А. Куфтиным не согласен А.М. Орлов. Он полагает, что народ мещера («мещер», «мишер», «маджар», «можар», «мочар») все же существовал. Это были тюрки — западные половцы. Однако многие авторитетные востоковеды (Д.А. Хвольсон, А.Я. Гаркави, В.Г. Тизенгаузен, Б.Н. Заходер) понимали под маджарами мадьяр (древних венгров). Мы придерживаемся именно такой точки зрения.

Часть мадьяр (их также называли маджарами, мачарами, можарами) еще в IX веке ушла далеко на запад и поселилась на территории современной Венгрии, положив начало венгерскому народу. Те же, кто остался на левобережье Волги, в XIII веке оказали упорное сопротивление Батюю, но были им покорены и включены в состав монгольского войска. В качестве пространства для кочевания им был выделена бывшая Пургасова волость, которую в Золотой Орде стали называть Можарским юртом (Мижер юрт), а на Руси — Мещерой. По природным условиям эта обширная область представляла собой лесостепь. В ее лесной части жила мордва, а в степной поселились можары.

О можарах напоминают названия населенных пунктов Чувашии (Мижары, Мижеры, Мижеркасы, Можарки, Можары), Нижегородской области (Можаров майдан в Пильнинском районе, Большая Мажарка и Малая Мажарка в Краснооктябрьском районе), Рязанской области (Большие Можары, Меньшие Можары). Одна часть можар в качестве свободных конных воинов (казаков) участвовала в походах татарских ханов. Казаки-можары были объединены в десятки и сотни, которыми командовали ордынские беки или князья (в русских летописях они называются «мещерскими князьями»). Другие можары перешли от кочевого образа жизни к оседлому и стали, подобно мордве, платить ясак. Для уплаты ясака можары и мордва тоже были объединены в десятки и сотни.

Мордва преимущественно платила ясак медом. Отдельные ясачные сотни могли быть отданы в кормление татарским бекам, которым предоставлялось и право суда над местным населением. Такие админи-

стративные единицы назывались бейлик (по-татарски — княжество). В русских документах они именуются беляками, а управлявшие ими татарские феодалы — мордовскими князьями.

Управление русскими землями после нашествия Батыя. В отличие от мордовских земель, русские земли не вошли непосредственно в состав Золотой Орды. Монголы не стали лишать власти русских князей. Они сохранили и старинный порядок наследования княжеских столов, закрепленный Любечским съездом князей еще в 1097 году.

Согласно принятым тогда решениям каждый князь мог править только в своей отчине, т. е. там, где когда-либо княжил его отец. Право на отцовское княжество (отчину) имели все сыновья по очереди. Таким образом, отчина (ее еще называли «великим» или «большим» княжением) переходила не по нисходящей мужской линии (от отца к сыну и внуку), а от старшего в роду к следующему по старшинству (от брата к брату, потом от младшего дяди к старшему племяннику).

Князьям, не получившим великого княжения, великим князем выделялись особые области для княжения. Они стали называться уделами. Если удельный князь так и не побывал великим князем, то его сыновья теряли право на великое княжение.

В литературе существует мнение, что ярлык на великое княжение монголы давали не старшему из князей, а тому, кто был наиболее удобен им политически или обещал дать больший «выход». Однако, как указано в летописях, нарушения старинного порядка наследования были редким исключением из правил.

Рассмотрим этот порядок на частных примерах. Как мы помним, великое Владимирское княжение в 1218 году от Константина перешло не к его старшему сыну, Васильку, а к брату — Юрию Всеволодовичу. Василек в качестве удела получил Ростов, его братья Всеволод и Владимир — соответственно Ярославль и Углич. Василек и Всеволод сложили головы в битве на реке Сить, не успев покняжить во Владимире. Не дождался владимирского стола и Владимир Угличский. Поэтому их потомки — ростовские, ярославские и угличские князья — уже никогда не претендовали на Владимир. Так же как, например, князья рязанские или муромские — ведь их отцы там не правили.

От погибшего Юрия Всеволодовича великое Владимирское княжение перешло к его брату Ярославу. Два других брата получили уделы: Святослав — Суздаль, а Иван — Стародуб на Клязьме. Святослав на владимирском столе побывал, а Иван — нет. Следовательно, потомки

Ивана выпали из состава возможных претендентов на великое Владимирское княжение. Они составили особую линию князей стародубских.

Конечно, не всегда передача великого княжения происходила гладко. Случались конфликты. Теперь их стали решать монгольские ханы. Кроме того, прежде чем вступить в управление отцовским княжеством, каждый князь должен был с подарками съездить в Орду за ярлыком — особым документом на право княжения.

Первым такую поездку в 1243 году совершил великий владимирский князь Ярослав Всеволодович. За ним в Орду потянулись другие князья. Путь каждого из них лежал через Нижний Новгород. Именно в связи с подобными княжескими путешествиями и упоминаются летописцами во второй половине XIII века Городец и Нижний Новгород.

Оба эти города, как и в домонгольское время, находились под непосредственным управлением великого князя владимирского. С 1252 по 1263 год им был Александр Невский.

Александр Невский и Нижегородский край. Александр Невский — великий полководец и государственный деятель Древней Руси. В народе о нем вспоминают с уважением. Люди не случайно сохранили добрую память об этом князе. Он дал достойный отпор захватчикам с Запада — немцам и шведам. Что касается монголов, то по отношению к ним Александр действовал мудро и гибко, оберегая русские земли от разорения. Поэтому ему приходилось неоднократно посещать Золотую Орду, а значит, бывать проездом в Городце и Нижнем Новгороде.

Здесь же останавливались ездившие в Орду за ярлыками другие русские князья. Иногда они встречались между собой и вели предварительные переговоры. Такой княжеский съезд состоялся в 1256 году. После смерти Батые русские князья, как повествует летописец, поехали «на Городец» да в Нижний Новгород, чтобы потом отправиться в татарские земли. Видимо, до Городца они ехали сухим путем, а в Нижний спустились по воде. Побывал на съезде и Александр Невский. Сам он, однако, в Орду не поехал. Расклад сил там была слишком неясным. Неожиданно умер сын Батые и союзник Александра Невского, Сартак. Развернулась борьба между сторонниками его сына Улагчи и братом Батые, Берке. Мудрый Александр счел за благо дожидаться исхода этого противоборства, а пока отправил в Орду из Нижнего Новгорода дары.

В следующем году (1257), когда Улагчи утвердился на престоле, Александр отправился к новому хану лично, видимо, снова через Нижний Новгород. Однако вскоре трон все-таки завладел Берке. И в

1258 году Александру опять пришлось ехать в ордынскую столицу — Сарай.

Еще раз Александр Невский посетил Нижний Новгород в 1262 году. В этом году в Ростове, Суздале, Владимире и Ярославле вспыхнуло восстание против монгольских сборщиков дани.

Как показал А.Н. Насонов, хану Золотой Орды Берке это было на руку, поскольку они были присланы от хана Монгольской империи, от которой Берке стремился обособиться.

При Берке Золотая Орда фактически становится независимым государством. После 1262 года она стала сама получать дань с русских земель. Кроме того, Берке стремился использовать русские рати в войнах со своими соперниками. Он хотел, чтобы русские приняли участие в его походе против Хулагу, монгольского правителя Ирана. И Александр Невский в 1262 году отправился к Берке, чтобы, как сообщает летописец, «отмолить людей от беды той». Русскому князю пришлось провести в Золотой Орде целый год. Там он заболел. Добравшись до Нижнего Новгорода, Александр сделал кратковременную остановку. Здесь недуг совсем одолел Александра Ярославича. Князя спешно повезли в Городец. Там 14 ноября 1263 года Александр Невский принял монашеский постриг (по обычаю князья перед уходом из жизни становились монахами). В ту же ночь Александр Ярославич скончался. Тело его было отвезено в столицу княжества, Владимир. Там его и похоронили. Люди горько оплакивали смерть князя. В надгробной речи митрополит Кирилл сказал: «Чада мои, разумеите, яко уже зайде солнце земли Суздальской!».

Жители Городца бережно хранят память об Александре Невском. Еще в 1700 году по почину городчан был построен храм во имя Федоровской иконы Божьей Матери с приделом во имя Александра Невского и учрежден Федоровский монастырь. Некоторые историки полагали, что монастырь с таким названием существовал и в древнем Городце, и именно там принял постриг великий полководец Древней Руси. Ныне Городецкий Федоровский монастырь — одно из мест особого почитания Александра Невского. В 1993 году в Городце на берегу Волги был поставлен величественный памятник князю Александру.

Сын Александра Невского — Андрей Городецкий. После кончины Александра Невского великим князем владимирским, в соответствии с установившимся порядком наследования, стал его брат Ярослав Ярославич, а сыновья Невского получили уделы. В удел третьему сыну Александра Невского — Андрею — достался Городец. Так возникло

Городецкое княжество. В его состав вошел и Нижний Новгород, являвшийся «младшим» (подчиненным) по отношению к Городцу городом.

Далее во Владимире правил младший брат Ярослава Ярославича — костромской князь Василий Ярославич. Он умер бездетным. Поэтому Кострома должна была вернуться в состав Владимирского великого княжения. Оно же, в свою очередь, перешло в линию сыновей Александра Невского — к старшему из них Дмитрию Александровичу Переяславскому.

Тот прежде крепко враждовал с Василием Костромским. Соответственно, костромским боярам оставалось ждать лишения вотчин и иных напастей. И вот тогда первый из бояр умершего князя, предприимчивый и волевой Семен Тонглиевич, поехал к Андрею Городецкому. Семен Тонглиевич уговорил городецкого князя взять на службу костромских бояр и прибрать к рукам Кострому.

Андрей Александрович поддался искушению. Но это роковое решение на всю жизнь рассорило Андрея со старшим братом. Вражду эту всячески разжигал Семен Тонглиевич — ведь только рознь между братьями обеспечивала ему безопасность и наместничество в Костроме.

Между тем Дмитрий не поехал за ярлыком на великое княжение в Сарай. И это в то время, когда прочие князья, в том числе Андрей Городецкий, в 1277 году по зову хана Менгу-Темира отправились со своими полками в Золотую Орду — хан повел их в поход на Кавказ. Там русские воины отличились в боях. За это, как сообщает летописец, Менгу-Темир сильно хвалил русских князей и, щедро наградив их, отпустил в 1278 году каждого в свою отчину.

Борьба Андрея Городецкого с Дмитрием Переяславским. Разумеется, Менгу-Темир не забыл ни доблести Андрея Городецкого, ни отсутствия в походе Дмитрия Переяславского. Поэтому, когда князь Андрей в 1281 году попросил хана передать ему великое княжение Владимирское, Менгу-Темир согласился. Между тем эта просьба была вопиющим нарушением установившихся межкняжеских отношений. Младший брат при помощи татар захотел отнять престол у старшего! Летописец дает нам понять, что эта крамольная мысль родилась в голове Семена Тонглиевича.

Дмитрий, чувствуя свою правоту, отказался подчиниться воле хана. Тогда Менгу-Темир отправил вместе с Андреем Городецким и Семеном Тонглиевичем татарское войско. Оно пограбило Муром, Владимир, Суздаль, Юрьев, Переяславль-Залесский, Ростов, Тверь. Князь Дмитрий не решился на сражение и бежал в сторону Новгорода. Но, когда ор-

дынцы покинули русские земли, Дмитрий Александрович опять вернулся в родной Переяславль-Залеский. Власть Андрея Городецкого он попрежнему не признавал.

Тут пришло известие о смерти Менгу-Темира, и князь Андрей с Семеном Тонглиевичем отправились в Орду, к новому хану Туда-Менгу. Оттуда они вновь вернулись с татарским войском, еще раз разорившим земли Дмитрия Переяславского (1282).

Тогда Дмитрий отправился с дружиной в Орду. Там он был принят могущественным эмиром Ногаем, правителем обширной области на западе Золотой Орды (между Нижним Дунаем и Днепром), при Туда-Менге вершившим дела во всем государстве. (Сам Туда-Менгу был равнодушен к делам управления страной — он проводил все свое время с факирами и людьми, известными своим благочестием). Ногай вернул Дмитрию Переяславскому право на великое княжение Владимирское. Андрей Городецкий должен был с этим смириться. Братья восстановили отношения. Но цена этого внешнего согласия была высока для Андрея: Дмитрий Переяславский потребовал головы ненавистного ему боярина Семена Тонглиевича. И люди Дмитрия убили Семена Тонглиевича, схватив его в Костроме. Было это в 1283 году.

Однако, уступив Владимир, Андрей желал сохранить богатый Новгород. Сами новгородцы тоже не хотели возвращения Дмитрия, которого они за три года до этого прогнали с княжения. Их представители зимой 1284 года встретились с Андреем Городецким в Торжке, где обещали не искать себе другого князя. В свою очередь князь Андрей сказал, что никому не отдаст Новгород. Но в ту же зиму он был вынужден изменить данному слову. Его брат-соперник, Дмитрий Переяславский, привел татар из Ногаевой орды, которые учинили много зла землям Андрея. В итоге и Андрею Городецкому, и новгородцам пришлось подчиниться Дмитрию Переяславскому.

Однако Андрей не собирался так просто сдаваться. На следующий год (1285), как сообщают летописи, он привел для борьбы с Дмитрием татарский отряд какого-то царевича (видимо, из поволжской части Золотой Орды). Скорее всего, речь идет о царевиче Туля-Буге (в русских летописях его называют Телебугой), который находился в плохих отношениях с Ногаем и соперничал с ним за влияние в русских землях. Дмитрий, однако, чувствуя за спиной поддержку Ногая, не испугался и царевича Телебугу прогнал.

После этого на восемь лет открытая вражда Дмитрия и Андрея прекратилась. В Золотой Орде тем временем был низложен питавший от-

вращение к государственным делам Туда-Менге. Ханом, с согласия Ногай, стал Телебуга (1287). Но отношения их вскоре испортились. Ногай решил устранить ставшего слишком самостоятельным Телебугу и обманом выдал его на расправу царевичу Тохте (1291). Ханом стал Тохта. Но и он быстро показал, что не хочет быть игрушкой в руках Ногай и желает править единодержавно. Между Ногаем и Тохтой произошел разрыв. Золотая Орда распалась на две части — Орду Ногай (к западу от Волги) и Волжскую Орду Тохты.

Раскол в Орде тут же привел к возобновлению междоусобиц в русских землях. Дмитрий Переяславский, разумеется, признал власть давно благоволившего ему Ногай. Этим тотчас же воспользовался Андрей Городецкий. В 1293 году он с союзниками — ярославским и ростовским князьями — отправился в Волжскую Орду. Оттуда они вернулись с братом Тохты Туденом (в русских летописях — Дюдень) и большим татарским войском. В ходе этого опустошительного набега («Дюденева рать») были захвачены Муром (он после этого опустел), Владимир, Суздаль, Переяславль-Залесский, Коломна, Москва. Дмитрий Переяславский бежал в Псков.

И здесь князь Андрей во второй раз пошел против обычая. Он посадил на княжение в Переяславле своего союзника, Федора Ростиславича Ярославского, никаких прав на этот город не имевшего. Сам же занял княжеский стол в Новгороде Великом (1294).

Дмитрию находиться рядом с ним в Пскове было бы, конечно, очень неуютно. Поэтому из Пскова князь-изгнанник отправился в Тверь к своему двоюродному брату и союзнику Михаилу Ярославичу. На пути туда Дмитрий был перехвачен Андреем Городецким и его дружинниками, едва избежал плена и потерял всю казну. Но все-таки до Твери добрался.

Правивший здесь Михаил Тверской верно оценил обстановку и съездил в орду к Ногаю за помощью. Вскоре она подоспела. В поддержку тверскому князю был прислан от Ногай отряд татар. Дюдень не захотел с ними биться. Начались мирные переговоры. Договорились, что Дмитрию будет возвращен Переяславль. Однако он не успел этому порадоваться. Сердце несчастного князя, перенесшего столько ударов судьбы, не выдержало. По пути домой Дмитрий Переяславский скончался (1294).

Андрей Городецкий — великий князь владимирский и новгородский. Теперь Андрей Городецкий уже по полному праву занял владимирский стол. Великое Владимирское княжение у него никто не

оспаривал. Однако камнем преткновения теперь стала принадлежность Переяславля-Залесского. Город являлся отчиной как для Андрея Городецкого (здесь когда-то правил его отец Александр Невский), так и для сына Дмитрия Переяславского — Ивана, владевшего Костромой. По старшинству город должен был перейти к Андрею Городецкому. Но и дружинники умершего Дмитрия, и все переяславцы смотрели на Андрея как на врага. Видимо, по их призыву и предъявил права на Переяславль Иван. Молодого князя поддержали не только переяславцы, но и Даниил Московский с Михаилом Тверским. Вдобавок Даниил в 1296 году занял Новгород. Казалось, еще немного — и вновь зазвонят мечи.

Князья-соперники собрали свои рати и хотели идти друг на друга войной. Избежать кровопролития помогло вмешательство церкви и приезд посла из Волжской Орды Олексы Неврюя. Мудро поступил и Андрей Городецкий. Он согласился с переходом Переяславля-Залесского к Ивану Дмитриевичу. Взамен Иван отказался от Костромы, вернувшейся в состав великого Владимирского княжения, т. е. под власть Андрея. Вдобавок противники Андрея признали его власть над Новгородом.

Таким образом, Андрей Городецкий стал великим князем владимирским и новгородским. Еще более прочным стало его положение, когда Ногай, на которого опирались враги городецкого князя, потерпел поражение от хана Волжской Орды Тохты и погиб (1299). Сразу после этого (1300) Андрей отдал Кострому в удел своему маленькому сыну от второго брака — Борису.

Между тем огонь последних сражений между войсками Ногай и Тохты жестоко опалил Киевскую землю. Живший в Киеве митрополит всея Руси Максим в 1299 году покинул этот опустевший город и переехал во Владимир. Дошедшие до нас летописи не сообщают, кто позвал туда главу Русской церкви. Однако ясно, что появление митрополита во Владимире не могло произойти без согласия владимирского князя. А им был Андрей Городецкий. Приглашение митрополита Киевского и всея Руси во Владимир было мудрым шагом Андрея Городецкого, оказавшим важное влияние на дальнейшую историю России.

Андрей Городецкий — победитель шведов. Большие последствия имел и полководческий подвиг Андрея Городецкого, совершенный им в 1301 году. Тогда Андрей Городецкий показал себя выдающимся воителем, достойным славы своего отца, Александра Невского. Подобно ему князь Андрей дал достойный отпор новому натиску шведов на новгородские земли.

К этому времени шведы захватили Финляндию и закрепились на Карельском перешейке. Дальше их целью стало устье Невы. Морской поход сюда возглавил фактический правитель Швеции Торгелъс Кнутсон. В 1300 году его войско высадилось на берегах Невы. Прибывшие с ним искусные мастера (их прислал Папа Римский), возвели мощную крепость там, где в Неву впадает Охта. (Сейчас это место находится в городской черте Санкт-Петербурга).

Берега названных рек служили естественной защитой крепости. С третьей стороны ее оборонял ров, прокопанный шведами от Охты до Невы. Надо рвом был насыпан высокий вал. По валу враги установили 8 деревянных башен с бойницами. Это внушительное сооружение захватчики самоуверенно назвали Ландскрона — «Венец земли». Вражеская цитадель вонзилась в новгородские земли, отрезав их от устья Невы.

Из Ландскроны шведы огнем и мечом прошли по землям карелов, ижоры и води (карело-финских племен, союзных Новгороду), где жгли и рубили всех, кто им сопротивлялся. Новгородцы кинулись им на помощь и попытались взять шведскую крепость, но потерпели поражение. Тогда они отправили гонцов к Андрею Городецкому.

Права на ошибку у князя не было. Поэтому он тщательно подготовился к походу и весной следующего, 1301 года привел свои полки из Низовской земли в Новгород. Там к ним присоединилась новгородская рать. 18 мая 1301 Андрей Городецкий с войском подошел к Ландскроне. Его воины штурмовали вражескую крепость день и ночь. Наконец русские одолели противника и ворвались в город. Оставшиеся в живых шведы во главе с начальником гарнизона Стеном сложили оружие. Вражеский форпост был сожжен. Вал, на котором стояла крепость, по приказу Андрея Городецкого сровняли с землей. Эта блестящая победа остановила натиск Швеции на русские земли. Она позволила Новгороду через двадцать лет заключить со шведами выгодный Ореховецкий мир (1323), на триста лет (до Смуты) сохранивший за русскими устье Невы и выход к Балтийскому морю.

Последние годы жизни Андрея Городецкого. Последние годы жизни Андрея Городецкого были омрачены распрей с московскими князьями из-за Переяславля-Залесского. Этот город занимал исключительно важное положение на перекрестке главных дорог Руси. Через него шли пути из Москвы в Суздаль, а также в Ростов и Ярославль. Поэтому московские князья непременно хотели им овладеть.

В 1302 году умер правивший в Переяславле-Залесском бездетный князь Иван Дмитриевич. По обычаю его владение, как выморочное,

должно было перейти к великому князю владимирскому, иными словами, — к Андрею Городецкому. Он и послал туда своих наместников. Но московские воины их выгнали. Дело было в том, что Иван, чей отец жестоко враждовал с Андреем, завещал свое княжество другому дяде — Даниилу Московскому. Это было неслыханное новшество в межкняжеских отношениях. Раньше города по завещанию не передавались, поскольку считались собственностью всего рода, внутри которого переходили по старшинству. Андрей Городецкий не мог не возмутиться действиями московского князя и по осени отправился искать управу на брата Даниила в Орду.

За год, пока он отсутствовал, многое на Руси переменялось. На исходе зимы 1303 года почти одновременно ушли из жизни юный сын Андрея, Борис, княживший в Костроме, и брат, Даниил Московский. Старшим в роду московских князей стал Юрий Данилович. Он, недолго думая, прибрал Кострому к рукам, посадив там на княжение своего брата Бориса Даниловича. И хотя Андрей Городецкий возвратился с ханскими грамотами и ордынскими послами, ничего москвичи ему не отдали — ни Переяславля-Залесского, ни Костромы.

Для возвращения этих городов князю Андрею срочно нужен был сильный союзник. Им мог стать только Михаил Тверской. Ведь с недавних пор они стали свояками (молодая жена Андрея Городецкого приходилась родной сестрой супруге Михаила Тверского). Князь Андрей с надеждой на помощь свояка поехал в Тверь. Но потрясения последних лет окончательно подорвали его здоровье. 27 июля 1304 года, будучи в Твери, Андрей Городецкий ушел в мир иной. Погребли его тело в Городце.

Больше городецкий князь уже никогда не был старшим среди русских князей. Политическое и экономическое значение этого города год от года снижалось. Зато прежде подчиненный ему Нижний Новгород креп и богател.

2.2. Возвышение Нижнего Новгорода и возникновение Нижегородско-Суздальского княжества

События 1305 года в Нижнем Новгороде. Нижегородский край в период соперничества Москвы и Твери. Нижний Новгород под властью Александра Васильевича Суздальского. Возникновение Суздальско-Нижегородского княжества. Наш край при князе Константине Васильевиче (1341–1355).

События 1305 года в Нижнем Новгороде. Нижний Новгород, в XIII веке находившийся в тени Городца и подчинявшийся ему политически, к началу XIV века сильно укреп. Это произошло благодаря тому, что он оказался важнейшим пунктом на водном пути из русских земель в Золотую Орду. Сюда прибывали караваны судов с товарами. Здесь делали остановку путешественники и послы. Такой город был привлекателен для любого князя. И самим нижегородцам тоже был нужен свой князь, чтобы защищать и обустраивать город: ведь без князя он был обречен на прозябание.

По мнению И.Я. Фроянова и его учеников, А.Ю. Дворниченко и Ю.В. Кривошеева, русские земли периода раздробленности представляли собой «города-государства», схожие по устройству с античными полисами. Главный город господствовал над младшими городами (пригородами), которые тяготились этим господством и старались приобрести независимость. Символом и защитником самостоятельности города являлся свой князь. Поэтому каждый город стремился обзавестись собственным княжеским столом. Это верно и для периода монгольского владычества, поскольку, как полагает Ю.В. Кривошеев, русские земли сохранили черты городов-государств и в это время.

Первую попытку получить своего князя и освободиться от подчинения Городцу нижегородцы предприняли, когда ушел из жизни князь Андрей Городецкий.

Вопрос о том, были ли у этого князя наследники, которым он мог передать Городец и Нижний Новгород, вызывает острые разногласия в среде историков и краеведов.

По мнению большинства из них, Городец и Нижний Новгород в 1305 году по воле хана Золотой Орды получил князь Михаил Андреевич. Н.М. Карамзин, А.В. Экземплярский, Г.В. Абрамович, В.П. Макарихин, Д.С. Таловин видели в нем суздальского князя, сына Андрея Ярославича (брата Александра Невского). С.М. Соловьев, В.А. Кучкин, А.А. Горский, Б.М. Пудалов, П.В. Чеченков считали Михаила Андреевича сыном Андрея Городецкого, ставшим после смерти отца городецким князем. Нам представляется более убедительной версия А.Е. Преснякова: Андрей Городецкий не оставил сыновей — и Городец, и Нижний Новгород вернулись в состав великого Владимирского княжения. Что касается суздальского князя Михаила Андреевича, то источники не дают достаточных оснований считать его в 1305 году городецким князем.

Ближайшими родственниками Андрея Городецкого были пятеро племянников, сыновей Даниила Московского. В последние годы они

жестоко враждовали с дядей, и, разумеется, при жизни Андрей и слышать не хотел, чтобы к ним перешли его города. Да племянники и прав не имели ни на Владимир, ни на Городец. Ведь их отец, Даниил Московский, там никогда не княжил. Поэтому Городецкое княжество, как выморочное, должно было вернуться в состав великого Владимирского княжения. А во Владимире по старшинству подобало править Михаилу Ярославичу Тверскому, чей отец когда-то являлся владимирским князем. Его и благословил на великое княжение Андрей Городецкий перед своей кончиной в Твери. Вероятно, тогда же Андрей завещал Михаилу отнять у своих обидчиков-племянников и Кострому с Переяславлем-Залесским.

Бывшие бояре Андрея Городецкого стали верными слугами Михаила Тверского. Особое внимание летописцы уделили одному из них — Акинфу Великому. Это был сын героя Невской битвы Гаврилы Олексича. Акинф раньше служил московским князьям, потом поссорился с ними и перешел в Городец к Андрею. Теперь же он стал тверским боярином. Михаил Тверской послал его отбивать у москвичей Переяславль-Залесский.

Других бояр Михаил отправил на Кострому, где они схватили брата московского князя Юрия, Бориса Даниловича, и увезли его пленником в Тверь. После этого Михаил отправился по Волге в Сарай за ярлыком на великое Владимирское княжение. А его бояре остались в Костроме, чтобы перехватить Юрия Даниловича, если он поедет в Орду жаловаться. Но Юрий Московский избежал этой ловушки. Ведь в Орду из Москвы можно было попасть и другим путем: через Владимир до Нижнего Новгорода и уже оттуда вниз по Волге. Впрочем, Михаил предвидел и такой ход развития событий. В Нижнем Новгороде Юрия сторожили бывшие бояре Андрея Городецкого. Однако их прибытие в Нижний Новгород вызвало возмущение: нижегородцы не желали подчиняться городецким боярам. Было собрано вече, после которого «черные люди» избили приехавших.

Вопрос о составе веча и его роли в управлении древнерусскими городами в отечественной историографии относится к числу дискуссионных. Одни историки полагают, что вече было узкоклассовым или сословным органом, включавшим только городские верхи (В.Л. Янин, П.П. Толочко). Другие представляют вече властным органом городской общины, в котором широко участвовали рядовые горожане (И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеев). То, что летописцы, повествуя о событиях 1304–1305 годов в Нижнем Новгороде, по сути, ставят

знак равенства между понятиями «вечники» и «черные люди», свидетельствует о правоте И.Я. Фроянова и его учеников.

Вероятно, вскоре после избиения бояр в Нижнем Новгороде появился спешивший в Орду Юрий Данилович. Он приехал из Владимира. В Нижнем Новгороде московского князя наверняка приняли с большой радостью. Нижний уже стал больше и богаче своего старшего соседа — Городца. Бурно развивавшийся город нуждался в самостоятельности и желал получить своего князя. Его могла дать Москва. Ведь у Юрия Даниловича Московского было четыре брата. Но чтобы выделить Нижний Новгород из состава великого Владимирского княжения, Юрий должен был стать владимирским князем. Вероятно, дерзкое решение попросить у хана ярлык на Владимир родилось у Юрия именно в Нижнем Новгороде под влиянием просьб нижегородцев. Ведь еще будучи во Владимире, московский князь сказал митрополиту Максиму, что не ищет великого княжения Владимирского. Да Юрий и не имел на Владимир никаких прав. Но если бы он не начал эту борьбу, то московским князьям пришлось бы превратиться в захудалую боковую ветвь Рюриковичей, подобно князьям стародубским или ростовским. И Юрий бросил Михаила вызов, изменивший ход русской истории. В Орде он, по выражению летописца, «сперся о великом княжении» с Михаилом Тверским.

Впрочем, как можно было ожидать, хан Тохта дал ярлык правомочному претенденту — Михаилу Тверскому. По пути из Золотой Орды Михаил прибыл в Нижний Новгород и жестоко наказал мятежников.

Эта расправа надолго запомнилась нижегородцам. И пока шла борьба между тверскими и московскими князьями, Нижний Новгород всегда был за Москву против Твери.

В историографии нет единства по вопросу о том, какой Михаил в 1305 году наказал нижегородских «вечников». По версии Н.М. Карамзина, А.В. Экземлярского, Г.В. Абрамовича, В.П. Макарихина, Н.Ф. Филатова, Д.С. Таловина, это был суздальский князь Михаил Андреевич, сын Андрея Ярославича (брата Александра Невского). С.М. Соловьев, В.А. Кучкин, А.А. Горский, Б.М. Пудалов, П.В. Чеченков считали Михаила Андреевича сыном Андрея Городецкого, ставшим после смерти отца городецким князем. Более верной нам представляется точка зрения А.Е. Преснякова, Ю.В. Кривошеева и Н.С. Борисова, согласно которой в событиях 1305 года принимал участие Михаил Ярославич Тверской.

Нижегородский край в период соперничества Москвы и Твери. Соперничество Московского и Тверского княжеств, начавшись в 1304 году, продолжалось большую часть XIV века. Особенно острым

оно было в 1304–1328 годах, когда чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону. История Нижегородского края в этот период очень слабо освещена. По сути, из летописей нам известен лишь один факт, относящийся к указанному времени: в 1311 году Дмитрий Михайлович Тверской, собрав многих воинов, хотел идти на Нижний Новгород на князя Юрия, но «не благослови его митрополит Петр столом» во Владимире. Дмитрий, простояв три недели во Владимире, распустил рать и возвратился в свою землю.

Толкование этой летописной статьи вызывает споры между историками, поскольку непонятно: во-первых, как оказался в Нижнем Новгороде Юрий Данилович Московский; во-вторых, на какой стол не благословил митрополит Петр Дмитрия Тверского.

Пребывание князя Юрия в Нижнем историки, полагаящие, что с 1305 года в Городец правил Михаил Андреевич (сын Андрея Городецкого либо Андрея Ярославича), объясняют так: Михаил Андреевич умер бездетным; Городецкое княжество как выморочное должно было вернуться в состав великого Владимирского княжения (т.е. в руки Михаила Тверского); Юрий Данилович не хотел допустить усиления своего соперника и захватил самый богатый город Городецкого удела — Нижний Новгород. Что касается стола, на который не дал благословение Дмитрию Тверскому митрополит Петр, то большинство историков считает, что летописец вел речь о великом Владимирском княжении.

Но ведь великим князем владимирским тогда был находившийся в поездке в Золотую Орду Михаил Ярославич Тверской, отец Дмитрия. Получается, что Дмитрий хотел отнять стол у родного отца! Таких примеров на Руси не было. К тому же мы знаем, что Дмитрий горячо любил отца и потом отдал жизнь, чтобы отомстить его убийце. В связи с этим историки пытаются найти другое объяснение действиям тверского княжича. Например, предполагают, что благословение митрополита столом во Владимире «призвано было легитимировать Дмитрия как соправителя отца» (Б.М. Пудалов). Но источники не дают нам примеров того, чтобы сын великого князя на время поездки того в Орду по благословению митрополита становился соправителем отца. Поэтому ближе к истине предположение А.А. Горского: в летописи имеется в виду не владимирский, а нижегородский стол — митрополит Петр отказался поддержать стремление тверских князей овладеть Нижним Новгородом.

Видимо, события развивались так: Михаил Тверской решил создать для своего сына Дмитрия удельное Нижегородское княжество. Юрий Данилович сам занял Нижний Новгород. Дмитрий по велению отца собрал войска, чтобы идти на Нижний и дошел до Владимира. Но во Владимире митрополит Петр, дабы предотвратить кровопролитие и не сочувствуя Михаилу, не благословил Дмитрия на занятие нижегородского стола.

По мнению В.А. Кучкина, А.А. Горского и Б.М. Пудалова после событий 1311 года и вплоть до 1320 года Нижний Новгород находился под властью московских князей. Княжил в нем в это время брат Юрия Даниловича Московского, Борис Данилович. Основание для такого суждения — копия памятного листа с гробницы этого князя во Владимире, где сказано, что Борис Данилович преставился в 1320 году «в Нижнем Новеграде на удельном своем княжении». Это вполне возможно. Хотя и странно, что Михаил Тверской безропотно согласился с таким ущемлением своих прав, а девятилетнее правление Бориса в Нижнем никак не отразилось в летописях. Поэтому нельзя отвергать и другого варианта развития событий.

Нам представляется, что после приезда великого князя владимирского и тверского Михаила Ярославича из Золотой Орды Юрий был вынужден вернуться в Москву, а Нижний Новгород вновь оказался в составе великого Владимирского княжения. Ведь у Михаила Ярославича имелись все возможности для того, чтобы вытеснить Юрия из Нижнего Новгорода. Михаилу тогда благоволили ханы Золотой Орды — как Тохта, так и сменивший его Узбек. Вот характерный пример. Для борьбы с захватившим Новгород Великий Юрием Узбек дал Михаилу большое татарское войско (1315). Присовокупив к нему «всю силу низовскую», Михаил повел его на новгородцев к Торжку. На пути из Орды Михаил Тверской не мог миновать Нижнего Новгорода. Естественно предположить, что Нижний в это время находился в его распоряжении, а не под властью Бориса Даниловича.

Почему же Михаил не посадил в Нижнем Новгороде своего сына Дмитрия Грозные Очи? Видимо, в условиях постоянных столкновений с новгородцами и частых поездок Михаила в Орду Дмитрий был нужнее отцу в Твери.

Перелом в противостоянии московских и тверских князей произошел, когда Юрий Данилович Московский женился на сестре хана Узбека — Кончаке (после перехода в православную веру она получила имя Агафья). В 1317 году московский князь с молодой супругой и татарским

послом Кавгадаем пришел из Орды. Михаил встретил их у Костромы и после переговоров уступил Юрию великое княжение Владимирское, а сам вернулся в Тверь. Однако московский князь и там не оставил своего недруга в покое. Зимой того же года Юрий с Кавгадаем, своим братом Борисом и «всеми князьями суздальскими» двинулся на Тверь. Михаил Тверской вышел с ними биться и разгромил русско-татарский отряд Юрия в сражении у села Бортенева, в 40 верстах от Твери. При этом Агафья, Кавгадай и брат Юрия Борис оказались в плену. В Твери Агафья умерла. Разгневанный Узбек вызвал в Орду Михаила Тверского и Юрия Московского. Михаил был осужден на смерть, а Юрий в 1319 году прибыл из Золотой Орды на великое княжение.

Видимо, тогда Юрий Данилович Московский и дал своему брату Борису Нижний Новгород. Но тот, пробыв нижегородским удельным князем всего лишь около года, 30 мая 1320 года скончался. Кратковременное княжение Бориса в Нижнем не отразилось в летописях. Тем более что, поскольку детей и младших братьев у него не было, Нижегородское удельное княжество, как выморочное, было вновь возвращено в состав великого Владимирского княжения. Наделять Нижним Новгородом кого-то из других братьев Юрий Данилович не стал. А в 1322 году великое Владимирское княжение перешло в руки тверских князей, у которых находилось до 1328 года.

Нового перевеса в борьбе с Тверью Московское княжество добилося лишь при Иване Калите. В 1327 году великий князь владимирский, новгородский и тверской Александр Михайлович поднял восстание в Твери против ордынского посла Щелкана, племянника хана Узбека. Разгневанный хан направил против тверского князя татарские и московско-суздальские войска. Во главе русских ратей шли Иван Калита и суздальский князь Александр Васильевич. Александру Тверскому пришлось бежать. В результате освободились три княжеских стола — во Владимире, Новгороде и Твери.

Кому править в Твери, вопроса не было. Тверским князем стал младший брат скрывшегося Александра Михайловича — Константин. Что касается Владимира и Новгорода, то, согласно некоторым летописным текстам, Узбек поделил власть над этими землями между Иваном Калитой и Александром Васильевичем Суздальским. Князю Ивану Даниловичу хан дал «Новгород и Кострому, половину княжения», а суздальскому князю Александру Васильевичу — Владимир и Поволжье.

По отцу, князю Данилу, Новгород был отчиной Ивана Калиты. Поэтому он по полному праву получил на него ярлык. А вот Владимир в

тот момент был отчиной только для тверских князей. Но возвращать им ярлык на великое Владимирское княжение хан Узбек, разумеется, не хотел. Он решил наградить им Ивана Калиту и Александра Суздальского. Ведь они походом на Тверь доказали свою верность хану. Владимирское княжение было разделено на две части: Владимир с Поволжьем и Кострому. Владимир с Поволжьем (важнейшую и богатейшую часть княжения) хитроумный правитель Золотой Орды предпочел отдать слабейшему князю — более зависимому и управляемому. «Поволжьем» в данном случае, по мнению А.Е. Преснякова, В.А. Кучкина и Б.М. Пудалова, названы Городец с Нижним Новгородом — территория бывшего Городецкого княжества. На несколько лет эти земли оказались под властью суздальского князя Александра Васильевича.

По поводу происхождения Александра Васильевича и, соответственно, будущей династии нижегородских князей среди историков нет единого мнения. Большинство (Н.М. Карамзин, А.В. Экземплярский, Г.В. Абрамович, В.А. Кучкин, А.А. Горский, Н.Ф. Филатов, Д.С. Таловин) возводят род суздальских князей к Андрею Ярославичу — брату Александра Невского, другие (С.М. Соловьев, Б.М. Пудалов) — к сыну Невского, Андрею Городецкому. Однако если мы признаем, что Андрей Городецкий оставил потомков, будет непонятно, почему Городецкое княжество оказалось выморочным. Поэтому правильнее согласиться с мнением большинства исследователей и считать родначальником суздальских князей Андрея Ярославича. В этом случае родословная суздальской ветви Рюриковичей будет выглядеть следующим образом:

- *Андрей Ярославич, брат Александра Невского, умер в Суздале в 1264 году, имел сыновей Юрия и Михаила;*
- *Михаил Андреевич княжил в Суздале с 1279 года (после брата Юрия, владевшего Суздалем в 1264–1279), имел сына Василия;*
- *Василий Михайлович, умер в 1309 году, имел сыновей Александра и Константина;*
- *Александр Васильевич, умер в 1331 году (эта дата убедительно обоснована В.А. Кучкиным).*

Нижегородский край под властью Александра Васильевича Суздальского. Александр Васильевич, получив власть над Владимиром и Нижним Новгородом, продолжая жить в Суздале. Он стремился всячески возвысить родной город. Александру Васильевичу удалось добиться учреждения самостоятельной Суздальской епархии. В 1330 году епископом в Суздаль был поставлен иеромонах Даниил. До этого в городе не было епископской кафедры: в церковном отношении Суздальская

земля управлялась непосредственно митрополитом Киевским и всея Руси (пребывавшим с 1299 года во Владимире, а потом в Москве).

Нижегородские земли также подчинялись митрополиту. Но и суздальский епископ имел в них влияние. При Данииле в Нижний Новгород из Суздаля пришел монах Дионисий. Постриг он принял в Киеве, в знаменитом Киево-Печерском монастыре. Нижний Новгород неизбежно должен был поразить Дионисия не только красотой, но и сходством своего местоположения с Киевом. Подражая основателям Киево-Печерского монастыря, молодой монах выкопал пещеру на волжском откосе, в трех километрах от крепостных стен (возможно, там, где стоял монастырь Богородицы, в 1229 году разрушенный Пургасом). Ныне здесь находится слобода Печеры.

Прослышав о праведной жизни Дионисия, к нему стали приходиться люди, желавшие поселиться рядом с ним. Они построили церковь во имя Вознесения Господня. Так возник Вознесенский Печерский монастырь. Вскоре он стал главным центром просвещения нижегородской земли.

По мнению Ю.В. Сочнева, Печерский монастырь в Нижнем Новгороде находился под покровительством Александра Васильевича Суздальского и на протяжении последующих десятилетий всегда оставался надежной опорой суздальских, а потом суздальско-нижегородских князей.

Возникновение Суздальско-Нижегородского княжества. После кончины Александра Васильевича Суздаль перешел к его брату — Константину. Обладателем Владимира и Поволжья по воле хана Узбека стал Иван Калита (1332). Таким образом, Городец и Нижний Новгород оказались под властью Ивана Калиты.

Иван Калита мог управлять Городцом и Нижним Новгородом через своих наместников, а мог выделить эти города кому-то из своих сыновей. Многие историки (П.И. Мельников-Печерский, Н.И. Храмцовский, А.В. Экземплярский, А.А. Горский) допускали, что до 1340 года Нижним Новгородом в качестве удельного князя владел сын Калиты — Семен Гордый. По мнению В.А. Кучкина, Семен управлял Нижним Новгородом не как князь, а как наместник отца. Эти суждения основаны на летописном известии о том, что Семен не присутствовал на похоронах отца, поскольку в это время находился в Нижнем Новгороде. Однако Семен Гордый мог просто приехать туда для выполнения разового поручения Ивана Калиты, связанного, например, с церковно-политическим

конфликтом между Суздалем и Москвой из-за контроля над нижегородскими землями.

Он начался после того как суздальский епископ Даниил был лишен Феогностом епархии. Разумеется это должно было вызвать недовольство суздальского князя Константина, отправившего посольство с жалобой в Византию. В итоге, как выяснил Ю.В. Сочнев, в 1340 году константинопольский патриарх Иоанн Калека в обход митрополита Феогноста поставил епископом Суздаля, Нижнему Новгороду и Городцу монаха Иоанна. Таким образом, Нижний Новгород и Городец оказались в составе Суздальской епархии.

После того как Иван Калита ушел из жизни, его сын Семен поехал в Золотую Орду за ярлыком на великое Владимирское княжение, которое полагалось ему по отчине, и беспрепятственно получил его. Но за это он должен был заплатить большую сумму хану Узбеку. Чтобы собрать необходимые средства, князь послал своих наместников собирать чрезвычайную дань в богатый Торжок, находившийся в Новгородской земле. Его жители послали за новгородцами. Прибывшие новгородские посадники надели на московских наместников оковы. Тогда Семен Гордый зимой 1340/41 года созвал съезд русских князей и повел их ратью к Торжку. В походе участвовал и суздальский князь Константин. В итоге жителям Торжка и новгородцам пришлось заплатить тысячу рублей.

Вероятно, эти средства не были отосланы в Орду. (В следующем году ордынцы требовали «дани полетние».) Можно предположить, что в наказание за это хан Узбек в 1341 году отнял у Семена Гордого Нижний Новгород и Городец. Он отделил их от земель великого Владимирского княжения и передал Константину Васильевичу Суздальскому, давно мечтавшему об этих городах. Этот год считается временем создания Суздальско-Нижегородского княжества.

Наш край при князе Константине Васильевиче (1341–1355). Нижний Новгород в это время представлял собой богатый, стремительно развивавшийся город. По сравнению с XIII веком он сильно разросся. Центром города по-прежнему оставалась деревянная крепость на Кремлевской горе. Внутри ее стен находился главный храм Нижнего — Спасо-Преображенский собор.

К крепости вдоль правого берега Почайны подходила дорога из Владимира (нынешняя Большая Покровская улица). К ней примыкала торгово-ремесленная часть города — посад. Она существовала еще в XIII веке, но теперь ее пределы сильно расширились. Посад ограничивали современные улицы Минина на севере и Пискунова на востоке.

Южной окраиной Нижнего Новгорода XIV века являлась линия Университетского переулка.

Особенно густо посад был заселен там, где сейчас находится площадь Минина и Пожарского, а также в районе театра драмы. Здесь стояли многочисленные усадьбы горожан, мастерские гончаров и других ремесленников. Важно отметить, что среди них имелось немало грамотных людей. Об этом свидетельствуют находки бронзовых книжных застежек.

Рост города был связан с бурным развитием торговли по Волге. С принятием ханом Узбеком ислама в Золотую Орду устремились мусульманские купцы из Средней Азии, Персии, Индии, Египта. Приплывали они и в Нижний Новгород, где их товары приобретались специально приезжавшими сюда новгородцами. Таким образом, Нижний Новгород стал главным перевалочным пунктом в торговле между русскими и восточными землями. Археологами при раскопках в Нижнем Новгороде обнаружено большое количество фрагментов керамики, стеклянных изделий, украшений из Золотой Орды, Ирана, Египта, Китая, относящихся к тому времени.

У нижегородского причала бросали якорь десятки судов из разных стран. Здесь шумел многолюдный разноязыкий торг. Однако спуск к нему от нынешней площади Минина и Пожарского был очень крут и к тому же перекрыт Почайной. Поэтому в XIV веке перед Почайнским оврагом от Владимирской дороги отошла ветка, обходящая его слева (современная улица Ильинская). Она по горе, которую быстро застроили, спускалась прямо к базару у пристаней. Там возник новый посад — нижний. Старый посад в районе площади Минина и Пожарского отныне стали называть верхним. Так у Нижнего Новгорода появились два посада с большими базарами на каждом.

Неудивительно, что у Семена Гордого возникла мысль вернуть власть над таким богатым городом. В 1343 году он пошел в Орду, где «сперся» с Константином «о княжении Новагорода Нижнего». Семена сопровождали нижегородские и городецкие бояре, чтобы поддержать его.

Кого в данном случае летописец называет боярами: бывших нижегородских и городецких бояр Семена Гордого, любивших своего прежнего господина, которые в княжение Константина Васильевича оказались не ко двору, либо самых знатных жителей Нижнего Новгорода и Городца (вроде бояр Великого Новгорода)? Источники не позволяют дать однозначный ответ на этот вопрос. Во всяком случае, этот эпи-

зод может служить косвенным подтверждением того, что Семен Гордый до 1340 года был удельным князем нижегородским.

Однако Джанибек не отдал Нижний Новгород Семену. Хан оставил Нижегородское княжение за Константином. Ему же были выданы на расправу бояре, поддержавшие московского князя.

Константин, должно быть, понял, что пока он будет жить в Суздале, нижегородцы будут постоянно смотреть в сторону Москвы и когда-нибудь он потеряет Нижний Новгород. Поэтому суздальский князь переехал в Нижний.

Устроившись на новом месте, Константин принялся украшать свою столицу. По его повелению в 1350–1352 годах было построено новое здание главного храма города — Спасского собора. Впоследствии его украсил росписями великий художник Средневековья Феофан Грек. В соборе были золоченые двери искусной работы и пол из позолоченных медных плит. Из Суздаля в храм торжественно перенесли особо чтимую икону — «Спас Нерукотворный».

Нижегородские историки вслед за П.И. Мельниковым связывают с этими событиями перенос княжеской резиденции из Суздаля в Нижний Новгород, и относят переезд Константина к 1350 году.

Где же был возведен дворец для приехавшего правителя? Конечно же не в тесном детинце! Княжеские хоромы построили за его пределами, в западной части кремлевского холма (там, где сейчас двор законодательного собрания).

По князьему слову началось заселение окрестностей (или, как тогда говорили, уезда) Нижнего Новгорода. Русские люди, прибывшие из суздальских земель, начали обживать междуречье Оки, Волги и Кудьмы. Константин Васильевич разрешил им селиться там, где кто захочет.

С именем самого князя легенды связывают название поселка Ближнее Константиново. (Сейчас он находится в составе Приокского района Нижнего Новгорода.) Находившаяся здесь усадьба XIV века хорошо исследована археологами. Они обнаружили на ее территории необходимые составляющие снаряжения конного воина: удила, стремя, шпоры, боевой нож, крючки от колчана, кольца кольчуги, пластины доспеха. Все это могло принадлежать князю Константину или его дружинникам.

О досуге князя и бояр рассказывают находки шашек и шахматной фигурки. Некоторые секреты княжеской кухни раскрывают костные остатки 14 пород рыб: стерляди (ее подавали к столу чаще всего), щуки, осетра, судака, севрюги, леща, сазана, окуня, сома, жереха, плотвы, язя, белуги, чехони. Здесь же обнаружены крючки, грузила, инструменты

для вязания сетей. Следовательно, в усадьбе жили и княжеские рыбаки. Нужды княжеского хозяйства обслуживали также кузнецы, ювелиры, гончары и другие ремесленники. Наряду с русскими здесь проживала и мордва.

Недалеко от Ближнего Константинова, тоже в составе Приокского района, находится деревня Бешенцево с селищем, видимо представлявшим собой боярскую усадьбу. Там обнаружены элементы конской сбруи и остатки красивой дорогой посуды из Золотой Орды.

Ближнее Константиново и Бешенцево стали ядром полосы поселений, вытянувшейся восточнее Владимирской дороги в бассейне речки Рахмы: рядом с селами князя и бояр и под их защитой возникли деревни зависимых крестьян.

Еще одна группа древнерусских поселений появилась вдоль Владимирской дороги в современном Богородском районе. Здесь после полосы дубрав, шедших от городской черты нынешнего Нижнего Новгорода, начиналась красивая открытая местность, которую русские переселенцы называли Березовым Полем, или Березопольем. Она располагалась между Кудьмой и Окой. Сейчас тут находятся г. Богородск, села Березовка и Великосельево. Около Великосельева археологами обнаружено крупное древнерусское селище.

В Березополье Владимирская дорога раздваивалась. Одно ее ответвление шло вдоль правого берега Оки к Мурому, возобновленному в 1351 году после более чем полувекового запустения. По другой ветке Владимирской дороги путешественники, переправившись через Оку, направлялись к Гороховцу.

Перевоз через Оку был устроен у нынешней деревни Лисенки Павловского района. Около нее в те далекие времена Клязьма впадала в Оку. Чуть выше, в районе современной деревни Овинищи, стоял город Бережец.

В.А. Кучкин называет Бережец селом. Однако в «Списке русских городов дальних и ближних» Бережец перечислен среди «залесских» городов, между Гороховцом и Нижним Новгородом.

По предположению В.А. Кучкина, Гороховец в XIV веке тоже был нижегородским. Границей Гороховецкой волости Нижегородского княжества с тянувшейся к Владимиру Ярополческой волостью была река Лух. Но прямых сведений о принадлежности Гороховца к Нижегородско-Суздальскому княжеству в 1341–1392 годах нет. По нашему мнению, Ярополч, Гороховец и Бережец входили в состав великого Вла-

димирского княжения. Границей владимирских и нижегородских земель была Ока.

Еще одна важная дорога выходила из Нижнего Новгорода в юго-восточном направлении. Слева оставался Печерский монастырь и берег Волги. Дорога пересекала волжские притоки — Рахму и Кудьму и тоже разделялась на два пути. Один держался правого берега Волги до реки Сундовик. Над устьем Сундовика (западнее современного города Лыскова) нависала крутая Оленья гора. Там до сих пор видны остатки валов и рва древней крепости. Она защищала Нижегородское княжество с востока.

Другая ветка Печерской дороги бежала к перевозу через реку Пьяну (ныне — районный центр Перевоз). Направление этого пути указывают нам деревни Берсеменево, Таможниково, Гридино. Недалеко от этой дороги у князя Константина, вероятно, были усадьба (Дальнее Константиново) и, возможно, крепость (деревня Городищи Дальнеконстантиновского района). Земли между Кудьмой и Дальним Константиновым были заселены преимущественно мордвой.

Река Пьяна стала юго-западной границей продвижения русских людей. Далее начинались степи. По ним шла дорога в Золотую Орду.

По левому берегу Волги Нижегородско-Суздальскому княжеству принадлежали земли от реки Унжи до устья Ветлуги (район сел Михайловское и Разнежье). Часть их, прилегающая к Городцу, была давно и хорошо освоена. Дальше стояли дремучие леса, богатые дичью. Они были излюбленным местом охоты нижегородских князей и бояр. О тех временах напоминает название «Княжий луг» в районе современного Стекольного завода на Бору. Здешние озера славились своими лебедьими ловами, а реки — бобровыми гонами. В верховьях Ватомы, на въезде в Нижегородское княжество по лесной дороге из болгарских земель, была воздвигнута пограничная крепость. Ее остатки были обнаружены археологами у села Городищи Борского района.

На противоположной, правой стороне Волги северным нижегородским форпостом был Юрьевец. К нему с юга примыкала местность, именуемая Белогородье, включавшая современный Чкаловский район. Как возникло это красивое название? У ученых на этот счет пока нет удовлетворительного объяснения.

От Белогородья Нижегородско-Суздальское княжество простиралось дальше на запад, где уже находились коренные суздальские владения и сам Суздаль. По своим размерам оно принадлежало к числу самых больших русских княжеств и являлось главным соперником Москвы.

То скрытое, то явное противостояние с Московским княжеством продолжалось все княжение Константина Васильевича. Камнем преткновения в отношениях Константина и Семена Гордого была принадлежность Нижнего Новгорода. Семен Гордый не мог нарушить волю хана и начать военную борьбу за этот город. Поэтому борьба переместилась в область внутрицерковных отношений.

В 1347 году новый константинопольский патриарх Исидор Бухарис, благоволивший к Феогносту, поставил его «митрополитом всея Руси». До этого из-за церковного нестроения в русских землях был еще митрополит в Галиче. Титул митрополита носил также Иоанн Суздальский: именно так к нему обращается ханша Тайдула в ярлыке 1347 года. Теперь же в Константинополе признают митрополитом только Феогноста.

Опираясь на поддержку патриарха, Феогност поставил епископом Суздалью Нафанаила. Нижний Новгород и Городец, как следует из работ Ю.В. Сочнева, должны были теперь находиться в ведении самого митрополита Феогноста. Однако прежний епископ Иоанн продолжал жить в Суздале и духовно окормлять свою паству. Именно епископ Иоанн благословил в 1352 году нижегородского монаха Евфимия на создание в Суздале Спасского монастыря. Евфимий был отправлен в Суздаль настоятелем Нижегородского Печерского монастыря Дионисием по просьбе князя Бориса, сына Константина Васильевича. Тогда же Евфимий основал монастырь во имя Василия Великого в селе Мячково около Гороховца. Таким образом, в Суздале возникло своего рода церковное двоевластие. Чтобы устранить этот беспорядок, Константина Васильевича призвали в Москву. Нижегородский князь обсуждал с Семеном Гордым вопрос «про причет церковный». К единому мнению князья, однако, не пришли. Для разрешения спора Феогност и Семен Гордый отправили посольство в Константинополь.

Пока послы ездили в Византию, на Москву обрушилась эпидемия чумы. Она унесла жизни митрополита Феогноста, Семена Гордого и его сыновей. Новым митрополитом стал монах Алексей, сын московского боярина Федор Бяконта, выдающийся деятель Русской церкви. Он получил полную поддержку константинопольского патриарха. Соответственно, в пользу митрополита был решен и спор о церковной власти над Суздалем, Нижним Новгородом и Городцом.

По предположению Ю.В. Сочнева, нижегородские земли оказались в прямом подчинении митрополита, но окормлялись суздальским епископом, действовавшим здесь на правах экзарха — митрополичьего управляющего.

После ухода из жизни Семена Гордого все князья поехали в Золотую Орду. Там, по сообщению летописей, Константин Васильевич Нижегородский «сперся о великом княжении» с московским князем Иваном Красным, братом Семена Гордого. Причем он предъявил права не только на Владимир, но и на Новгород, в чем его поддержал новгородский посол Семен Судок. Хан Джанибек, однако, предпочел дать ярлык тихому Ивану.

Константин, видимо, не собирался просто так отказываться от борьбы. В 1354 году он женил сына Бориса на дочери могущественного правителя Литвы Ольгерда, Агрофене. Этот брак оформил нижегородско-литовский союз в противовес Москве. Вскоре, однако, Константин занемог. Его уход из жизни отодвинул начало нового витка соперничества Москвы и Нижнего Новгорода.

2.3. Нижегородско-Суздальское княжество во второй половине XIV века: от расцвета до заката

Андрей Константинович Нижегородский. Дмитрий Константинович — великий князь владимирский. Борьба Дмитрия Константиновича Нижегородского и Бориса Городецкого. Дмитрий Константинович становится князем курмышским, сарским, болгарским и больмерским. Разрыв московского и нижегородского князей с Мамаем. Битва на Пьяне и разорение Нижегородского княжества. Упадок Нижегородского княжества и его присоединение к Москве.

Андрей Константинович Нижегородский. Константин оставил после себя четырех сыновей: Андрея, Дмитрия, Бориса и еще одного Дмитрия (по прозвищу Ноготь). Старший, Андрей, согласно заведенному порядку, совершил поездку в Орду (1355–1356), чтобы получить от хана Джанибека ярлык на отцовское княжение в Суздале, Нижнем Новгороде и Городеце. Стольным городом Андрей, подобно отцу, оставил Нижний. Братьям же были назначены уделы: Дмитрию — Суздаль, Борису — Городец. Дмитрий Ноготь получил села близ Суздаля.

Андрей был незлобив и тих нравом. Тяга к стяжанию земель была чужда этому богобоязненному правителю. Он не собирался вести братоубийственную борьбу с московским князем. Тем более что Иван Красный был таков же по складу души. В 1356 году два этих миролю-

бывых властителя встретились в Переяславле-Залесском и полюбовно решили все споры между Москвой и Нижним Новгородом.

Набожный князь Андрей проводил время в посте и молитве. В 1359 году рядом со своим двором он воздвиг прекрасный белокаменный храм, посвященный Михаилу-Архангелу. Археологи обнаружили деталь чудесного убранства этой церкви — каменную голову льва. Стены храма были расписаны фресками, пол устилали кирпичные плитки с врезным звездообразным орнаментом.

В отличие от Андрея, его младшие братья, Дмитрий и Борис, были воинственны и энергичны. Летописи сохранили сведения об их заметном участии в бурной политической борьбе конца 1350–1370-х годов, когда и Золотая Орда, и Русь пережили эпоху нестабильности и междоусобиц, названную современниками «великой замятней».

Дмитрий Константинович — великий князь владимирский. «Великая замятня» началась в 1357 году, когда старый хан Джанибек погиб от руки заговорщиков. Дальше последовала череда новых переворотов, в ходе которых брат шел на брата, а сын на отца. Соперничающие ханы выдавали ярлыки на великое Владимирское княжение разным князьям. Тем самым ордынские распри порождали раздоры между русскими правителями.

Междоусобица на Руси началась после того, как в Москве в 1359 году ушел из жизни великий князь владимирский и московский Иван Красный. В Орде в том же году «сел на царство» хан Новруз. Все русские князья, как повелось, отправились к нему на поклон. Новруз должен был решить, кому отдать ярлык на великое Владимирское княжение. Права на Владимир «по отчине» имели двое: сын Ивана Красного, девятилетний Дмитрий, и тверской князь Василий Михайлович (отпрыск легендарного князя владимирского и тверского Михаила Ярославича). Но Василий Тверской, давний союзник московских князей и сват Семена Гордого, и не думал искать Владимирского княжения. Дмитрий Московский же был слишком юн. Поэтому хан Новруз решил дать Владимир Андрею Константиновичу. Однако Андрей Нижегородский отказался от подобной чести. Он понимал, что, поскольку Владимирское княжение не является его отчиной, заняв его, он должен будет вступить в опасную борьбу с Дмитрием Московским. Бездетному Андрею Константиновичу незачем было в нее ввязываться. А вот у его брата, Дмитрия, имелись сыновья, которым требовалось обеспечить будущее. И Андрей уступил владимирский ярлык Дмитрию Константиновичу. Хан

не возражал. Андрей оставил брату на помощь своих бояр, а сам, довольствовавшись ярлыком на Нижний Новгород, уехал домой.

Некоторое время спустя из Орды благополучно вернулся и Дмитрий Константинович Суздальский. 22 июня 1360 года он торжественно въехал во Владимир, заняв там великокняжеский стол, как с осуждением заметил летописец, «не по отчине и не по дедине». Одновременно Дмитрий Суздальский получил княжеские права и на Новгород Великий, куда прислал своих наместников.

Новгородцы были весьма беспокойными подданными. Новгородская молодежь занималась грабежами на Волге. Новгородские разбойники плавали на *ушкуях* — больших весельных судах с палубой, поэтому летописи называют их ушкуйниками. В 1360 году жертвой нападения этих речных пиратов стал болгарский город Жукотин. Булгары пожаловались в Орду. Там в это время уже сидел новый хан — Хызр (Хидырь русских летописей). Хидырь потребовал от Дмитрия Константиновича найти разбойников. По этому поводу Дмитрий созвал княжеский съезд в Костроме. Там было решено выдать ушкуйников в Орду. Так Дмитрий нажил в их лице многолетних врагов.

В 1361 году русские князья поехали на поклон к Хидырю. Первым это сделал юный Дмитрий Московский. Он получил ярлык на Московское княжение и благополучно вернулся домой. Прочие русские князья: великий князь владимирский Дмитрий Константинович, его старший брат Андрей Константинович Нижегородский, Константин Ростовский и Михаил Ярославский — прибыли в Сарай несколько позднее и стали свидетелями произошедших там ужасных событий. Хидыря убил его сын Темир-ходжа, а через неделю его царством завладел темник Мамай, зять правившего до «замятни» хана Джанибека.

Мамай не являлся потомком Чингис-хана и по монгольским законам не мог быть ханом Золотой Орды. Но этот хитроумный военачальник все-таки нашел способ получить доступ к верховной власти. Прогнав Темир-ходжу за Волгу, где тот был убит, Мамай провозгласил ханом юного царевича Абдуллаха и, действуя от его имени, приступил к попыткам овладеть Сараем. Но ордынские вельможи не захотели подчиниться Мамаю. Ханом был провозглашен брат убитого Хидыря — Амурат.

При дворе Амурата нашли убежище от бушевавшей кругом смуты русские князья во главе с Дмитрием Константиновичем. Тем же из них, кто рискнул поехать домой, пришлось изведать немало лиха. Ростовских князей ограбили и раздели догола. Подвергся нападению и Андрей Константинович Нижегородский. На него напал князь Арат-ходжа

(Аратехозя). Татары окружили нижегородцев со всех сторон. Но Андрей, как сообщает летописец, «не убоился грозы их и пробился сквозь полки татарские».

Охваченная смутой Золотая Орда в том же 1361 году распалась на части. Ордынские князья, увидев, что центральная власть ослабела, тут же стали присваивать самые богатые области страны. Отделился Хорезм. Булат-Темир (Булак-темир по русским летописям) захватил болгарские земли и «все города по Волге и улусы и отнял весь Волжский путь». Другой представитель ордынской знати, Тагай, в том же году взял власть в улусе Мухша. Эта часть Золотой Орды со столицей в городе Нуриджан (Наручадь по русским летописям, ныне — село Наровчат Пензенской области) находилась южнее реки Мокша и занимала территорию современных Мордовии, Ульяновской, Пензенской и Тамбовской областей. Здесь жили мордва-мокша и буртасы.

Еще один пришелец из Орды — Сегиз-бей обосновался в Запьянье (так назывались степи в петле реки Пьяны), окружив свой стан рвом. По преданию, стан Сегиз-бея располагался на месте современного села Мурзицы Сеченовского района, там где в Суру впадает река Киша. Археологами здесь обнаружено поселение второй половины XIV века, связанное с выходцами из Золотой Орды. В летописях оно называется Кишь.

Тогда же Мамай перевел свою орду на правый берег Волги и укрепил за собой Крым. С ним был юный хан Абдуллах (Авдуль в русских летописях), являвшийся послушным орудием Мамаю.

Московское правительство, которым в это время фактически руководил мудрый митрополит Алексей, воспользовалось продолжением сумятицы в Орде. В Орду был послан киличей (посол) с просьбой о ярлыке на Владимирское княжение. Дмитрий Константинович отправил в Сарай своего киличая. Согласно «Житию митрополита Алексея» и сам глава Русской церкви побывал при дворе Амурата. Алексей, как и многие монахи, владевший приемами врачевания, оказал хану огромную услугу: вернул зрение жене Амурата.

В более поздней «Повести о Алексее, митрополите всея Руси», включенной в Никоновскую летопись, Алексей исцеляет другую ханшу — супругу Джанибека Тайдулу.

Вполне вероятно, что именно в знак признательности Алексею Амурат решил спор между московским и нижегородским князьями в пользу юного Дмитрия Московского. В 1362 году московский киличей Амин привез от Амурата в Москву ярлык на великое княжение.

Дмитрий Константинович отказался признать это решение. Пришлось москвичам собирать войско и идти войной на суздальского князя. Дмитрий Константинович ждал московскую рать на перекрестке дорог в Переяславле-Залесском, но вступить в бой у него не хватило духу. Он бежал к Владимиру, а оттуда в родной Суздаль. Дмитрий Московский «сел на великом княжении». Побыв три недели во Владимире, он вернулся в Москву.

В Орде в это время продолжалась замятня. На Волге произошла сеча отрядов Мамаю и Амурата. Территория Золотой Орды западнее правого берега Волги оказалась под контролем Мамаю. Мамаю захотел, чтобы и русские земли признали его власть. В 1363 году он отправил посла в Москву. Тот привез Дмитрию Московскому ярлык на великое княжение Владимирское от имени хана Абдуллаха. Мамаю было нужно, чтобы русские князья признавали Абдуллаха как законного правителя и брали от него ярлыки. Не взять ярлык — значит оскорбить самого сильного татарского правителя на правом берегу Волги. Поэтому в Москве приняли и этот ярлык, чем привели в ярость врага Мамаю — Амурата.

В ставке Амурата в это время находился князь Иван Белозерский. Вместе с ним хан отправил к Дмитрию Константиновичу посла Иляка с ярлыком на великое Владимирское княжение. Дмитрий Константинович принял ханских посланцев «с честью и радостью» и во второй раз занял Владимир. В результате подобно тому, как по Волге раскололась Орда, разделились в 1363 году и русские княжества. Сторону Дмитрия Суздальского взяли князья ростовские, галицкие, белозерские, правившие по Волге или на ее восточной стороне. За него были и князья стародубские, чьи земли по Клязьме были окружены нижегородскими, суздальскими и владимирскими владениями Дмитрия Константиновича.

Но суздальскому князю удалось торжествовать во Владимире всего 12 дней. Затем со стороны Юрьева-Польского подошло большое московское войско. Не вступая с ним в сражение, Дмитрий Константинович возвратился в Суздаль. Но Дмитрий Московский и там не оставил его в покое, осадив «со многой силой» родовое гнездо своего соперника. В итоге Дмитрий Константинович покорился Москве. По сообщению Никоновской летописи, после этого он поехал к своему старшему брату Андрею в Нижний Новгород. Возможно, такова была воля московского князя, не желавшего, чтобы его соперник постоянно жил в Суздале — вблизи Владимира.

Борьба Дмитрия Константиновича Нижегородского и Бориса Городецкого. Союзникам Дмитрия Константиновича — Ивану Федоро-

вичу Стародубскому и Дмитрию Ивановичу Галицкому — после победы Москвы пришлось худо. Они были лишены Москвой владений и, как сообщает Никоновская летопись, поехали в Нижний Новгород, к князю Дмитрию Константиновичу, «скорбя о княжениях своих».

По нашему предположению, Дмитрий убедил правившего в Нижнем Новгороде брата Андрея, все больше терявшего интерес к мирским делам, наделить изгнанников вотчинами. Иван Федорович Стародубский получил вотчины на пути из Нижнего Новгорода в Муром. Там в устье реки Вачки, впадающей в Малую Кутру, князь Иван построил крепость, получившую название Стародуб Вочский (впоследствии на ее месте находилось село Городищи, ныне вошедшее в состав поселка Ва-ча).

Только все успокоилось, как на Нижний Новгород в 1364 году обрушилась страшная болезнь — бубонная чума. Больные харкали кровью, метались в жару, у них распухали лимфатические узлы. Через несколько дней мучений человек умирал. Эта эпидемия уже двадцать лет бушевала в Европе и Азии. В Европе от нее умерла треть населения. В Нижний Новгород чума пришла из Бездежа. Так в русских летописях называли золотоордынский город Бельджамен. Он располагался на правом берегу Волги, выше Волгограда, около современной Дубовки. Здесь была переправа через Волгу, от которой шла дорога в столицу Золотой Орды — Сарай. К самому Бельджамену подходил речной (по Волге) и караванный путь из русских земель. Чума, скорее всего, была перенесена по караванному пути. Об этом свидетельствуют летописные указания на мор в расположенных на нем поселениях Сара (ныне в Ульяновской области) и Кишь (предположительно Мурзицы Сеченовского района).

Болезнь миновала Андрея Нижегородского, но горе, обрушившееся на его земли, стало для князя тяжким потрясением, и он, как сообщает Никоновская летопись под 1364 годом, «пострижеся во иноческий чин».

К.А. Аверьянов, обративший внимание на это известие, полагает, что именно пострижение Андрея Константиновича стало исходным пунктом распри между его братьями — Дмитрием и Борисом — из-за Нижнего Новгорода. Эта борьба, по Аверьянову, началась почти за год до ухода князя-монаха из жизни, т. е. в 1364 году. В ходе противостояния Борис Городецкий занял Нижний Новгород, но потом Дмитрий при поддержке Москвы заставил младшего брата подчиниться.

Хронология этих событий в летописях сильно запутана. Рогожский летописец излагает часть их под 1363-м, часть под 1364 годом. По Симеоновской летописи, все произошло в 1364 году. В Никоновской,

Типографской, Ермолинской летописях поход Дмитрия на Бориса описан под 1365 годом. Определить верную датировку помогает упоминание хана Азиза. Во всех летописях рассказывается про ярлык, выданный им Дмитрию Константиновичу. Между тем известно, что Азиз воцарился в сентябре 1365 года. Следовательно, верна хронология Никоновской летописи. Опираясь на нее, автор выстроил приводимую ниже цепь событий.

Когда в 1364 году Андрей Константинович стал монахом, фактическое управление Нижним Новгородом стал осуществлять Борис Городецкий. Мор прекратился, но бедствия не оставили нижегородскую землю. Весной 1365 года установилась невероятная жара, томившая людей три месяца. Дважды погорел Нижний Новгород. Горели леса и торфяники. Воздух был насыщен дымом. Маленькие речки пересыхали совсем, а в больших реках засыпала рыба. Все эти грозные события нанесли окончательный удар по здоровью Андрея Константиновича. 2 июня 1365 года этот, по определению летописца, «кроткий, и тихий, и смиренный, и многобродетельный князь» скончался.

По старшинству наследовать Андрею должен был его следующий брат, Дмитрий Суздальский. Но Борис Городецкий задумал сохранить Нижний Новгород за собой и отправил просьбу об этом в Золотую Орду. Однако Дмитрий Суздальский не желал отдавать то, что принадлежало ему по праву. Он в июне 1365 года отправил в Орду за ярлыком своего сына Василия по прозвищу Кирдяпа, а сам, взяв с собой матушку, княгиню Елену, и суздальского епископа Алексея, поехал увещевать Бориса. Но тот уже сделал свой выбор. Борис дал понять, что готов силой дать отпор посягательствам на его власть. Как сообщает Рогожский летописец, осенью князь Борис «заложил город сыпати».

По мнению И.А. Кирьянова и В.Ф. Черникова, речь здесь идет о де-ревоземляных укреплениях, которые огромным кольцом прикрыли нижегородские посады. Кирьянов и Черников полагали, что эти укрепления проходили по линии нынешней улице Пискунова, где до сих пор заметны следы вала. На его гребне, напротив пересечения улиц Пискунова и Большая Печерская, воссоздан частокол. Однако, по нашему мнению, маловероятно, что, ожидая в скором времени нападение, Борис мог затеять такое грандиозное строительство. Скорее всего, на улице Пискунова сохранились остатки не города XIV века, а острога XVI–XVII веков. А Борис опоясал валом ту часть кремлевского холма, где недалеко от храма Михаила-Архангела стоял княжеский дворец и которая, по нашей версии, еще не была защищена стенами. Таким обра-

зом, можно полагать, что открытые в ходе недавних раскопок в западной части Кремля следы перевозимых оборонительных сооружений относятся не к XIII веку, а ко времени Бориса Константиновича.

Уверенности в противостоянии со старшим братом Борису придала поддержка Золотой Орды. Оттуда к нему пришли послы Байрам-ходжа (Барамхозя в русских летописях) от только что воцарившегося в Сарае хана Азиза и Асан (от неизвестной нам «царицы»). Они посадили Бориса на Нижегородское княжение.

Дмитрий Константиновичу ничего не оставалось, как обратиться за помощью в Москву к митрополиту Алексею. Алексей забрал Нижегородскую и Городецкую епископию от владыки Алексея Суздальского, управлявшего ею в качестве митрополичьего наместника, и взял на себя заботу об установлении мира на нижегородской земле. Для этого случая он сочинил поучение к «игуменам, попам и дяконам», «князьям и боярам, и мужам и женам и всем правоверным христианам» «предела новгородского и городецкого». «Видите, дети, каковый мятеж встал во время сие», — вопрошал митрополит. Он наставлял нижегородцев жить в мире, а священников призывал: «не убойтесь лица сильных и запрешайте им, да не обидят меньших»

По догадке К.В. Аверьянова, это произведение привез в Нижний Новгород Сергей Радонежский. Однако нам представляется гораздо более логичным предположить, что «Почтение...» было отправлено Алексеем с его первыми посланцами, отправленными в Нижний Новгород еще до миссии Сергея — с архимандритом Павлом и игуменом Герасимом.

Архимандрит Павел и игумен Герасим прибыли в Нижний Новгород осенью 1365 года. Они передали Борису приглашение прибыть в Москву. Но князь Борис наотрез отказался. Тогда Павел и Герасим затворили церкви в Нижнем Новгороде и Городце. Нельзя было ни венчаться, ни крестить детей, ни отпевать покойников. Борису пришлось уступить. Правда, лично он все-таки не поехал в Москву, а только послал туда своих доверенных бояр.

И надо же было такому случиться: по дороге на Борисовых послов ночью наехал возвращавшийся из Орды Василий Кирдяпа, сын Дмитрия Константиновича. Свита Кирдяпы переловила бояр Бориса. Лишь один из них, некий Василий Олексич, «утече в Москву». Там он сумел договориться с юным Дмитрием Московским и его умудренным наставником митрополитом Алексеем.

Кирдяпа же поехал в Суздаль к отцу. С ним прибыл посол Урусманды от хана Азиза. Он привез Дмитрию Суздальскому ярлык. Но не на Нижний Новгород (его Азиз уже отдал Борису), а на великое Владимирское княжение. Ведь обладавший на тот момент Владимиром Дмитрий Московский подчинился врагу Азиза — Мамаю. Но Дмитрий Константинович не захотел вновь воевать с Москвой. Он предпочел уступить ярлык Дмитрию Московскому в обмен на помощь против брата Бориса. Сам Дмитрий Суздальский тоже собрал большое войско.

Когда объединенная суздальско-московская рать двинулась на Нижний Новгород, у Бориса хватило благоразумия не начинать братоубийственную войну. На границе нижегородских земель, у Бережца, он со своими боярами встретил Дмитрия и признал его власть (1365). Братья помирились. Дмитрий Константинович стал править в Нижнем Новгороде, передав Суздаль своему сыну Василию Кирдяпе. Борис Константинович уехал в Городец.

Перед описанием этого похода в летописях упоминается о приезде в Нижний Новгород Сергия Радонежского, от имени князя Дмитрия Московского и митрополита Алексея позвавшего Бориса в Москву, а когда тот отказался, затворившего церкви в Нижнем Новгороде. Но К.А. Аверьянов доказал, что в данном случае позднейшие сводчики приписали Сергию Радонежскому действия предыдущих послов — Павла и Герасима. По аргументированному мнению Аверьянова, Сергий Радонежский приехал уже после того, как Борис уступил Нижний Новгород брату.

По нашему предположению, Сергий не только примирил Бориса с Москвой, но и устранил накопившиеся противоречия между Москвой и Нижним Новгородом по церковно-иерархическим вопросам. Причем мудрый Сергий, ради восстановления согласия, пошел на существенные уступки. Суздальской епархией стал управлять нижегородец и давний соратник нижегородских князей — архимандрит Нижегородского Печерского монастыря Дионисий. (Правда, сначала не в сане епископа — суздальским епископом он будет назначен в 1374 году.) На освободившееся место архимандрита Печерского монастыря перешел (по гипотезе Ю.В. Сочнева) бывший суздальский епископ Иоанн, принявший схиму под именем Ионы. Для Нижнего Новгорода и Городца была учреждена самостоятельная епархия, на которую был поставлен епископ Серапион. В свою очередь Сергий, вероятно, добился согласия на основание в Нижнем Новгороде монастыря или даже нескольких обителей, подчиненных митрополичьему дому. В этой связи возникает во-

прос: не связано ли было с приездом Сергия Радонежского основание монастыря на одной из Дятловых гор (в Петушкове), в котором впоследствии была освящена церковь во имя преподобного Сергия Радонежского, существующая и поныне?

По версии К.В. Аверьянова, Сергей Радонежский в этот приезд совершил еще одно важное дело: он сосватал дочь Дмитрия Константиновича за Дмитрия Московского.

Дмитрий Константинович становится князем курмышским, сарским, болгарским и болымерским. Свадьба Дмитрия Ивановича Московского и нижегородской княжны Евдокии Дмитриевны состоялась 18 января 1366 года в Коломне. (Этот город временно стал столицей Дмитрия Ивановича, поскольку Москва в это время лежала в руинах после пожара 1365 года.) А сын московского тысяцкого Вельяминова, Микула Васильевич, взял в жены сестру Евдокии — Марию. Два этих брака прочно скрепили союз Московского и Нижегородского княжеств.

Сильные союзники были нужны Дмитрию Константиновичу, поскольку он имел немало недругов. Ушкуйники, узнав о его вокняжении в Нижнем Новгороде, летом 1366 года на 150 судах совершили опустошительный набег на город. Ограблению подверглись как торговавшие здесь иноземные купеческие корабли, так и сами нижегородцы.

Есть основания полагать, что в плен к разбойникам попал сам Дмитрий Константинович. В его местной грамоте 1368 года (указывавшей, где кому садиться за княжеским столом) назван казначей и боярин Тарас Петрович Новосильцов. Ему было пожаловано боярство «за то, что он откупал ис полону государя своего дважды», а в третий раз выкупал княгиню Марфу. Видимо, в память о своем спасении Дмитрий и возвел в 1366 году на реке Почайне церковь во имя Николая Чудотворца.

Можно смело отождествить Тараса Петровича Новосильцова с упоминаемым в «Летописце о Нижнем Новгороде» под 1366 годом гостем (богатым купцом) Тарасием Петровым, который выкупил из плена в Орде многих людей. Далее «Летописец о Нижнем о Новгороде» сообщает, что Тарасий Петров приобрел вотчину у «Муранчика князя»: шесть сел за Кудьмой и на Сундовике. Два из них существуют и теперь. Это села Запрудное Кстовского района и Мунарь (ныне — Монари Лысковского района). В.А. Кучкин предположил, что их прежний владелец, князь Муранчик, «судя по имени», принадлежал к местным мордовским князьям. Однако у средневековой мордвы в источниках нам ни разу не встретилось имя «Муранчик». По нашему мнению, «князь

Муранчик» «Нижегородского летописца» — это князь Мурамчинов, боярин Дмитрия Константиновича, упоминаемый в местной грамоте 1368 года.

В более раннем варианте местной грамоты 1368 года, приводимом С.М. Соловьевым в его «Истории России с древнейших времен», называется тысяцкий Дмитрия Константиновича — Дмитрий Алибуртович Волынский. Соловьев отождествляет его с Дмитрием Боброком Волынским, будущим героем Куликовской битвы. Вероятно, это сын Любарта Гедиминовича Волынского, уехавший в Городец или Нижний Новгород после того, как поляки отняли у его отца большую часть земель. Известно, что Дмитрий Волынский был женат на сестре Дмитрия Московского — Анне. Этот брак также способствовал укреплению связей между Нижним Новгородом и Москвой.

Союз с Москвой нужен был нижегородскому князю не только для обуздания ушкуйников. Кроме этих разбойников, у Дмитрия Константиновича (равно как и его брата Бориса) имелся и более могущественный враг. Это был правивший в Сарае хан Азиз. Ведь Дмитрий и Борис, пренебрегли ярлыками Азиза и, подобно московскому князю, подчинились Мамаю.

Чтобы наказать Дмитрия Константиновича, Азиз в 1367 году направил в набег на Нижегородское княжество управлявшего болгарскими землями Булат-Темира. Летописец сообщает, что Булат-Темир ограбил Нижегородский уезд до Волги и Сундовика и села князя Бориса. Судя по этим данным, Булат-Темир шел к Волге с юга, через Запьянье. Тогда он должен был перейти Пьяну у нынешнего Перевоза, поскольку именно отсюда начиналась дорога на Нижний Новгород.

Под селами князя Бориса, вероятно, имеются в виду Ближнее Борисово (Кстовский район), Борисово-Покровское (Дальнеконстантиновский район) и Кадницы (Кстовский район).

В ответ Дмитрий и Борис с братом Дмитрием Ногтем и детьми двинулись на захватчика. Булат-Темир не решился вступить в сражение с нижегородскими князьями и бежал обратно к Пьяне, при переправе через которую потерял много воинов. Много их погибло и за Пьяной.

Можно предположить, что дальше нижегородцы двинулись в болгарские земли и подчинили их. Булат-Темиру пришлось искать убежища в Сарае, но там разгневанный хан Азиз казнил его. В грамоте, датированной 1368 годом, Дмитрий Константинович уже величается не только как великий князь нижегородский, суздальский и городецкий, но и как князь курмышский, сарский, болгарский и болымецкий.

Все названные в этом титуле населенные пункты существуют до сих пор. Болгар и Балымер — города в Волжской Булгарии. Они стояли рядом на левом берегу Волги. Ныне это г. Болгар и с. Балымеры в Спасском районе Татарстана. Курмыш — село в Пильнинском районе. Оно расположено у впадения реки Курмышки в Суру. Его изучению посвящена специальная статья Н.Н. Грибова, проводившего там раскопки. Археологами обнаружены здесь различные золотоордынские предметы XIV века, например серебряные деньги ханов Золотой Орды. Самые древние из них относятся к 1314 году, а самые поздние — к 1363 году. По данным раскопок здесь жили ремесленники — гончары и металлурги. Как полагает Н.Н. Грибов, Курмыш представлял собой крупный торгово-ремесленный центр на сухопутной дороге, ведущей на Нижнюю Волгу. По нашему мнению, транспортная роль Курмыша была несколько иной. Находясь на краю Мещерского юрта, он являлся перевалочным пунктом на пути в Волжскую Булгарию. С одной стороны мимо него проходили суда, которые по Суре спускались в Волгу и вниз по ней плыли в Болгар и Балымер. С другой — от Курмыша отходила караванная дорога на юг. Она соединялась с большим торговым путем из Орды, разветвлявшимся в Мещере на три направления: в Нижний Новгород, Муром и Рязань. Важным пунктом на этом пути была Сара Великая (современное село Сара Сурского района Ульяновской области).

О том, что все эти территории какое-то время подчинялись Дмитрию, свидетельствуют находки в болгарских и мордовских землях монет Нижегородского княжества. (Дмитрий Константинович начал чеканку собственных монет первым среди русских князей. На одной их стороне была изображена летящая птица, на другой, как и на ордынских деньгах, — арабская надпись.)

Захват нижегородцами болгарских городов соответствовал интересам Мамаю. Он стал одним из эпизодов войны Мамаевой Орды с Волжской Ордой. Победа нижегородцев способствовала тому, что Мамай добился перевеса в этом изнурительном противостоянии. Его враг Азиз погиб. Власть в Сараях перешла к Мамаю и его ставленнику Абдуллаху. Правда, ненадолго. Абдуллах в 1368 году изгнал из ордынской столицы новый хан — Хасан (Асан в русских летописях).

Абдуллах, видимо, ушел из жизни. Но Мамай быстро нашел ему замену в лице султана Мухаммед-Булака. Пока Мамай копил силы для нового похода на Сарай, там произошел очередной переворот. Сарай захватил Хаджи-Черкес. Хасан оказался в роли изгнанника. Ища при-

станица он, как мы полагаем, в 1369 году отнял у Дмитрия Константиновича Болгар вместе с Балымером, Курмышом и Сарой Великой.

На следующий год Мамаю удалось вновь захватить Сарай. От имени Мамаю там начал править султан Мухаммед Булак (Махмат Салтан в русских летописях). Но Хасан, находившийся теперь в булгарских землях, не признал его власти. Тогда Мамай, чтобы добиться его покорности, решил использовать силу нижегородского князя. В Нижний Новгород прибыл посол Мамаю — Ачи-ходжа. Он сопровождал нижегородское войско, отправившееся в 1370 году в Булгарию. Нижегородскую рать по поручению Дмитрия возглавил Борис Городецкий. Вместе с ним шел Василий Кирдяпа.

Хасан не решился сопротивляться. Он выслал своих представителей с челобитьем и многими дарами. Правда, Мамай не отдал Болгар и Балымер Дмитрию Константиновичу. На княжение там был посажен сын султана Мухаммеда Булака (в русских летописях — Салтана Бакова сын). Хасан стал его соправителем. Однако Курмыш и Сара Великая были возвращены. Можно полагать, что Курмыш в награду за свое участие в походе получил Борис Константинович. Сара Великая опять оказалась под властью Дмитрия Константиновича Нижегородского.

Разрыв московского и нижегородского князей с Мамаем. Когда Борис Городецкий в конце 1370 года вернулся из похода на Булгарию, дома его ждала великая радость — рождение сына Ивана (в будущем — смелый воин Иван Тугой Лук). На крестины приехал сам митрополит Алексей.

Согласно «Летописцу о Нижнем Новгороде», в этот же приезд Алексей поставил каменную церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Она стала центром Благовещенского монастыря, создателем, которого в Степенной книге и других источниках также называется Алексей. Митрополит даровал насельникам обители древний список с иконы Корсунской Божьей Матери, ставший главной монастырской святыней. По преданию, место для монастыря Алексей выбрал за несколько лет до этого, во время своего возвращения из Орды. Тогда судно, на котором плыл митрополит, пристало выше Нижнего Новгорода у ключика с чистой водой. Впоследствии на этом месте (оно находится в самом конце Похвалинского съезда) была воздвигнута Алексеевская часовня. Посередине ее был установлен медный сосуд, куда провели воду из того самого ключа, из которого митрополит утолял жажду. В советское время часовню разрушили. Сейчас о ней напоминает поклонный крест у въезда на Канавинский мост.

Приезд Алексея в Нижний Новгород в 1370 году имел и важную дипломатическую подоплеку. В это время сильно обострились отношения Москвы с Тверью и Литвой. В 1368 году великим князем Тверским вместо союзника Москвы Василия стал князь Михаил Александрович. Московские власти пытались предотвратить его вокняжение, но не сумели этого добиться, а лишь нажили в лице Михаила непримиримого врага. В 1370 году Михаил поехал к Мамаю за ярлыком на великое Владимирское княжение. Митрополит Алексей и Дмитрий Московский решили ни в коем случае не признавать Михаила великим князем. Теперь нужно было убедить поступить так же и Дмитрия Константиновича Нижегородского с Борисом Городецким.

Задача была не из легких. Борис мог припомнить прежние обиды. К тому же он, как мы помним, был женат на дочери Ольгерда — зятя и союзника Михаила Тверского. Ольгерд же в эти декабрьские дни 1370 года осаждал Москву. Важно было удержать Бориса Городецкого от помощи тестю. Это удалось Алексею в полной мере.

В 1371 году, когда Михаил, вернувшись из Орды, с ярлыком от «Мамаева царя» и послом Сарыхожей направился во Владимир, Суздальско-Нижегородское княжество сохранило верность союзу с Москвой. Это вдохновило Дмитрия на решительные действия. Московский князь встал с войском в Переяславле-Залесском и не пустил во Владимир шедшего из Твери с татарским послом Михаила. И Мамай оставил без последствий этот смелый поступок. Правда, Дмитрию Московскому пришлось в том же 1371 году съездить в Орду и отвезти Мамаю много серебра. За это Мамай выдал Дмитрию ярлык на великое Владимирское княжение. Однако ничего не мешало ордынскому правителю через год или два опять передать ярлык Михаилу. Тем более что обиду, нанесенную московским князем, Мамай, разумеется, не забыл. И если бы Дмитрий Московский опять стал противиться, весьма вероятен был опустошительный набег ордынцев.

Первым удар пришлось бы принять на себя Нижегородскому княжеству. Поэтому Дмитрий Нижегородский и Борис Городецкий принялись укреплять свои владения.

Борис Константинович в 1372 году защитил свое новое владение — Курмыш. Он построил там крепость. Дмитрий Константинович в 1372 году начал строить каменную крепость в Нижнем Новгороде.

Симеоновская и Никоновская летописи, а также Рогожский летописец сообщают под 1372 годом о том, что Дмитрий Константинович заложил «Новгород камен». В «Нижегородском летописце» под

1374 годом содержится запись о том, что Дмитрий Константинович повелел делать каменную стену, «а зачаты бысть Дмитревские ворота». Некоторые нижегородские историки (Н.И. Храмцовский, И.А. Кирьянов, С.Л. Агафонов) доверяли этому известию. Согласно Храмцовскому, тогда были возведены Дмитриевская башня, в XVI веке встроенная в линию Нижегородского кремля, и небольшой участок стены, составивший внутреннюю цитадель — «меньшой город». Это мнение в целом разделял С.Л. Агафонов, указывавший, однако, что этот каменный «меньшой город» не был достроен. И.А. Кирьянов, напротив, полагал, что «меньшой город» Дмитрия Константиновича был возведен и примерно повторял конфигурацию кремля XVI века. Однако исследования Н.Н. Грибова позволяют утверждать, что название «меньшой город» никогда не применялось к какой-либо части нижегородского кремля. П.В. Чеченков не склонен доверять сообщению «Нижегородского летописца». Чеченков отмечает, что для его составителя характерны попытки домысливать и по-своему интерпретировать данные общерусского летописания. Отметим в этой связи, что в более раннем «Летописце о Нижнем Новгороде» сообщение о строительстве Дмитриевских ворот отсутствует. В любом случае и в общерусском летописании, и в «Нижегородском летописце» говорится лишь о начале строительных работ, но не об их завершении. Археологических подтверждений существования каменного кремля в XIV веке пока нет. Данные письменных источников позволяют предположить, что он не был достроен. Этому помешали бурные события 1370-х годов.

В 1374 году Мамай и Мухаммад-Буляк были изгнаны из Сарая Хаджи-Черкесом. Но Мамай хотел по-прежнему получать дань с русских земель и распоряжаться княжескими ярлыками. Чтобы обеспечить прежнюю покорность русских князей, он отправил на Русь своего посла Сарайку. Однако Дмитрий Московский и Дмитрий Нижегородский решили воспользоваться случаем и покончить с зависимостью от Мамаевой Орды. Они пошли на «розмирье» с Мамаем. Как сообщает Рогожский летописец, «новгородцы Нижнего Новгорода побилша послов Мамаевых, а с ними татар с тысящу, а старейшину их именем Сарайку руками яша и приведоша в Новгород Нижний и с его дружиною». Чтобы согласовать дальнейшие действия с тестем, Дмитрий Московский пригласил Дмитрия Константиновича в Переяславль-Залесский на крестины внука Юрия. Дмитрий Константинович уехал с женой, детьми, боярами и слугами. В Нижнем Новгороде остались только княжеский сын Василий Кирдяпа и

Дионисий, в начале года официально поставленный митрополитом Алексеем епископом Суздаля, Нижнему Новгороду и Городцу.

Дмитрий Константинович не спешил возвращаться, оттягивая решение судьбы Сарайки. Ордынский посол и его дружинники всю зиму прожили в Нижнем Новгороде. Наконец, 31 марта 1375 года, видимо получив соответствующее указание от отца, Василий послал своих воинов развести Сарайку и его дружину в разные места. Посол отказался подчиниться. Он и его дружинники вбежали на епископский двор, подожгли его и начали стрелять из луков по княжеским воинам. Епископ Дионисий едва не погиб от ордынской стрелы — она пробила подол его мантии. Завязалась кровавая схватка. Судя по отголоскам дошедших до нас преданий, Сарайка попытался бежать и бросился в ров с водой, где и погиб. С его именем легенды связывали название пруда «Сарка», который был отводом ото рва и существовал на территории Кремля до середины XIX века.

В эти же мартовские дни из Москвы в Тверь бежали сын умершего московского тысяцкого Василия Вельяминова Иван и армянский купец из Крыма Некомат Сурожанин. Побег Ивана Васильевича был вызван обидой на Дмитрия Московского: тот упразднил должность тысяцкого, которую издавна занимали Вельяминовы. Беглецы, вероятно, сообщили тверскому князю Михаилу о том, что в Нижнем Новгороде задержан татарский посол Сарайка. Михаил Тверской спешно отправил с этим известием Ивана и Некомата в Мамаеву Орду.

Разгневанный Мамай немедленно отправил часть своей конницы на нижегородские земли. Ее удар обрушился на русские владения за Пьяной. Была сожжена Кишь, где погиб боярин Парфен Федорович. Однако бросать все силы против Нижегородского княжества Мамай не стал. Его главной целью на тот момент было возвращение Сарая. Поэтому он ограничился набегом на Кишь. Одновременно он с послом Ачи-ходжой и Некоматом отправил ярлык на великое Владимирское княжение тверскому князю Михаилу.

В этот решительный момент Дмитрий Московский вновь проявил твердость духа. Он не подчинился Мамаю и его ставленнику и пошел ратью на Тверь. С московскими полками шли нижегородцы, городчане, суздальцы, ростовцы, белозерцы, ярославцы, смоляне. В походе участвовали Дмитрий Константинович Нижегородский, его братья — Борис Городецкий и Дмитрий Ноготь, а также сын Семен Дмитриевич. Пока нижегородские воины находились вдали от родных мест, на Нижний Новгород опять обрушились ушкуйники. Они не только ограбили ниже-

городцев, но и «град зажгоша», т. е. уничтожили нижегородскую крепость. Обратное нижегородское войско вернулось уже осенью, когда после месячной осады Твери Михаил Тверской признал свое поражение.

В благодарность за поддержку в борьбе с Тверью Дмитрий Московский помог своему тестю вернуть власть над болгарскими городами. Зимой 1376 года Дмитрий Иванович Московский отправил против болгар рать во главе с одним из лучших своих воевод, бывшим нижегородским тысяцким Дмитрием (Боброком) Вольнским. В свою очередь Дмитрий Константинович снарядил нижегородское войско, которое повели его сыновья Василий Кирдяпа и Иван.

Русская конница подошла к Булгару 16 марта 1376 года. Булгары умело сопротивлялись. Как сообщает летописец, они из крепости «гром пускали», нагоняя страх на русские полки. Затем из Булгара совершили вылазку всадники на верблюдах. Видимо, они рассчитывали, что русские кони испугаются этих животных и наездники с ними не справятся. Однако эта надежда не оправдалась. Русские стояли крепко, а затем единомысленно устремились на противника, обратив его в бегство.

Поход закончился полным успехом москвичей и нижегородцев. Как сообщает летописец, в болгарских землях были оставлены «дарага» (наместник) и таможенник (сборщик торговых пошлин) великого князя Московского.

Битва на Пьяне и разорение Нижегородского княжества. В 1377 году Нижегородское княжество достигло вершины своего могущества и развития. Нижний Новгород посещали многочисленные купеческие суда и торговые караваны. Стольный город князя Дмитрия Константиновича был украшен прекрасными храмами, где хранились дивные произведения искусства и летописи. До нас дошла лишь одна из них — Лаврентьевская. Это самая древняя из всех сохранившихся русских летописей. Она находится в Петербурге в Российской национальной библиотеке. Ее в 1377 году переписал для великого князя Дмитрия Константиновича по благословению епископа суздальского, нижегородского и городецкого Дионисия монах Лаврентий.

Лаврентий довел текст до 1305 года, а затем в конце рукописи сделал приписку от себя, которая получила большую известность. В ней летописец образно описал радость от завершения своего труда. Она гласит: «Радуется купец, прикуп совершив, и кормчий, в отишье пристав, и странник, в отечество свое пришед; тако же радуется и книжный списатель, дошед конца книгам, такоже и аз худый, недостойный и многогрешный раб Божий Лаврентий мних». Вероятно, далее текст Лаврентия

должна была продолжить история деяний предков Дмитрия Константиновича, суздальско-нижегородских князей. Однако страшные бедствия, обрушившиеся на нижегородскую землю, не позволили создать такое произведение.

В 1377 году на правый берег Волги из Синей Орды перешел царевич Араб-шах (русские летописи называют его Арапшей). Синяя Орда во времена Батые представляла собой восточное, зауральское крыло Золотой Орды. В XIV веке она уже была самостоятельна, но ее ханы и царевичи нередко участвовали в борьбе за Сарай. Как сообщают летописцы, Арапша захотел идти ратью к Нижнему Новгороду. Дмитрий Константинович, узнав об этом, послал за помощью к своему зятю и союзнику, Дмитрию Ивановичу Московскому. Тот немедленно пришел к Нижнему с большим войском.

Однако про Арапшу не было никаких известий, и Дмитрий Иванович вернулся в Москву. Но на случай внезапного появления врага он оставил Дмитрию Константиновичу приведенные с собой рати — владимирскую, переяславскую, юрьевскую, муромскую и ярославскую. Они вместе с нижегородцами были направлены Дмитрием Константиновичем на границу княжества, туда, где за рекой Пьяной проходила дорога из приволжских степей. Войско возглавили сыновья нижегородского князя — Иван (по прозвищу Брюхатый) и Семен. Русская рать переправилась через Пьяну и расположилась в ожидании Арапши.

Ряд исследователей (Б.М. Пудалов, В.Н. Русинов, Н.Е. Горностаева) на основании фразы «доидоша наши Пару» из летописного рассказа о битве на Пьяне полагают, что стан русского войска находился около притока Пьяны — реки Пары (современный Краснооктябрьский район).

Скоро к русским пришла весть, что Арапша находится на Волчьей воде.

У историков нет единого мнения о том, что это за место. А.В. Экземплярский обратил внимание, что в «Книге Большому Чертежу» называются две речки с таким названием. Одна «пала в Донец». Сейчас это приток Северского Донца река Волчья. Еще одни Волчьи воды «пала в Самару» — левый приток Волги. Однако трудно представить, как с Северского Донца или Заволжья русские на Пьяне получили весть об Арапше. П.И. Мельников правильно предположил, что Волчьи воды надо искать в Симбирской или Пензенской губерниях. По нашему мнению, орда Арапши остановилась на Волчьем озере рядом с Сурой (Алатырский район Чувашии). Чуть южнее находилась Сара Великая, при-

надлежавшая нижегородскому князю. Оттуда, скорее всего, и пришло известие о татарском царевиче.

Волчья вода довольно далеко от Пьяны. Стоял жаркий август, и русские воины, забыв про осторожность, сложили тяжелые воинские доспехи на телеги, а сами предались охоте и допьяна пили хмельной мед. Беспечность и пьянство привели к страшным последствиям. Мордовские князья (татарские феодалы, державшие в кормлении мордовские земли) тайно подвели большое войско из Мамаевой Орды.

Оно переправилось через Пьяну в современном Гагинском районе и оказалось в тылу у нижегородцев и их союзников. 2 августа 1377 года отряды Мамая неожиданно ударили по русскому войску. Нижегородские князья оторопели. Их воины, не успев даже надеть доспехи, кинулись к Пьяне. Многие потонули в холодных и быстрых волнах этой реки. Среди них был и князь Иван Дмитриевич.

Далее ордынцы ринулись на Нижний Новгород. Между тем город был совершенно не готов к обороне. Видимо, крепость, уничтоженная ушкуйниками в 1375 году, еще не была восстановлена. Поэтому Дмитрий Константинович спешно отправился в Суздаль за подмогой. Горожане, кто мог, покинули город. Они погрузились на суда и искали спасение за Волгой, в Городец. Тех, кто остался в Нижнем Новгороде, ждала страшная участь. 5 августа 1377 года к городу подошла конница Мамая. Началась расправа. Город был сожжен. В огне погибли 32 церкви. Разорению подверглись и близлежащие села.

Многие историки (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, Н.И. Храмцовский, Л.М. Кантерев, В.П. Макарихин, Н.Ф. Филатов) ошибочно приписывали победу в битве на Пьяне и последующее разорение Нижнего Новгорода Арапше. Эта ошибка попала даже в школьный учебник А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной. Но еще А.В. Экземплярский усомнился в том, что Арапша был на Пьяне. В.А. Кучкин и В.Л. Егоров правильно отмечают, что, согласно летописным данным, поражение нижегородцам нанесли не войска Арапши, а отряды из Мамаевой Орды. Точку в этом вопросе поставил Ю.В. Сочнев в специальной работе, показавший, что Арапша в этих событиях не участвовал. Он лишь позднее ограбил засурские земли, принадлежавшие Нижегородскому княжеству. Затем Арапша захватил Сарай, где правил около трех лет.

Менее чем через год, в мае 1378 года, Нижний Новгород вновь подвергся нападению отрядов мстительного Мамая. Дмитрий Константинович не ждал набега. Он уехал на именины к брату Борису в Городец. Горожане, спасая свои жизни, устремились за Волгу. Дмитрий Констан-

тинович, узнав о нашествии, спешно вернулся в Нижний. Он предлагал ордынцам выкуп за город. Однако те отказались и 15 мая 1378 года сожгли Нижний Новгород. Затем они опустошили Березовое Поле и весь Нижегородский уезд.

Многие вятские историки (А.С. Верецагин, П.Н. Луппов, А.В. Эммануэльский) высказывали предположение, что после этих погромов множество нижегородцев бежало на Вятку, и на этом основании Дмитрий Константинович объявил Вятку своим владением. Однако известие Воскресенской летописи показывает, что еще в 1374 году берега Вятки были обжиты, а вдоль Ветлуги существовал конный путь к Вятке. Поэтому логичнее предположить, что Вятка могла быть присоединена к Нижегородскому княжеству в 1376 году, после зимнего похода на булгар Василия Кирдяпы.

Упадок Нижегородского княжества и его присоединение к Москве. Разгромы 1377 и 1378 годов сильно ослабили Нижний Новгород. Князь Дмитрий Константинович был вынужден на время уехать из своей разоренной столицы сначала в Городец, а потом в Суздаль. Оттуда он отправил для участия в решающем сражении с Мамаем, в Куликовской битве, своих бояр. Многие из них сложили головы на Куликовом поле. Как известно, особую роль в этом сражении сыграл бывший нижегородский тысяцкий — Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский.

Побежденный в Куликовской битве Мамай бежал. Окончательно его разгромил Тохтамыш, новый хан, правивший в Сарае. Мамай был общим врагом и его, и русских. Поэтому сначала между Тохтамышем и русскими князьями произошел дружеский обмен послами. Однако целью Тохтамыша было объединить под своим началом все земли распавшейся Золотой Орды. Для этого ему требовалось вновь подчинить русских князей и заставить их выплачивать дань. С этой целью в 1381 году он отправил на Русь посла Ак-ходжу с отрядом в 700 человек. Ак-ходжа прибыл в Нижний Новгород, но в Москву ехать не дерзнул. Дело в том, что Дмитрий Донской, окрыленный победой на Куликовом поле, вел себя независимо и не желал покоряться Тохтамышу. Разгневанный хан Золотой Орды отправился в 1382 году на Москву войной.

Угроза нового разгрома нависла и над Нижним Новгородом. К тому же Дмитрий Константинович Нижегородский не мог не опасаться за судьбу своей дочери Евдокии, жены Дмитрия Донского. Дмитрий Константинович спешно направил к Тохтамышу своих сыновей Василия и Семена, чтобы предотвратить самый страшный исход. Вместе с татарским войском они подошли к Москве.

Дмитрия Донского и его жены в столице, однако, не оказалось. Но москвичи отказались открыть ворота золотоордынскому хану. Три дня его войска безуспешно штурмовали город. На четвертый день Тохтамыш повелел объявить защитникам Москвы, что имеет гнев только на Дмитрия Донского, а самих жителей не тронет, если они откроют ворота и встретят его с почестями и дарами. Василий и Семен поверили его обещанию, и стали убеждать москвичей в правдивости слов хана. Однако когда жители города отворили ворота и вышли, ордынцы, среди которых было много жаждавших мести воинов Мамаю, принялись рубить москвичей. Город подвергся жестокому разорению.

На обратном пути от Москвы Тохтамыш отпустил Семена, а Василия забрал с собой в Орду в качестве заложника. Своего отца Василий Кирдяпа больше не увидел. Дмитрий Константинович, перенесший в последние годы своей жизни ряд тяжких потрясений, 5 июля 1383 года скончался.

Теперь великое княжение Нижегородско-Суздальское должно было перейти к следующему по старшинству в роду князю — Борису Константиновичу Городецкому. Он, будучи в Орде, получил ярлык от хана Тохтамыша (1383). Городец также остался за ним. В Суздальском уделе стал княжить племянник Бориса, Семен Дмитриевич.

Мирное правление Бориса прервалось с возвращением из Орды его племянника Василия Дмитриевича Кирдяпы. Он томился в неволе пять лет. В 1386 году ему удалось бежать. Увы, на пути к родным местам Василию встретился возвращавшийся из русских земель татарский посол, который вернул князя обратно к хану. Тохтамыш был сердит, но через год сменил гнев на милость и отпустил Василия Кирдяпу домой, да не с пустыми руками, а с ярлыком на Городецкий удел (1387).

Но Городца Василию было мало. Он мечтал о Нижнем Новгороде. Вместе с братом Семеном, княжившим в Суздале, и заручившись помощью своего зятя, Дмитрия Донского, Василий в марте 1388 года с суздальцами и городчанами осадил Нижний Новгород. На девятый день осады Борис запросил мира. Он согласился оставить Нижний Новгород племяннику и довольствоваться Городцом. Таким образом, с 1388 года в Нижнем Новгороде стал княжить Василий Кирдяпа.

Такова точка зрения на исход событий 1388 года Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, А.В. Экземлярского, А.Е. Преснякова, В.А. Кучкина. Вопреки им А.А. Горский полагает, что текст летописи правильнее понимать в том смысле, что Борис, уступив племянникам «волоости» нижегородские, отдал только часть территории Нижегородского

княжества, сохранив Нижний Новгород за собой. Однако наличие серии нижегородских монет, в которых Василий Дмитриевич (Кирдяпа) именуется великим князем, свидетельствует в пользу традиционной точки зрения.

Искать управу на племянников Борис Константинович отправился в Орду к Тохтамышу. Хана, однако, в столице не было. Поздней осенью 1388 года он ушел в поход против своего прежнего покровителя, а теперь врага — Тимура (Тамерлана). Борису пришлось отправиться на поиски Тохтамыша, которого он догнал на пути в Среднюю Азию. Хан велел Борису Константиновичу вернуться в Сарай и находиться там до его возвращения. Ждать Борису пришлось долго. В 1389–1390 годах Тохтамыш был занят борьбой с поднявшим против него мятеж царевичем Бек-булатом. И только в 1391 году хан отпустил Бориса с ярлыком на Нижегородское княжение. Можно полагать, что Василий Кирдяпа не решился перечить воле хана и уступил Нижний Новгород дяде, а сам вернулся в Городец.

Вскоре после отъезда Бориса Константиновича из Золотой Орды на нее из Средней Азии двинулись полчища Тимура. Целью среднеазиатского полководца были богатые болгарские города. Защищая их, Тохтамыш встретил Тимура на реке Кондурча, недалеко от современной Самары. В битве у Кондурчи 18 июня 1391 года Тохтамыш был разгромлен и бежал в болгарские земли. Тимур преследовал его, разоряя болгарские города, которым был нанесен непоправимый урон. В довершение всего против Тохтамыша подняли мятеж многие его эмиры.

Лишь к лету 1392 года Тохтамышу удалось восстановить свою власть в Золотой Орде. Но он сильно нуждался в деньгах. Как нельзя кстати в Орду прибыл великий князь владимирский и московский Василий I с богатыми дарами и большим количеством серебра. Тохтамыш очень обрадовался. Как сообщает летописец, Василий «многу честь» принял от «царя», «как ни один из прежних князей». Тохтамыш охотно согласился на просьбу Василия передать ему ярлыки на Нижний Новгород, Муром и Мещеру (1392).

К этому времени часть *мещерских князей* приняла православие и перешла на службу к московским или рязанским князьям. Мещерские казаки, вслед за ними обратившиеся в христианство, дали начало русскому казачеству. Мещерские казаки, выбравшие ислам, стали предками нижегородских татар-мишарей. Через Мещеру, Муром и Нижний Новгород проходили важные торговые пути к Волге. Теперь Москва полностью контролировала их.

Окрыленный радостью Василий I осенью 1392 года вдоль Дона возвращался из Орды в Москву. С ним ехал татарский посол. В Коломне путешественники разделились. Василий пошел к Москве, а его бояре и посол Тохтамышша с охраной направились в Нижний Новгород.

Князь Борис, узнав об этом, созвал своих бояр и, как сообщает летописец, «начал им молиться с плачем и со слезами: братья бояре и дружина, помните крестное целование и нашу любовь и доброту». Старший из бояр, Василий Румянец, поспешил успокоить Бориса Константиновича, заявив: «Княже великий, головы свои сложим за тебя». Но после того как в город вошел татарский посол, а бояре-москвичи начали звонить в колокола, созывая народ, нижегородские бояре бросили своего князя в беде. Когда Борис послал за ними, умоляя не выдавать его, Василий Румянец ответил: «Княже не надейся на нас: мы не с тобой, мы против тебя».

6 ноября 1392 года в свое новое владение прибыл Василий I. Он оставался в Нижнем Новгороде до Рождества, а уехав, оставил своего наместника. Князь Борис, вероятно, был отправлен в Суздаль.

Так Нижний Новгород оказался под властью великого князя московского. Это был важный шаг на пути собирания русских земель вокруг Москвы и создания единого Российского государства. Усобицы между князьями несли горе простым людям, делали русские земли уязвимыми для внешних врагов. В едином же государстве было легче обеспечить справедливое правосудие, порядок и безопасность.

2.4. Василий I и борьба нижегородских князей за возврат своей отчины (1392–1425)

Борис Константинович, Василий Кирдяпа и Семен Дмитриевич после присоединения Нижнего Новгорода к Москве (1392–1394). Борьба князя Семена Дмитриевича за возврат своей отчины. Примирение Василия I с Семеном Дмитриевичем и Василием Кирдяпой. Потомки Семена и Василия Дмитриевичей — князья Шуйские и князь Даниил Борисович. Набег Едигея и восстановление Нижегородского княжества (1408). Противоборство Василия I с Даниилом Борисовичем (1409–1415). Нижегородские князья Александр Брюхатый и Александр Взметень. Вторичное вокняжение Даниила Борисовича в Нижнем Новгороде. Василий I восстанавливает власть над Нижним Новгородом.

Борис Константинович, Василий Кирдяпа и Семен Дмитриевич после присоединения Нижнего Новгорода к Москве (1392–1394).

Вхождение нижегородских земель в систему складывавшегося вокруг Москвы единого Русского государства растянулось на полвека. Это был долгий и непростой процесс. На его первом этапе великое княжество Нижегородское сохранялось. Как и прежде, оно включало Суздальский и Городецкий уделы. Только теперь великим князем нижегородским вместо Бориса Константиновича стал Василий I. Разумеется, сам он в Нижнем Новгороде не жил. Он оставил в нем своего наместника — боярина Дмитрия Александровича Всеволожа, смелого воина, участвовавшего воеводой в Куликовской битве.

На правах великого князя нижегородского Василий I произвел перераспределение уделов. В Городце он оставил княжить Василия Кирдяпу. А вот брат Кирдяпы, Семен Дмитриевич, был лишен суздальского княжения. Суздальский стол в качестве возмещения за потерю Нижнего Новгорода получил Борис Константинович.

Семен Дмитриевич с этим не согласился и, как сообщает Новгородская первая летопись, в 1393 году бежал, в Орду. Под тем же 1393 годом в Сокращенном летописном своде 1495 г. содержится известие о том, что великий князь Василий Дмитриевич ходил ратью к Нижнему Новгороду на князя Семена Дмитриевича. Также в распоряжении историков имеется Жалованная грамота Бориса Константиновича архимандриту нижегородского митрополичьего Благовещенского монастыря Ионе на рыбные ловли, бобровые гоны и все угодья от речки Курмышки вниз по Суре. Грамота дана в Нижнем Новгороде 3 декабря 1393 года.

Историки по-разному толкуют эти разноречивые сведения. Так, по мнению П.В. Чеченкова, Борис в 1393 году при поддержке своих племянников — Василия и Семена Дмитриевичей — «на короткое время восстановил независимость Нижегородского великого княжества».

Вятский историк П.Н. Луппов выдвинул предположение о том, что, в 1393 году братья Василий и Семен выпросили у Тохтамыша ярлык на Вятскую землю, и поселились в устье р. Чепцы в Никольском погосте, фактически основав новое Вятское княжество.

Мы предлагаем иную версию событий. Из летописей ясно, что Семен бежал с жалобой в Орду, а после возвращения оттуда попытался овладеть Нижним Новгородом. Источники не позволяют видеть Бориса его союзником. Скорее всего, Борис Константинович продолжал мирно жить у себя в Суздале. Что касается Жалованной грамоты Бо-

риса Благовещенскому монастырю, то ее история, видимо, такова: в конце 1393 года Борис Константинович, будучи великим князем суздальским, приехал в Нижний Новгород, чтобы пожаловать свои владения на Суре митрополичьему Благовещенскому монастырю — проводнику московского влияния в Нижнем Новгороде. Скорее всего, дар Бориса Константиновича являлся благодарностью за то, что Василий I обещал сохранить Суздаль за сыном Бориса — Даниилом.

6 мая 1394 года Борис Константинович ушел из жизни. По старшинству Суздаль должен был перейти к Василию Кирдяпе. Тогда его брат Семен Дмитриевич смог бы занять освободившийся стол в Городце. Но Василий I передал Суздаль сыну Бориса — Даниилу. Другой сын Бориса — Иван Тугой Лук получил по воле Василия I земли в Городецком уделе.

Василий и Семен Дмитриевичи были возмущены этим решением. Из Суздаля, куда они приехали на поминки по дяде, братья в июне 1394 года бежали в Орду, чтобы пожаловаться Тохтамышу. Василий I отправил за ними погоню, но братья сумели оторваться от преследователей. Однако хан Золотой Орды готовился к решающим схваткам с грозным полководцем Тимуром и тратить силы на борьбу с Василием I ему было не с руки.

Тогда, по предположению некоторых историков (В.А. Кучкин, Г.В. Абрамович, А.А. Горский, С.А. Фетищев), Василий Кирдяпа вернулся с повинной на Русь и в награду получил от московского князя Городец, которым владел до своей кончины в 1403 году. В.Д. Назаров и П.В. Чеченков считают доводы в пользу того, что Кирдяпа до 1403 года обладал Городцом, неубедительными. По мнению П.В. Чеченкова, Городцом непосредственно управлял Василий I через своих наместников. Точка зрения П.В. Чеченкова представляется более обоснованной. Но где же тогда в 1394–1403 годах пребывал Василий Кирдяпа? Вятские историки А.С. Верещагин и П.Н. Луппов предполагали, что он жил в удмуртских землях на левом берегу Вятки, около устья Чепцы и Хлыновки. Там ему принадлежали села Кирядино и другое Кирядино, которые называются как пустоши в документах XVII века. В их округе имелось несколько топонимов, вероятно, нижегородского происхождения (речка Пьяна, Березовский стан).

Борьба князя Семена Дмитриевича за возврат своей отчины. В отличие от Василия Кирдяпы, Семен Дмитриевич в 1394 году проявил упорство и остался у Тохтамыша, надеясь, что хан Золотой Орды когда-нибудь поможет ему. Между тем дела у Тохтамыша шли все хуже и

хуже. Весной 1395 года Тимур из Закавказья пошел на Орду и 15 апреля разгромил войско Тохтамыша на Тереке. Тот бежал. Тимур преследовал его до Укека (у современного Саратова). Далее Тохтамыш повернул на Запад и укрылся в Литве. Семен Дмитриевич не стал его туда сопровождать. Он остался поблизости от родных мест, признав власть Тимура и перейдя на службу к этому грозному полководцу.

По мнению В.А. Кучкина, Семен Дмитриевич вместе с царевичем Ентяком по распоряжению Тимура в октябре 1395 года захватили Нижний Новгород, но после того как Василий I отрядил на них своего брата Юрия, бежали в Орду. Предположение В.А. Кучкина опирается на сообщения летописей, восходящих к так называемому своду Фотия (Софийская I летопись и др.). Они помещают поход Семена и Ентяка на Нижний под 1395 годом. А.А. Горский, напротив, доверяет известию Троицкой летописи, датирующей этот поход 1399 годом. Верной нам представляется точка зрения А.А. Горского, поскольку захват Нижнего Новгорода Семеном и Ентяком описывается под 1399 годом и в некоторых других, хотя и более поздних, но достоверных летописях (Типографская, Ермолинская) и указанная дата лучше вписывается в исторический контекст.

В сентябре 1395 года Тимур, стоявший в верховьях Дона, у разоренного им русского города Ельца, повернул на юг к Бельджамену (у нынешнего Волгограда) и обрушился на города Золотой Орды, подвергнув их опустошению. Весной 1396 года этот жестокий воитель ушел в Закавказье. Семен Дмитриевич, вероятно, сопровождал его.

Ехать на Русь князь-скиталец не хотел. Оставаться в Золотой Орде ему было не с руки. Туда после ухода Тимура вернулся Тохтамыш, который бы не простил Семену службы своему врагу. Но заканчивать свои дни в Средней Азии Семен Дмитриевич не собирался. Надежда вновь увидеть родные места появилась у него, когда он перешел к хану Тимур-Кутлуку и его воспитателю Едигею.

Едигей был сподвижником Тимура, а потом стал фактическим правителем Мангытского юрта (будущая Ногайская Орда), располагавшегося между Волгой и Яиком (Уралом). Формально власть в нем принадлежала Тимур-Кутлуку — поскольку Едигей не был потомком Чингисхана, он не мог провозгласить себя ханом.

В 1398 году Тимур-Кутлук согнал с трона Тохтамыша, бежавшего в Литву, и сел на царство в Сарае. В августе 1399 года Едигей с Тимур-Кутлуком в битве на реке Ворскле нанесли решающее поражение

Тохтамышу и его союзникам литовцам. Затем они поручили царевичу Ентяку помочь Семену Дмитриевичу вернуть Нижний Новгород.

В октябре 1399 года князь Семен вместе с царевичем Ентяком и тысячей татар подошли к Нижнему Новгороду. Обороной города руководили московские воеводы Владимир Данилович, Григорий Владимирович и Иван Лихарь. Первый приступ нападавших был отражен. Затем бились еще три дня. Ни одна из сторон не могла превозмочь. Тогда русские и татары заключили мир. Ворота города были открыты. При этом воины Ентяка поклялись, что не сделают нижегородцам никакого зла. Но они нарушили обещанье и принялись грабить горожан. Семен не мог ничего с ними поделаться и оправдывался перед нижегородцами, что не он сотворил обман, а татары, а в них он «не волен». Так 25 октября 1399 года Нижний Новгород был захвачен Семеном Дмитриевичем и Ентяком. Они находились в городе две недели. Но вскоре до Семена и Ентяка дошла весть о том, что на них хочет идти ратью Василий I Московский. Тогда Семен Дмитриевич и Ентяк спешно покинули Нижний.

Князь Семен, видимо, скрылся в Волжской Булгарии. Туда Василий I направил своего брата Юрия с большим войском. Как сообщает летописец, в ходе трехмесячного похода московская рать захватила болгарские города — Великий Болгар, Жукотин, Керменчук и Казань. Это одно из самых ранних летописных упоминаний о Казани. До этого Казань не принадлежала к числу значительных городов Булгарии. Но после разорения Тимуром главных болгарских городов их население уходит за Каму. Тогда-то и началось возвышение Казани — города, отношения с жителями которого для нижегородцев будут впоследствии очень важны.

Примирение Василия I с Семеном Дмитриевичем и Василием Кирдяпой. Во время похода в болгарские земли московская рать не настигла Семена Дмитриевича. А значит, угроза того, что когда-нибудь он снова явится к Нижнему Новгороду добывать свою отчину, сохранялась. Нужно было выманить его из Золотой Орды. Летописцы сообщают, что осенью 1401 года Василий I послал своих воевод Ивана Уду и Федора Глебовича с ратью искать жену Семена Дмитриевича, Александру. Московские воеводы «идоша на Мордву» и нашли Александру с детьми «в Татарской земле на месте, нарицаемом Цибириця» у церкви Святого Николы, которую поставил «бесерменин» Хазибаса.

По нашему предположению, летописная Цибириця находилась в районе современных населенных пунктов Чеберчино и Николаевка на реке Чеберчинка в Мордовии (недалеко отсюда проходили дороги из Руси в болгарские земли и Орду).

Семья Семена Дмитриевича была отвезена в Москву и помещена на дворе боярина Белеута. Тут, однако, в дело вмешался советник Василия I, мудрый старец Кирилл Белозерский, настоятель Успенского монастыря на Сиверском озере. Он отправил великому князю послание с призывом помириться с суздальскими князьями, и если они «почнут бить челом», «пожаловать их по их мере», чтобы они не погибли «в заблужении в татарских странах». Василий I внял этому совету. Получив от князя Семена челобитье «с покореньем», он дал ему «опас», т. е. гарантии безопасности. Явившись в 1402 году в Москву, мятежный князь повинился в том, что, не зная покоя и сна, «восемь лет служил в Орде четырем царям», добываясь своей отчины и «губя христиан». Ныне же Семен торжественно объявил, что отступает от Нижегородского княжения. В награду ему была дана Вятка, куда он уехал с женой и детьми.

Видимо, речь идет о правобережье Вятки, находившемся в XIV веке под властью нижегородских князей, а после 1392 года перешедшем к Василию I. Брат Семена, престарелый Василий Кирдяпа, живший на левобережье Вятки, по нашему предположению, тогда же вместе с семьей получил разрешение вернуться в Нижний Новгород. Городец московский князь в том же 1402 году отдал своему троюродному дяде, князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому (знаменитому герою Куликовской битвы) в обмен на стратегически важный Волок Ламский (ныне Волоколамск).

Сразу после этих соглашений Владимир Серпуховской составил духовную грамоту (завещание). Этот документ очень важен для изучения истории Городца. В нем перечислены города и местности, входившие в начале XV века в Городецкий удел. Среди них, кроме самого Городца, называются Юрьевец (ныне город в Ивановской области), Белогородье (современный Чкаловский район) и Соль-на-Городце. Многие историки полагают, что Солью-на-Городце в грамоте названа будущая Балахна, поскольку других, кроме Балахны, центров солеварения в Нижегородском крае не было. По преданию, добычу соли здесь завели в 1394 году торговые люди Иван Ястребов, Федор и Нефед Ляпины, вернувшиеся из татарского плена.

Потомки Семена и Василия Дмитриевичей — князя Шуйские и князь Даниил Борисович. Вскоре после примирения с Василием I Семен и Василий Дмитриевичи один за другим ушли из жизни. (Оба они находились в преклонных годах.) Семен Дмитриевич скончался 21 декабря 1402 года. После этого Вятка была возвращена в состав московских земель. Вместо нее сыну Семена, Василию, была пожалована бога-

тая и обжитая местность (затем город) Шуя к северо-востоку от Суздаля. Так Василий стал родоначальником младшей ветви князей Шуйских.

Старшая ветвь рода Шуйских ведет начало от сына Василия Кирдяпы — Юрия. Сам Василий Кирдяпа умер в 1403 году в Нижнем Новгороде. Этот мятежный князь нашел упокоение в главном храме города — Спасо-Преображенском соборе. Его сына Юрия Василий I сделал (наряду с двоюродным братом Василием Семеновичем) совладельцем Шуи.

Эти перемены заделали интересы Даниила Борисовича Суздальского. Ведь раньше Шуя принадлежала ему. Да и переход Городца, отчины Даниила Борисовича, в руки человека, совсем чуждого роду суздальско-нижегородских князей, Даниила вряд ли мог обрадовать. Поэтому Даниилу Борисовичу нужно было дать возмещение. В этой связи П.В. Чеченков обратил внимание на две тарханские и несудимые грамоты князя Даниила суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю на воды и рыбные ловли «в Гороховце». Они были даны не позднее 1404 года. Полагая, что Гороховец входил в состав Нижегородского княжества и, соответственно, гороховецкими землями мог распоряжаться только нижегородский князь, П.В. Чеченков в своей ранней работе сделал вывод о том, что: «между 1399 г. и 1404 г. на нижегородском столе был восстановлен Даниил Борисович». Свое мнение ученый подкрепил ссылкой на духовную грамоту Василия I. С точки зрения Чеченкова, ее текст, составленный в 1406–1407 годах, свидетельствовал, что в это время Василий I Нижним не владел.

В последующих работах П.В. Чеченков отказался от этой гипотезы, поскольку А.А. Горский убедительно оспорил такое толкование духовной грамоты Василия I. (Горский показал, что согласно ей Нижний Новгород тогда все-таки принадлежал московскому князю.) Что касается грамот Даниила на гороховецкие земли, то, по Горскому, Гороховец входил в «нижегородскую часть» Нижегородско-Суздальского княжества, в 1392 году был пожалован Василием I Семену Дмитриевичу (в качестве компенсации за потерю Суздаля), а после бегства Семена в Орду в 1394 году был отдан Даниилу Борисовичу — как князю суздальскому. Однако, по нашему мнению, эта конструкция А.А. Горского содержит слишком много допущений, не подкрепленных источниками. Логичнее предположить, что Гороховец входил в состав великого Владимирского княжения, а в 1402 году был дан Василием I Даниилу в качестве компенсации за Шую. Даниил в это время был суздальским, а не нижегородским князем. Поэтому и пожалования в своем новом владении дал суздальскому монастырю.

Набег Едигея и восстановление Нижегородского княжества (1408). Усыхание степей, страшная эпидемия чумы, «великая замятня» и жестокое нашествие Тимура подорвали могущество Золотой Орды. Возродить былую мощь золотоордынского государства попытался его фактический правитель Едигей. С 1400 года он вершил дела от имени хана Шадибека.

Задача, стоявшая перед Едигеем, была очень сложна. После нашествия Тимура и бегства Тохтамыша Василий I Московский не платил выход в Орду и не ездил туда за ярлыками. Едигей до поры до времени сносил это, поскольку главными врагами его тогда были Тохтамыш с детьми, а также Литва. Едигей и Шадибек отправляли в Москву своих послов, стремясь договориться с неуступчивым русским правителем, и охотно помогали ему в борьбе с литовцами. Однако в 1408 году терпение Едигея иссякло.

Тому было несколько причин. Василий I Московский приютил врагов Едигея — сыновей Тохтамыша. (С самим Тохтамышем Едигей расправился в 1406 году.) Кроме того, в июле 1408 года Василий I принял на службу князя из Литвы Свидригайло Ольгердовича. (Тот поссорился с великим князем Литовским Витовтом и ушел на Русь.) Без всякого совета с Едигеем Василий I дал знатному литовскому перебежчику Владимиру, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Волок Ламский, Ржев и половину Коломны. Для хана Золотой Орды это был настоящий вызов. Ведь более ста пятидесяти лет князь владимирский определялся в Орде. Помимо этого был сорван совместный поход русских и татар на Литву. 11 сентября 1408 года Василий I пошел ратью на Витовта, но, дойдя до Угры, заключил с ним без соглашения с Едигеем вечный мир.

Татары, собравшиеся в набег на Литву, как сообщает летописец, «недалече откочеваша». Увидев, что русское войско ушло домой, они сообщили об этом Едигею. Тот, понимая, что его орде в любом случае нужна добыча, решил направить своих воинов на русские земли. Первый удар был нанесен по Рязанской земле. Оттуда татары ринулись к Коломне. 26 ноября 1408 года Едигей подошел к Москве и распустил свои отряды по разным русским городам. Были сожжены Переяславль-Залесский и Юрьев-Польский, принадлежавшие Свидригайло. Разорению подверглись Ростов, Дмитров, а также Серпухов — вотчина старого полководца Владимира Андреевича Серпуховского, руководившего в это время обороной Москвы. Страшному разгрому подверглось еще одно владение Владимира Серпуховского — Городец.

На Нижний Новгород и Городец Едигей отправил какого-то из шедших с ним ордынских царевичей. С ним были, как сообщает Тверская летопись, «мнози Татарове, и Болгарская сила и Мордва». Видимо, они двигались со стороны Рязани вдоль Оки. Нижний Новгород был взят и сожжен. Жители были частью убиты, частью уведены в рабство. Затем нападению подвергся Городец. Он также был сожжен. Люди бежали кто куда. Их секли «аки траву». Далее ордынцы двинулись вверх вдоль волжских берегов к Костроме. Когда они находились в Белогородье, к ним прибыл гонец от Едигея с приказом немедленно вернуться в Орду: там едва не захватил в плен хана Булат-Салтана один из сыновей Тохтамыша.

На обратном пути воины Едигея вновь прошли через Нижний Новгород и Городец, рубя оставшихся людей. Затем ордынцы разорили Безрезовое Поле и двинулись к Суре. Там они сожгли Курмыш, Сару, а также находившиеся рядом монастыри, погосты и села. Тех, кто выжил, погубили лютые январские морозы. После этих бедствий Нижегородская земля опустела. Сара и Городец прекратили свое существование. Жестокий удар был нанесен по Нижнему Новгороду.

Власть над ним, по мнению А.Н. Насонова, А.А. Горского и Ю.В. Селезнева, Едигей передал Даниилу Борисовичу Суздальскому, восстановив в 1408 году Нижегородско-Суздальское княжество. По нашему предположению, оно возродилось в границах времен Дмитрия Константиновича и включало в себя Нижний Новгород, Городецкий удел (принадлежавший Ивану Борисовичу Тугому Луку), Суздальский удел и Вятку. Возможно, в вассальной зависимости от Даниила находились болгарские и мордовские земли, чьи правители позже выступают в качестве его союзников.

Борьба Василия I с Даниилом Борисовичем (1409–1415). Василий I не признал этих перемен и начал войну с Даниилом Борисовичем. Золотая Орда в это время была охвачена смутой, и военного вмешательства в ход событий с ее стороны не было.

Вероятно, первым эпизодом этой войны стали события 1409 года. В это время московский воевода Анфал по Каме на ста судах («насадах») спустился по Каме и напал на «князей Болгарских и Жукотинских» (Жукотин — город в Болгарии). Одновременно его союзники новгородцы, имея 150 насадов, пошли из Заволочья по Двине, затем вверх рекой Сухоней и вышли Костромой в Волгу. Оттуда они направились вниз по Волге, «воюючи и взяша Новгород Нижний».

В том же году московские войска, видимо, отняли у Даниила Борисовича Суздаль, передав его шуйским князьям — внукам Дмитрия Константиновича. Однако Нижний Новгород Даниил вскоре вернул. А затем нанес жестокий ответный удар. Летом 1410 года Даниил Борисович привел к себе татарского царевича Талыча и в июле 1410 года направил его вместе со своим сыном Иваном Довлатом и боярином Семеном Карамышевым на Владимир. В набеге участвовали 150 русских и 150 татар. Они неожиданно напали на город из-за Клязьмы, ограбили и сожгли его.

Василий I не мог оставить без ответа бесчинства отряда Карамышева и Талыча во Владимире. В конце 1410 года он направил на Нижний Новгород многочисленную рать во главе со своим братом Петром. С ними выступили князья ростовские, ярославские и суздальские (внуки Дмитрия Константиновича). Обороняться в полуразрушенном Нижнем Даниилу Борисовичу было не с руки, и он, как следует из летописей, отошел за реки Сундовик и Валаву к Лысой горе. На помощь Даниилу и его брату Ивану Борисовичу Тугому Луку подошли князья болгарские, жуковские и мордовские. 15 января 1411 года объединенные нижегородско-булгарско-мордовские силы на Лыскове (это первое упоминание названного населенного пункта в источниках) у Лысой горы дали бой московскому войску. Во время злой сечи погиб суздальский князь Даниил Васильевич (сын Кирдяпы), воевавший на стороне Москвы.

Не сумев добиться решающего перевеса, противники, как сообщает летописец, разошлись восвояси. Это может означать, что Нижний Новгород остался под контролем Москвы. Однако ненадолго. В 1412 году нижегородские князья съездили в Орду к воцарившемуся там (после очередной междоусобицы) сыну Тохтамыша Джелал-эддину и были пожалованы своей отчиною. Василий I тоже поехал в Орду, но не смог добиться пересмотра решения о судьбе нижегородских земель.

Вероятно, они по воле Джелал-эддина вновь составили независимое Нижегородско-Суздальское княжество. Об этом свидетельствует надпись 1414 года на серебряном ковчеге-мошевице, называющая Даниила Борисовича великим князем нижегородским, суздальским и городецким. Власть Даниила Борисовича признали внуки и правнуки Дмитрия Константиновича: Василий Семенович, Иван Васильевич, Александр Иванович Брюхатый.

Между тем период относительного спокойствия в Золотой Орде был недолгим. В 1414 году она вновь погрузилась в пучину междоусобных войн. Едигей отнял власть у сыновей Тохтамыша, провозгласив ханом

сибирского царевича Чокре. Василий I считал детей Тохтамыша законными ханами, но власть Едигея и его ставленников не признавал. Поэтому сразу после воцарения Чокре он начал готовиться к борьбе за возвращение Нижнего Новгорода. Тем более что среди нижегородских князей тоже начались раздоры. Видимо, одному из них, Александру Ивановичу, сыну Ивана Тугого Лука, не досталось достойного удела. Поэтому он в 1414 году покинул Даниила и отправился в Москву.

П.В. Чеченков считает, что в награду Александр Иванович получил от Василия I нижегородское княжение. По аргументированному мнению А.А. Горского это предположение ошибочно. Мы полагаем, что Александр Иванович мог быть пожалован княжением в Суздале.

Увидев, что в стане Даниила разлад, Василий I направил на Нижний Новгород войско своего брата Юрия Дмитриевича. С ним вместе были Андрей и Василий Владимировичи (дети Владимира Серпуховского), князья ярославские, ростовские. Местом сбора войск была назначена Кострома. Объединенная рать выступила из нее 11 января 1415 года.

Даниил Борисович опять не решился оборонять Нижний Новгород. Вместе с Иваном Тугим Луком, князьями Иваном Васильевичем и Василием Семеновичем Даниил бежал еще дальше, чем за Сундовик — за Суру. Когда московская рать подошла к Нижнему Новгороду, навстречу ей с крестами вышли нижегородские бояре и простой народ. Нижегородцы желали твердой и справедливой власти великого князя московского, в то время как попытки местных князей вернуть свою отчину приносили людям одни несчастья.

Юрий, не сделав никакого зла нижегородцам, кинулся в погоню за Даниилом Борисовичем. Он преследовал его до Суры, но не сумел настичь и вернулся в Нижний Новгород, а оттуда вверх по Оке в свои владения. В награду за эту победу к Галицкому уделу Юрия, видимо, были присоединена Вятка.

Это способствовало притоку русского населения в Поветлужье. В 1417 году на месте заброшенного русского поселения на реке Ветлуге, на Красной горке, построил келью монах Варнава из Устюга. К старцу нередко забредали дикие звери. Но даже медведи не трогали доброго отшельника. Варнава начал проповедовать Слово Божие среди живших здесь марийцев. Скоро за советом к мудрому старцу стали приходиться люди из самых разных мест. У Варнавы появились ученики. После ухода наставника из жизни они выстроили рядом с его могилой церковь во имя Живоначальной Троицы. Так на этом месте возникла Варнавинская

пустынь, давшая начало будущему городу Варнавину (ныне поселок, центр Варнавинского района Нижегородской области).

Нижегородские князья Александр Брюхатый и Александр Взметень. Восстановив свою власть над Нижним Новгородом, Василий I отдал этот город своему восемнадцатилетнему сыну Ивану, сделав его нижегородским князем.

Убедившись, что власть Василия I над нижегородской землей прочна, к нему на службу в 1416 году прибыли князь Иван Васильевич и Иван Борисович Тугой Лук. Возможно, их приезд был связан с очередным переворотом в Орде (поражением Едигея и приходом к власти еще одного сына Тохтамыша — Джаббар-Берды).

Другие нижегородские князья — Даниил Борисович и Александр Иванович Брюхатый (внук Василия Кирдяпы) — остались в Золотой Орде. Но подчинялись они, скорее всего, разным татарским правителям. Даниил, вероятно, служил Едигею. Что касается Александра Брюхатого, то этот смелый юноша, по нашему предположению, явился к Джаббар-Берды и получил от него ярлык на нижегородское княжение.

Узнав об этом, Василий I, видимо, послал за ярлыком на Нижний Новгород своего сына Ивана. Но тот скончался «на пути едучи с Коломны» (этот город находился на дороге из Москвы в Орду). Это произошло в июле 1417 года. В том же месяце Александр Иванович Брюхатый въехал в Нижний Новгород.

Мы можем судить об этом на основе грамоты Александра Ивановича нижегородскому Благовещенскому монастырю. Такие грамоты князья часто жаловали, сразу после занятия стола. Это подтверждает приписка к документу: «А дана грамота июля того лета, коли князь Александр Иванович сел на своей отчине на Новгороде». П.В. Чеченков обратил внимание на то, что месяц выдачи этой грамоты тот же, в котором умер княжич Иван Васильевич. И, весьма вероятно, что речь идет об июле того же 1417 года.

Въезд Александра Ивановича в Нижний Новгород должен был обеспокоить не только Василия I, но и обретавшегося в Орде Данила Борисовича. Он спешно примчался в Москву. Возможно, он предложил московскому князю примириться с Едигеем и совместными усилиями изгнать Александра Брюхатого из Нижнего Новгорода. Но если Александр Брюхатый занял Нижний по воле законного хана Джаббар-Берды, военный путь решения вопроса для Василия I был исключен. Ехать же к Джаббар-Берды и упрашивать его вернуть ярлык на Нижний Новгород московский князь не захотел — он помнил, как подобная поездка в

1412 году закончилась ничем. Поэтому Василий предпочел помириться с Александром Брюхатым и признать его князем нижегородским. Тот в ответ, должно быть, гарантировал неприкосновенность вотчин Василия в нижегородских землях.

Перечень нижегородских владений московского князя имеется в духовной грамоте Василия I, составленной в том же 1417 году. Это его *примысел* (приобретение) — Троицкая слободка на Волге, а также село Сокольское и Керженец «со всем».

По нашему предположению, Троицкая слободка после приобретения ее Василием стала именоваться Василевой слободой. Теперь это город Чкаловск. Сокольское же, вероятно, центр современного Сокольского района. Название села связано с любимой Василием I соколиной охотой. Как известно, в XIV веке была учреждена особая служба для поставки соколов на княжеский двор. Видимо, в Сокольском как раз и жили ловцы этих птиц, обитавших в дремучих лесах и гнездившихся, главным образом, на высоких деревьях. Что касается Керженца, то по берегам этой реки находились богатые охотничьи угодья.

Мир с нижегородским князем Василий I закрепил, выдав за него свою дочь. Даниил Борисович понял, что в Москве ему делать нечего, и вместе с братом Иваном Борисовичем в 1418 году бежал из столицы. Тем более что в Орде опять пришел к власти покровитель обоих братьев, Едигей, посадивший на трон своего ставленника Дарвиша. Вероятно, в ходе этой трудной дороги Иван Борисович скончался. В том же 1418 году он был похоронен в Нижнем Новгороде, в Спасо-Преображенском соборе.

Тогда же (1418) ушел из жизни и недолго правивший нижегородский князь Александр Иванович Брюхатый. Его вдова (по воле своего отца, Василия I) вскоре сочеталась браком с другим представителем нижегородского княжеского рода, тоже по имени Александр.

Вопрос о нижегородских зятях Василия I вызывает жаркие споры между историками, поскольку источники о событиях того далекого времени обрывочны и противоречивы. С одной стороны, Типографская летопись говорит, что в январе 1419 года «князь великий Василей даст дщерь свою Василису за князя Александра Ивановича Суздальского». С другой стороны, в нашем распоряжении есть сведения Троицкой летописи: «Преставися князь Александр Иванович Брюхатой Суздальский, зять великого князя, князь же великий даст дочь свою Василису за другого мужа за князя Александра Взметня Даниловича суздальского и нижегородского». Данное известие подтверждается сообщением од-

ной из родословных книг: «А князь Данилов сын Борисович, князь Александр, прозвище ему Взметень, бездетен, а была за ним дочь в. кн. Василия Дмитриевича Васса, а наперед того была за князем Александром Ивановичем за Брюхатым, за князем Васильевым внуком Кирдяпиным». Правда, есть родословная с другой последовательностью мужей — сначала Взметень, а потом Брюхатый. Актовый материал, рассмотренный А.В. Экземплярским и И.А. Голубцовым, задает историкам еще одну загадку. Оказывается, Василиса была женой Александра, сына Ивана Борисовича Тугого Лука. Причем умер этот Александр около 1433 года, пережив свою жену.

Ясно, что этот Александр Иванович никак не мог быть Александром Ивановичем Брюхатым, чья вдова вышла замуж за Александра Взметня. Тем не менее, А.В. Экземплярский, А.А. Горский и П.В. Чеченков отождествляют этих людей, называя Александра Брюхатого сыном Ивана Тугого Лука.

Как снять все эти противоречия? На наш взгляд, следует обратить внимание, что в источниках и литературе дочь Василия I называется то Василисой, то Вассой. Между тем это разные имена. Следовательно, Василиса и Васса — две разные женщины с разными мужьями. Василиса вышла замуж за Александра Ивановича, сына Ивана Тугого Лука. Тот, как мы помним, в 1414 явился в Москву, за что, вероятно, получил Суздальское княжение. Он и женился в феврале 1419 года на Василисе, дочери Василия I. Поскольку позднейшие грамоты этого Александра Ивановича выданы на суздальские земли, мы полагаем, что он спокойно жил в Суздале до 1433 года, сначала в супружестве с Василисой Васильевной, а потом вдовцом.

Каков был политический смысл этого брака? Вспомним, что накануне его заключения, в 1418 году из Москвы бежали отец и дядя Александра — Иван Тугой Лук и Даниил Борисович. Женив Александра на своей дочке, Василий I связал руки его отцу — Ивану Тугому Луку. Вероятно, в 1419 году состоялась и свадьба вдовы Александра Брюхатого Вассы и Александра Взметня. Этим браком Василий I обезопасил себя от происков отца Взметня — Даниила Борисовича. Заметим, что после этого Даниил Борисович на несколько лет прекратил борьбу за Нижний Новгород. Ведь там правил его сын!

Вторичное вокняжение Даниила Борисовича в Нижнем Новгороде. Василий I восстанавливает власть над Нижним Новгородом. Когда Александр Взметень умер, Василий I в 1423 году составил новую духовную грамоту. В ней он назвал Нижний Новгород своим «примыс-

лом» (т. е. приобретенной собственностью) и завещал его своему сыну Василию Васильевичу. Даниил Борисович, разумеется, был с этим не согласен. Он возобновил попытки вернуть свою нижегородскую отчину. Помогли ему в этом хан Улу-Мухаммед и великий князь Литовский Витовт, приходившийся Даниилу двоюродным дядей.

По гипотезе А.А. Горского, в 1423 году Даниил побывал в Литве. Там он мог встретиться с другими искателями покровительства могущественного литовского князя. В 1423 году в Литве находился Улу-Мухаммед (он был изгнан из Золотой Орды своим соперником Бараком). В марте 1423 года Витовта посетил митрополит Фотий. В том же году к отцу приезжала московская княгиня Софьей Витовтовна с юным сыном Василием Васильевичем. Литовский дед должен был стать опекуном княжича. Так распорядился в своем завещании Василий I, назначивший тестя своим душеприказчиком. Софья стремилась, чтобы великое княжение Московское перешло к ее сыну Василию Васильевичу, а не к брату Василия I, Юрию, как этого требовал обычай. «Платой за поддержку прав будущего Василия II на престол и могла стать уступка Нижнего Новгорода Даниилу Борисовичу», — полагает А.А. Горский.

В 1424 года Даниил уже был нижегородским князем. До нас дошла его жалованная грамота нижегородскому Благовещенскому монастырю, которую ученые датируют маем 1424 года.

К грамоте есть приписка, что она выдана «коли князь великий Данило Борисович вышол на свою отчину от Махметя царя в другой ряд». Махметь царь — это Улу-Мухаммед. В 1423–1426 годах он при поддержке Витовта вел успешную борьбу с Баракком и поддерживавшим его правителем Булгарии Гиясаудином. Вероятно, Улу-Мухаммед с одобрения Василия I выдал ярлык Даниилу на Нижегородское княжение. Однако старый князь недолго владел своей отчиной. Как полагает Б.М. Пудалов, около 1428 года он скончался. По более обоснованному мнению А.А. Горского, это могло случиться еще при Василии I, то есть до 27 февраля 1425 года.

Даниил тогда уже находился в преклонном возрасте. Но не исключено, что старый князь пал на поле брани. Он мог погибнуть в ходе войны Улу-Мухаммеда с Гиясаудином и Баракком. На эту мысль наталкивает наблюдение Б.М. Пудалова над текстом молитвы, произнесенной митрополитом Фотием над гробом Даниила Борисовича. Открыл и ввел в научный оборот этот важный источник Б.М. Пудалов. Судя по его тексту, князь умер не в схиме (то есть внезапно?).

Содержание надгробной молитвы митрополита Фотия показывает, что на исходе своей бурной жизни Даниил Борисович примирился с московским княжеским домом. После смерти не оставившего сыновей Даниила Нижний Новгород и опустевший Городец уже прочно вошли в состав Московского государства.

Что касается Суздаля, то, там, как уже говорилось выше, примерно до 1433 года правил князь Александр Иванович, сын Ивана Тугого Лука (какое-то время в середине 1420-х вместе со своим вернувшимся из Орды отцом). После ухода Александра Ивановича из жизни Суздальский удел перешел к его сыну Семену. На Семене Александровиче род Бориса Константиновича Городецкого пресекся (вероятно, в конце 1430-х годов). Суздальское удельное княжество вернулось в состав великого княжения Нижегородского, т. е. в распоряжение великого князя московского Василия II, являвшегося одновременно и великим князем «Новгорода Низовской земли».

Все это время в суздальских землях располагались вотчины правнуков Дмитрия Константиновича Нижегородского: Василия и Федора Юрьевичей (внуков Василия Кирдяпы), Бориса Васильевича, Романа Васильевича, Ивана Васильевича Горбатого, Андрея Васильевича Лугвицы, Александра Васильевича Глазатого и Василия Васильевича Гребенки (внуков Семена Дмитриевича). Но они уже были не удельными, а служебными князьями. Служебный князь заключал с великим князем московским договор, в котором признавал его господином и обязывался выполнять его поручения. Подобно московским боярам, служебные князья назначались воеводами в походах великокняжеского войска и наместниками в разные города. Так, Борис Васильевич в 1435 году нес службу на Волоке, а в 1436 году выполнял поручение Василия II в Пскове. По мере формирования Русского централизованного государства преимущества служебных князей все более ограничивались и постепенно они превратились в обыкновенных служилых людей.

2.5. Нижегородские земли во время междоусобной войны московских князей (1425–1449)

Начало борьбы Юрия Звенигородского за великое княжение и за Нижний Новгород. Спор московских князей и хан Улу-Мухаммед. Потеря Василием II великого княжения и его возвращение к власти после встречи с монахом Макарием (Желтоводским и Унженским). Нижний Новгород Меньшой. Пребывание хана Улу-

Мухаммеда на границах Руси и в Нижнем Новгороде. Василий II в плену в Нижнем Новгороде и Курмыше. Борьба Василия II и Дмитрия Шемяки. Восстановление Нижегородского княжества и его окончательное присоединение к Москве.

Начало борьбы Юрия Звенигородского за великое княжение и за Нижний Новгород. В 1425 году, когда Василий I ушел из жизни, среди московских князей началась междоусобная война за великое княжение. По обычаю оно должно было перейти к следующему по старшинству князю — брату Василия I Юрию Дмитриевичу Звенигородскому. Но Василий I, а особенно его жена Софья хотели передать великокняжеский стол своему сыну Василию.

Такой способ наследования (от отца к сыну) стал привычным для Москвы со второй половины XIV века. Тогда обстоятельства складывались так, что у великого князя московского на момент кончины братьев не оставалось, и престол, как старший в роду, получал его сын. (После Ивана Красного княжить стал Дмитрий Донской, за ним — сын Донского Василий I.) Василий I и Софья пожелали сделать переход великого княжения от отца к сыну правилом. Такой порядок способствовал преемственности, а значит, и устойчивости аппарата управления. В конечном итоге именно переход к нему сделал возможным формирование единого Русского государства.

Но Юрий Звенигородский не согласился на подобное ущемление своих прав. Зная о планах своего старшего брата, он готовился к борьбе. Когда до Юрия дошла весть о кончине Василия I, он даже не приехал на его похороны. Из своей столицы, Звенигорода, минуя Москву, Юрий спешно отправился в далекий Галич — центр своих северных владений, куда, кроме Галицкой земли, входила еще и Вятка. Там он начал собирать войско.

Младшие братья — Андрей, Петр и Константин — не поддержали Юрия. Они оказались на стороне юного племянника, Василия II, и вместе с ним двинулись к Костроме, чтобы потом ударить по Галичу.

Юрий не стал ждать, пока вражеская рать подойдет к Галичу и, как сообщает Никаноровская летопись, «побежал» в Нижний Новгород, где сел «со всеми людьми своими». Из Галича в Нижний Юрий, очевидно, двигался по маршруту, на котором расположены современные населенные пункты Мантурово и Шарья Костромской области, а также Ветлуга Нижегородской области. В древности здесь шла Галицкая дорога в болгарские земли. От реки Ветлуги князь должен был направиться по Ба-

тыевой тропе к озеру Светлояр, реке Керженец и старинной крепости, на месте которой сейчас село Городищи Борского района. Дальше уже лежал Нижний Новгород, где Юрия помнили и любили.

Владения Юрия Дмитриевича — окруженные дремучими лесами Галич и Вятка — соседствовали с нижегородскими землями, гораздо лучше освоенными. Здесь Юрий имел прямой выход к Волге и Оке и свободу маневра, в то время как Галич, отрезанный от Волги Костромой, находился в транспортном тупике. Обладание Нижним Новгородом неизмеримо увеличивало силы князя Юрия. Оставлять в его руках этот город было нельзя, поэтому Василий II послал на него своего дядю Константина «со многой силой».

Как мы помним, за короткое время это был уже третий поход московской рати на Нижний Новгород. Два предыдущих раза (1410, 1415) нижегородские князья не обороняли свою полуразрушенную столицу, а уходили за Сундовик или за Суру. Юрий Дмитриевич учел их опыт. Он тоже отступил за Суру, где оказался недосыгаем. А когда московское войско ушло назад, князь Юрий опять возвратился в Нижний Новгород, а оттуда вернулся в Галич. Из Галича он попросил племянника о перемирии на один год.

К мятежному князю в Галич приехал митрополит Фотий. Он уговаривал его прекратить войну совсем и признать Василия II великим князем. В конце концов Юрий согласился заключить мир, но с условием, чтобы вопрос о том, кому быть князем московским, решил хан Золотой Орды.

Спор московских князей и хан Улу-Мухаммед. Юрий Звенигородский неспроста предложил, чтобы его спор с племянником рассудил хан. В Орде тогда правил Барак, враг Улу-Мухаммеда и Витовта. Разумеется, он не стал бы поддерживать Василия II, чьим опекуном был Витовт. Видимо, Юрий был уверен в этом. Понимали это и в Москве. Но отвергать предложение Юрия не стали. Положение Барака было не очень прочным. На него наседали Улу-Мухаммед, союзник Витовта. Оставалось дожидаться, когда он возьмет верх.

Это случилось в начале 1428 года, когда Улу-Мухаммед захватил Сарай. И сразу же Юрий счел за благо подчиниться племяннику. В марте 1428 года он заключил договор с Василием II, в котором признавал его «братом старейшим» и обещал не пытаться отнять у него великое княжение и другие владения, в том числе и Нижний Новгород «с волюстьми».

Улу-Мухаммед сразу же повел враждебную политику по отношению к Юрию Дмитриевичу. В конце 1428 года к Галичу из болгарских земель, где по-прежнему правил Гиясаддин, признавший власть Улу-Мухаммеда, по лесной Галицкой дороге подошло ордынское войско. Во главе его находились царевич Махмут-Хозя и князь Али-Баба.

А.А. Зимин допускал, что под Махмут-Хозей летописец имел в виду самого Улу-Мухаммеда. Однако тогда Махмут-хозя был бы назван не «царевичем», а «царем». Но Улу-Мухаммед вполне мог быть инициатором набега.

Ордынцы около месяца осаждали Галич, но не смогли его взять. Они только разорили окружавшие город волости. Обратим внимание, что московский князь в это время даже с места не сдвинул свои рати. Галич ведь принадлежал его врагу-дяде. Но ордынцы не захотели возвращаться без большой добычи и неожиданно напали на принадлежавшую Василию II Кострому, откуда угнали много людей в плен.

Василий II послал вдогонку за татарами других дядьев, дружественных ему — Андрея и Константина с боярином Иваном Дмитриевичем Всеволожским (сыном первого московского наместника в Нижнем Новгороде Дмитрия Всеволожа).

По мнению А.А. Зимина, Иван Всеволожский, наряду с княгиней-вдовой Софьей Витовтовной и митрополитом Фотием в годы отрочества Василия II оказывал наибольшее влияние на управление Московским княжеством.

Московская рать преследовала захватчиков до Нижнего Новгорода, но настичь не сумела. Дальше идти по волжскому льду князья Андрей и Константин не рискнули. Но нашлись два смельчака — воевода Федор Константинович Добрыньский и князь Федор Давыдович Пестрый. Они, вопреки начальникам, бесстрашно ринулись вслед за ордынцами, догнали их уже за Нижним и освободили русских пленников. Сообщивший об этом подвиге летописец приписал от себя: «Тем воеводам при жизни честь, а по смерти — вечная память!».

Осенью 1430 года умер дед и покровитель Василия II Витовт. Великим князем литовским стал побратим Юрия Дмитриевича Свидригайло. После этого Юрий разорвал мир с Василием II и, оставив Галич, опять сел в Нижнем Новгороде. Московское войско во главе с дядей Василия II, Константином, вновь двинулось на Нижний. Юрий, как и в 1425 году, отошел за Суру. Константин дошел до этой реки, постоял на берегу, но на переправу не решился. После ухода москвичей Юрий вернулся в Нижний Новгород.

Попытался ли он закрепить этот город за собой? Сведений в источниках об этом нет. Через несколько месяцев, весной 1431 года, Василий II отправил в поход «на Болгары» рать во главе с князем Федором Пестрым. На пути московское войско не могло миновать Нижний Новгород. Но никаких сведений о борьбе за Нижний в это время летописцы не оставили.

Сам поход Федора Пестрого мог быть мстью за набег 1429 года на Кострому или наказанием болгарского правителя Гиясаддина за возможную поддержку им Юрия. (Ведь за Сурой, куда он отступил, находились земли, тяготевшие к Булгарии.)

По утверждению И.Л. Измайлова, Гиясаддин с 1432 году возобновил борьбу с Улу-Мухаммедом. Возможно, конфликт между ними начался еще в 1431 году и во время похода Федора Пестрого они уже были врагами. Недаром сразу после победного возвращения Федора Пестрого Василий II безбоязненно отправился к Улу-Мухаммеду просить ярлык на великое княжение (август 1431 года). Через месяц к хану отправился и Юрий Дмитриевич.

Властитель Золотой Орды взял сторону Василия II. Этому помимо всего прочего способствовало красноречие и дипломатическое искусство Ивана Всеволожского, сопровождавшего юного князя в этой опасной поездке. Юрию пришлось покориться. В июле 1432 года дядя и племянник вместе выехали из Орды.

Потеря Василием II великого княжения и его возвращение к власти после встречи с монахом Макарием (Желтоводским и Унженским). Между Юрием и Василием II как будто установился мир. Юрий Дмитриевич даже прислал своих сыновей, Дмитрия Шемяку и Василия Косого, на свадьбу Василия II, состоявшуюся 8 февраля 1433 года. Но там им была нанесена смертельная обида.

Ссора возникла из-за золотого пояса нижегородских князей. Этот пояс когда-то принадлежал князю Дмитрию Константиновичу. Как приданое его дочери, Евдокии, он предназначался Дмитрию Донскому. Но московский тысяцкий Вельяминов, женивший сына Микулу на другой нижегородской княжне (сестре Евдокии — Марии) и распорядившийся на обеих свадьбах, в суматохе подменил этот пояс иным, меньшего размера. Потом настоящий пояс в качестве приданого дочери Микулы перешел к ее супругу Ивану Всеволожскому. Тот тоже имел дочь, соответственно пояс перешел к ее мужу Андрею, князю Радонежскому, сыну знаменитого полководца Владимира Серпуховского. Князь Андрей рано ушел из жизни, и пояс остался у вдовы. Их дочь дед, Иван Всево-

ложский, возмечтал выдать за Василия II. Если бы намерение Всеволожского осуществилось, драгоценный пояс мог бы опять как приданое вернуться к законным владельцам — в род Дмитрия Донского. Возможно, Иван Всеволожский рассказал эту историю Софье Витовтовне. Но мать великого князя московского выбрала сыну другую невесту. Оскорбленный боярин покинул Москву и перешел на службу к Юрию Звенигородскому. Внучка Всеволожского была обручена с сыном Юрия, Василием Косым. Тот и стал обладателем рокового пояса. В нем он явился на свадьбу Василия II, видимо, по совету коварного деда своей невесты. Иван Всеволожский хотел разрушить мир между своим новым покровителем и Василием II, с тем чтобы Юрий Звенигородский стал великим князем московским. Намерение хитроумного боярина удалось в полной мере. Гневливая Софья прилюдно сорвала с Василия Косого золотой пояс нижегородских князей. Разобиженные сыновья Юрия Дмитриевича покинули свадьбу. Вновь началась кровавая междоусобица.

Она изобиловала неожиданными поворотами. Сначала Юрий двинулся из Галича на столицу и 25 апреля 1433 года разбил Василия II в сражении на реке Клязьме. Юрий Дмитриевич стал великим князем московским. К племяннику он был милостив, дав ему в удел Коломну. Между тем московские бояре не захотели служить удельному князю, поскольку они неизбежно бы оказались у него на вторых ролях, и дружно поехали за своим прежним господином в Коломну. Изменил Юрию даже Иван Всеволожский. К тому же Юрий Дмитриевич поссорился со старшими сыновьями — Василием Косым и Дмитрием Шемякой.

Почувствовав, что шапка Мономаха для него тяжела, Юрий через несколько месяцев добровольно возвратил ее Василию II, вновь ставшему великим князем московским. Однако согласие между дядей и племянником продолжалось недолго. По условию их договора Юрий Дмитриевич не должен был помогать своим мятежным сыновьям — Василию Косому и Дмитрию Шемяке. (Они не признали возвращение великого княжения Василию II.) Но отцовское сердце — не камень. Когда на сыновей пошла московская рать, Юрий отдал им своих воевод. Тем самым он нарушил договор. Это дало Василию II повод зимой 1433/34 года пойти войной на Галич. Но военное счастье было на стороне Юрия. Он не только отбил, но и перешел в контрнаступление, 20 марта 1434 года наголову разгромив москвичей в Ростовской земле. 31 марта после недельной осады Москва была взята. Василий II бежал в Новгород Великий. Но там его никто не ждал, и 26 апреля князь-беглец был вынужден покинуть этот город. Василий отправился в Тверь, наде-

ясь найти там помощь. Но и Борис Тверской не решился встречать в спор дяди и племянника. Скитания Василия продолжились. По Волге он поплыл из Твери на Мологу, потом к Костроме, а оттуда в Нижний Новгород.

Юрий Дмитриевич направил на него своих сыновей, Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного, «со многой силой». Их войско дошло до Владимира. Помощи Василию ждать было неоткуда. Он пребывал в смятении. У молодого князя даже возникла мысль бежать к татарам. В этот тяжелый для себя час Василий имел беседу с мудрым монахом Макарием (сегодня мы вспоминаем его как преподобного Макария Желтоводского и Унженского). Он родился в Нижнем Новгороде и еще юношей принял монашеский постриг в Печерском монастыре. Затем долго жил в уединении на реке Лух (в современной Ивановской области). Встреча с Макарием, должно быть, произвела на молодого правителя большое впечатление. Василий II отказался покидать родную сторону. И, как оказалось, не зря. В его жизни произошли неожиданные перемены. К нему явились гонцы от Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного. Оказалось, что 5 июня 1434 года ушел из жизни Юрий Дмитриевич Звенигородский. Старший сын Юрия, Василий Косой, провозгласил себя было великим князем московским. Но даже собственные братья не признали его правителем. Они предпочли, чтобы престол вновь занял Василий II, теперь по отчинному праву имевший преимущественные права на великое княжение. Еще недавно отверженный и гонимый, Василий торжественно возвратился из Нижнего Новгорода в Москву.

Нижний Новгород Меньшой. Василий II не забыл о городе, где в его судьбе произошел переворот. Нижний Новгород тогда лежал в руинах, но его местоположение, конечно, не могло не понравиться великому князю. Для Москвы крайне важно было иметь здесь боеспособную крепость. Но опоясать стенами большую по средневековым меркам территорию Нижнего Новгорода было непросто. Это потребовало бы много времени и рабочих рук, которых в разоренном крае тогда в необходимом количестве не имелось. Проще было соорудить небольшую новую крепость рядом со старым городом. Такие крепости тогда на Руси назывались осадными городками, или осадами. В них размещались небольшой гарнизон и присланные из Москвы наместники. В случае угрозы вражеского нападения тут могло укрыться местное население. Чаще всего осадные городки ставились на высоких мысах, защищенных с трех сторон обрывами склонов. На перешейке, соединявшем мыс с материком, рыли ров.

Подходящее место для осадного городка, известного в летописях как Нижний Новгород Меньшой, нашли на правом, гористом берегу Оки за Благовещенским монастырем. (Этот монастырь принадлежал митрополиту Московскому и являлся проводником московского влияния.) Там до сих пор есть мощный мыс с крутыми склонами. Он высится слева от въезда на метромост с нагорной стороны. На верхней площадке мыса в 1988 году инструктор по археологии областного управления культуры А.Ю. Рогачев открыл археологический памятник, получивший название «Городок».

Осмотр памятника и сбор подъемного материала на нем производился Т.В. Гусевой (1992), И.О. Ереминым (1995), Н.Н. Грибовым (1996), А.Н. Масловым (1997, 1998), Е.Э. Лебедевой (2003). В 2003–2004 годах Н.Н. Грибов вел здесь раскопки. На основе их результатов Н.Н. Грибов сделал вывод о существовании на этом мысу крепости XV века — летописного Нижнего Новгорода Меньшого. Территория его была невелика — 7 200 м². По данным Н.Н. Грибова, он был очень плотно застроен. В ходе раскопок там среди прочих находок были обнаружены три железных писала (приспособления для письма), железная шпора и сабельный клинок. Это подтверждает, что здесь жили присланные из Москвы воины и чиновники.

По предположению Грибова, узкий (шириной 30 м) перешеек, соединявший Нижний Новгород Меньшой с материком, был перекопан рвом и укреплен валом. Правда, следов этих укреплений археологи не обнаружили. Однако их остатки четко просматриваются на плане Нижнего Новгорода, снятом в 1848–1849 годах. По мнению Н.Н. Грибова, они были уничтожены в XX веке во время сооружения близлежащей базы спецуправления зеленого строительства. Но поскольку сейчас признаки этих укреплений отсутствуют, Т.В. Гусева не желает признавать археологический памятник «Городок» городищем. Она считает его селищем, где могла находиться богатая усадьба. П.В. Чеченков также отказывается отождествлять Нижний Новгород Меньшой с «Городком» у въезда на метромост. По его мнению, Нижний Новгород Меньшой был срублен по указанию московского правительства на кремлевском холме.

Более обоснованной нам представляется точка зрения Н.Н. Грибова. С одной стороны, она подкреплена археологическим материалом, с другой стороны, В.А. Кучкин на основе письменных источников показал, что Нижний Новгород Меньшой — это особая крепость, которая

находилась вне территории кремля, выше по Оке. А руины кремля в летописях назывались «Нижний Новгород Старый».

Временем создания Нижнего Новгорода Меньшого П.В. Чеченков справедливо называет вторую половину 30-х годов XV века. Основанием для этого являются две жалованные грамоты Василия II, относящиеся к тому времени. Одна из них гласит, что людям владимирского Рождественского монастыря годами не надобно «ни Володимера города рубити, ни Новгорода Нижнего». Другая грамота адресована архимандриту нижегородского Благовещенского монастыря и освобождает монастырских крестьян от строительства «города». Она была выдана 4 марта 1438 года.

То, что вопрос о возведении крепости все-таки встал ранней весной, говорит о какой-то неожиданно нависшей над Нижним Новгородом опасности, от которой необходимо было спешно защититься. Скорее всего, такой угрозой было ожидавшееся нашествие хана Улу-Мухаммеда.

Пребывание хана Улу-Мухаммеда на границах Руси и в Нижнем Новгороде. В 1437 году Улу-Мухаммед, покинутый своим вассалами, скитался по степи с небольшим войском. Многолетняя смута нарушила привычный распорядок жизни татар. Когда Золотая Орда была едина, они спокойно перегоняли скот с летних степных пастбищ на зимние, а сами зимовали в городах. Но Тимур разрушил большинство золотоордынских городов. В результате междоусобиц Улу-Мухаммед лишился Астрахани, пастбищ Северного Кавказа, городов и зимних пастбищ Крыма. Оказавшись в безвыходном положении, он вознамерился провести зиму 1437/38 года в Белеве, одном из самых близких к степи русских городов в верховьях Оки. Но Дмитрий Шемяка, помнивший о тех унижениях, которым в свое время подвергся при дворе Улу-Мухаммеда его отец, Юрий Дмитриевич, убедил Василия II не допустить этого. Шемяка лично возглавил московское войско, двинувшееся под Белев. Однако оно в декабре 1437 года потерпело поражение от татар. После этого на Руси со страхом ждали нашествия Улу-Мухаммеда.

По поводу того, куда двинулся Улу-Мухаммед после победы под Белевым, среди историков нет единого мнения. «История о Казанском царстве» («Казанский летописец») сообщает, что от Белева Улу-Мухаммед пошел «полем», переправился через Волгу и занял «пустую» Казань. Многие ученые (С.М. Соловьев, М.Г. Худяков, Р.Г. Фархутдинов, А.А. Зимин, Б.Р. Рахимзянов и др.) доверяли этому известию и считали, что в 1438 году было основано Казанское ханство во главе с Улу-

Мухаммедом. Однако Казанский летописец считается не очень достоверным источником. Есть большие сомнения и в точности указанного известия. Оно противоречит нумизматическим и летописным данным. Автор книги «Булгаро-татарская монетная система 12–15 в.» А.Г. Мухаммадиев писал, что монеты Гиясатдина чеканились в Болгаре до 1445 года. Вряд ли это было возможно, если бы казанским ханом уже являлся Улу-Мухаммед. Только в 1445 году, по данным Воскресенской летописи, в Казани появился свой царь — сын Улу Мухаммеда, Момотьяк. «Первым царем на Казани» называет его и Государев родословец.

Где же находились Улу-Мухаммед и его сыновья с 1438 по 1445 год? На этот вопрос отвечает Никоновская летопись: «Из Белева поиде царь к Новугороду к Нижнему и засяде Новгород Нижней Старой». Отсюда В.В. Вельяминов-Зернов делал вывод, что Улу-Мухаммед с 1438 по 1445 года находился в Нижнем Новгороде. Это же мнение разделяет С.Х. Алишев.

Как установил Б.М. Клосс, при описании этих событий составитель Никоновской летописи митрополит Даниил использовал три источника: Сокращенный летописный свод конца XV в., Новгородскую пятую летопись и Симеоновскую летопись. Однако в этих летописях не говорится, что Улу-Мухаммед пришел в Нижний Новгород Старый из Белева. Поэтому Р.А. Беспалов полагает, что данное известие Никоновской летописи «следует признать творческим выводом самого митрополита Даниила».

По нашему мнению, необходимо согласиться с Р.Ю. Беспаловым. Судя по упоминавшейся выше жалованной грамоте Василия II Благоевченскому монастырю, в Нижнем Новгороде весной 1438 года строилась новая крепость. Если бы она была взята Улу-Мухаммедом, летописцы непременно бы об этом написали. А поскольку таких упоминаний нет, Улу-Мухаммед в 1438 году в Нижнем Новгороде не появлялся.

Вероятно, события развивались так. Из Белева Улу-Мухаммед с боем прошел через Рязанскую землю. Оттуда он мог выйти к Мурому и угрожать как Нижнему Новгороду, так и Владимиру, а следовательно, Москве. Поэтому Василий II в начале 1438 года и начал строительство крепостей во Владимире и Нижнем Новгороде. Улу-Мухаммед, чье войско было невелико, не решился идти к этим городам. Через Мещеру он перебрался в Курмыш, который пустовал со времен разорения его Едигеем в 1408 году. На эту мысль наталкивает то, что именно в Курмыше,

согласно летописям, находилась ставка Улу-Мухаммеда осенью 1445 года.

Косвенно наше предположение подтверждает «Житие преподобного Макария Желтоводского и Унженского». Тот после встречи в 1434 году с Василием II (и с его помощью) основал обитель во имя святой Троицы. Она расположилась напротив Лыскова, вблизи устья реки Керженец, у озера Желтые воды (вода в нем была мутная, желтоватая). Рядом находилось озеро с чистой прозрачной водой. Впоследствии его назвали Святым, так как в него окунались при крещении приходившие к батюшке Макарию жители окрестных мест — марийцы, а также чуваша из-за Волги и Суры.

Согласно Житию Макария, в 6947 (1438/39) году воины Улу-Мухаммеда, обнаружив Желтоводский Троицкий монастырь, сожгли его. Макария же привели к своему «воеводе». Татарский начальник (в современной литературе он без достаточных оснований отождествляется с самим Улу-Мухаммедом) отбрал воинов за то, что они обидели такого человека, и отпустил Макария с миром, освободив и других захваченных русских пленников. Но возобновлять монастырь не позволил. Макарий ушел с Желтых вод на реку Унжу и основал там новый монастырь. Появление воинов Улу-Мухаммеда у Желтоводского монастыря гораздо легче объяснить, если мы предположим, что ханская ставка находилась в Курмыше (то есть относительно недалеко от этих мест), а не в Казани.

Зиму 1438/39 года Улу-Мухаммед, надо полагать, провел в Курмыше. Затем он начал готовить поход на Москву, чтобы отомстить Василию II за непослушание и связь со своими врагами — Сеид-Ахмедом и Кичи-Мухаммедом. Но в Курмыше у Улу-Мухаммеда было слишком мало сил. Впоследствии хан пополнял свою орду за счет вольных татарских воинов (казаков), кочевавших в районе Черкасс (местность и город в нижнем течении Днепра). Можно предположить, что весной 1439 года Улу-Мухаммед отправился из Курмыша туда, а из Черкасс «со многими силами» обрушился на Москву (июль 1439 года).

Неожиданность удара (Улу-Мухаммед, по сообщению летописцев, подошел к Москве «безвестно») исключает возможность прихода татарских войск со стороны Нижнего Новгорода, (а тем более Казани) или Дона (через Коломну). Татары шли с юго-западной, крымской, стороны, от Черкасс. Не случайно опустошению подверглась западная часть Московского княжества, до тверских рубежей. А вот возвращался Улу-Мухаммед, согласно летописям, через Коломну. Оттуда он мог опять

вернуться в Курмыш. Больше податься ему было некуда. Крым в это время был занят его врагом Сеид-Ахметом, в Сарае правил Кичи-Мухаммед.

Ситуация изменилась в 1442 году. Сеид-Ахмед был изгнан из Крыма. Там стал править Хаджи-Гирей, родственник Улу-Мухаммеда. В это время в Крыму по источникам прослеживается присутствие сына Улу-Мухаммеда — Касима. Возможно, где-то там, на юге, пребывал в 1442–1443 годах и сам Улу-Мухаммед. Но между маем 1443 и апрелем 1444 года Крым захватил хан Большой Орды Кичи-Мухаммед. Улу-Мухаммед вновь лишился пристанища. Это заставило его в 1444 году опять направиться в сторону русских земель. По сообщению Ермолинской летописи, тогда «царь Махмет» стоял на Беспуте. Река Беспута впадает в Оку недалеко от современной Каширы. Этим путем впоследствии приходили на Москву крымские татары. Со стороны Крыма, видимо, сюда пришел и Улу-Мухаммед.

Василий II «со всей братией» отправился на него в поход, но битва не состоялась, ибо татарский хан «пошел прочь», на восток. В сентябре татары пришли на «рязанские украины». Той же осенью «воевали мордву». Из мордовских земель Улу-Мухаммед направился в сторону Нижнего Новгорода. Когда Василий II узнал о том, что «царь Махмет начал помышляти к Новгороду к Нижнему», он повелел «осады крепити». Упоминание Ермолинской летописи об «осадах» подтверждает мнение Н.Н. Грибова о наличии в это время в Нижнем Новгороде «осады», или «осадного городка».

Обороной этого городка — Нижнего Новгорода Меньшого — руководили уже известный нам князь Федор Давыдович Пестрый (один из лучших русских полководцев XV века) и лихой воевода Юшка Драница.

В декабре 1444 года к этой крепости подошло войско Улу-Мухаммеда. Оно не сумело захватить Нижний Новгород Меньшой и, согласно летописям, расположилось в Нижнем Новгороде Старом. Оттуда ханские воины вдоль Оки отправились на Муром и, видимо, взяли его. На бой с ними из Москвы двинулся Василий II. К великому князю присоединились его троюродные братья (внуки Дмитрия Донского) Иван Андреевич Можайский и Михаил Андреевич Верейский, а также Дмитрий Шемяка и Василий Ярославич Серпуховской. В праздник Крещения (6 января 1445 года) русское войско стояло во Владимире. Оттуда Василий II направил свои передние полки освобождать Муром и (по Клязьме) Нижний Новгород. Ордынцы были разгромлены и под Муромом, и на подходе к Нижнему Новгороду — у Гороховца. Улу-

Мухаммеду пришлось спешно отступить от Муром в Нижний Новгород Старый.

Но развить успех Василию II не удалось. Воспользовавшись уходом во Владимир можайского, верейского и серпуховского князей, с запада на Московскую Русь напали литовцы. Против них был направлен сборный можайско-верейско-серпуховской отряд в двести шестьдесят человек во главе с князем Андреем Васильевичем Лугвицей-Суздальским (правнуком Дмитрия Константиновича Нижегородского). Князь-герой встретил большое литовское войско на речке Суходрови (левом притоке реки Шани, впадающей в Угру) и бесстрашно атаковал превосходящего противника. Он сложил голову в неравном бою, но литовцы, понеся немалые потери, предпочли уйти восвояси.

В.Д. Назаров обоснованно полагает, что в битве на Суходрови Андрей Лугвица участвовал в качестве служебного князя Ивана Можайского. На службу к нему Лугвица, видимо, перешел после 1442 года, когда Иван получил Суздаль в удел от Василия II.

Литовская угроза около месяца не позволяла Василию II вести активные действия против ордынцев. А затем подступила весенняя распутица. Князю пришлось увести войска из Муром и в марте 1445 года вернуться в Москву. Нижний Новгород Старый остался в руках Улу-Мухаммеда. Нижний Новгород Меньшой по-прежнему героически обороняли Федор Пестрый и Юшка Драница.

Улу-Мухаммед воспользовался передышкой, чтобы пополнить свое войско. Весной 1445 года он и его старший сын Момотьяк, как сообщает Ермолинская летопись, послали в Черкасы «по люди». Оттуда к ним пришли две тысячи татар-казаков. Эта вольница «без царева слова» совершила набег на город Лух (в современной Ивановской области). Там было взято столько пленников и богатства, что сыновья Улу-Мухаммеда, Момотьяк и Якуп, раззавидовались и упросили отца позволить им совершить подобное предприятие. Улу-Мухаммед уступил уговорам и послал Момотьяка и Якупа воевать суздальские земли.

Великому князю московскому пришлось вновь собирать войско. В июне 1445 года оно стояло в Юрьеве-Польском (на полпути из Москвы в Суздаль). Сюда прибежали нижегородские воеводы Федор Давыдович Пестрый и Юшка Драница. Они и их люди, засевшие в Нижнем Новгороде Меньшом, за полгода обороны изнемогли от голода. Больше держаться не было сил. Тогда они ночью подожгли свою крепость (чтобы ее не смог использовать потом противник) и под покровом темноты бежали. Успеху дерзкого предприятия способствовало то, что Момотьяк и

Якуп увели большую часть ордынцев из Нижнего Новгорода Старого под Суздаль.

Василий II в плену в Нижнем Новгороде и Курмыше. 7 июля 1445 года под Суздалем состоялось битва войск Василия II и царевича Момотьяка. Она закончилась полным успехом ордынцев. На поле брани пал Борис Васильевич Суздальский, служебный князь Василия II. Само го московского князя татары израненного захватили в плен.

От Суздаля Момотьяк пошел к Владимиру, но не стали штурмовать город, а через Муром отвез своего знатного пленника в Нижний Новгород Старый. Оттуда в Москву был отправлен посол Бегич. Ему предстояло договориться об условиях освобождения Василия II. Ждать возвращения Бегича Улу-Мухаммед решил не в Нижнем Новгороде, видимо сочтя, что это слишком опасно, а в Курмыше. 25 августа 1445 татарский хан с сыновьями и всей ордой отъехал туда из Нижнего Новгорода.

Больше месяца от Бегича не поступало никаких известий. Улу-Мухаммед с сыновьями решили, что их посол убит Дмитрием Шемякой. Поэтому, не дождавшись приезда Бегича, Улу-Мухаммед и Момотьяк 1 октября 1445 года отпустили князя Василия из Курмыша домой, взяв с него обещание заплатить со временем выкуп — «сколько сможет». С Василием на Русь поехало большое татарское посольство.

Бегич в это время, целый и невредимый, ехал от Дмитрия Шемяки в Нижний Новгород. Шемяка, желая получить ярлык на великое княжение, встретил его очень гостеприимно. Он наговорил на своего двоюродного брата «всякого лиха» и отправил с Бегичем своего посла, дьяка Федора Дубенского, с тем чтобы Василию «не выйти на великое княжение».

Следом за Бегичем и Дубенским из Москвы выехал бывший нижегородский воевода, лихой воин Юшка Драница. Он намеревался выкрасть князя Василия у татар. Вероятно, его послала вызволять сына великая княгиня Софья Витовтовна (Драница, как и она, был выходцем из Литвы).

Сам Василий в это время направлялся из Курмыша в сторону Нижнего Новгорода. Через два дня пути он отправил к матери и жене окольничего Андрея Плещеева с радостной вестью о том, что его «царь пожаловал, отпустил на его отчину, на великое княжение». Плещеев миновал Нижний Новгород и дальше поспешил по Муромской дороге вдоль Оки. За Нижним ему встретился двигавшийся навстречу из Мурома Плишка Образцов. Тот вел коней Бегича и Дубенского. Сами послы плыли сзади по Оке на судах. Плещеев рассказал об избавлении Василия II от плена. Тогда Образцов повернул назад и у Дудина монастыря (недалеко от

с. Дуденево в современном Богородском районе) перехватил посольство Дубенского. Дубенский, узнав о новостях, вместе с Бегичем решил на конях вернуться в Муром.

Вскоре проехал Нижний Новгород и Василий II. Он тоже двигался по Муромской дороге. С Оки его увидел Юшка Драница. Смелый воин, плача от радости, бросился в ноги князю и пригласил его в свое судно. Но Василий II отказался. Он не мог бросить сопровождавших его татар. Московский князь продолжил свой путь на конях. Ближе к Мурому он стал нагонять посольство Бегича. Прибытие этого посла к Улу-Мухаммеду с предложениями от Шемяки таило для Василия смертельную угрозу. Он с тайным заданием послал своих людей к муромскому наместнику Василию Оболенскому. Муромские наместники, как сообщает Ермолинская летопись, выслали Бегичу, остановившемуся на ночлег перед переправой через Оку много хмельного меду. Посол напился его и уснул. Сонного его заключили в оковы, отвели в Муром, а после утопили.

Узнав об этом, Дмитрий Шемяка бежал в Углич. Василий II через Муром, Владимир и Переславль-Залесский торжественно вернулся в Москву.

Борьба Василия II и Дмитрия Шемяки. Между тем весть о гибели Бегича неизбежно должны были дойти до Улу-Мухаммеда с Момотьяком. Видимо, на этой почве между ними возникла ссора. Надо полагать Момотьяк требовал наказать Василия II и отдать великое княжение Шемяке. Улу-Мухаммед, вероятно, был против этого. Если верно сообщение Казанского летописца, Момотьяк в пылу гнева ножом зарезал своего отца. Это преступление навсегда разлучило его с братьями — Касимом и Якупом. Момотьяк оставил Курмыш и той же осенью 1445 года, как сообщает Воскресенская летопись, «взял город Казань, вотчича Казанского князя Либяя убил, а сам сел в Казани царствовать».

Касим и Якуп тоже покинули Курмыш. Они явились к Василию II и получили от него в кормление русские города. Такого прежде никогда не бывало, и по Руси пошел ропот. Общим недовольством воспользовался Дмитрий Шемяка. Он сговорился с Иваном Андреевичем Можайским. В феврале 1446 года их люди схватили и ослепили Василия II, которого с тех пор стали называть Василием Темным.

Несчастный князь был сослан в Углич, а в Москве стал править Дмитрий Шемяка. Однако у его лишённого зрения соперника осталось много сторонников. Часть из них укрылась в Литве. Другие пребывали на Руси, выжидая удобного случая, чтобы вернуть трон законному пра-

вителю. Приверженцев у самого Шемяки насчитывалось немного. Самым могущественным из них был Иван Можайский. Шемяка наградил его Суздалем. Иван Андреевич уже владел им однажды (в 1442–1443 годах) по воле Василия II, но им же был лишен этого города за измену. Суздаль был платой князю Можайскому за соучастие в ослеплении Василия Темного. Но это ужасное преступление навлекло на его виновников всеобщее осуждение.

Шемяка не выдержал мук совести и в сентябре 1446 года созвал епископов и настоятелей монастырей «со всей земли». Князь начал каяться перед ними в своем грехе, моля о прощении. Тогда вперед вышел нижегородец Макарий Желтоводский и от имени всего духовенства сказал: «если тебя простит великий князь, тогда и мы тебя простим». Шемяка согласился и со всеми епископами поехал в Углич к Василию Темному. Там Шемяка попросил у своего несчастного двоюродного брата прощения и дал ему в удел Вологду. В свою очередь и Василий Темный попросил прощения, «во всем вину сам на ся возлагая».

Примирение, однако, было недолгим. Вскоре в Вологду приехал князь Федор Юрьевич Суздальский. Этот правнук Дмитрия Константиновича Нижегородского служил наместником в Кашине у князя Бориса Тверского. Федор привез Василию Темному приглашение своего господина приехать в Тверь. Василий Темный и Борис Тверской заключили союз против Дмитрия Шемяки. Он был скреплен обручением дочери тверского князя Марии и сына Василия Темного, Ивана (будущего Ивана III).

Зимой 1446/47 года развернулись военные действия. Решающее сражение произошло под Угличем. Во время осады города сложил голову храбрый воин Юшка Драница, бывший нижегородский воевода. Дмитрий Шемяка и Иван Андреевич Можайский бежали в Галич. Василий Темный 17 февраля 1447 года въехал в Москву.

Восстановление Нижегородского княжества и его окончательное присоединение к Москве. Через некоторое время между Василием Темным и Дмитрием Шемякой было заключен договор. Его текст до нас не дошел, но по реконструкции А.А. Зимина Шемяка признавал своего соперника «братом старейшим». Помимо всего прочего, это означало, что Шемяка должен отправлять Василию II свою часть дани для уплаты Орде. Как раз в это время к Василию II прибыли послы от Сеид-Ахмеда Крымского. Великий князь московский затребовал от Дмитрия Шемяки причитающиеся с него деньги в «татарские проторы». Однако тот «не

дал ничего, а не зочу царя Седи-Яхмата царем», т.е. отказавшись считать крымского правителя законным ханом.

По нашему предположению, Дмитрий Шемяка решил признать «царем» правившего в Казани Момотьяка, которого на Руси тогда числили только одним из многочисленных ордынских «царевичей». От Шемяки в Казань явился человек с предложением о союзе против Василия II. Момотьяк в ответ направил в Галич своего посла, который находился там несколько месяцев.

Вероятно, одним из результатов этих переговоров стало воссоздание Нижегородского княжества. Для Шемяки это означало появление новых союзников, которые будут держать в напряжении Василия II и прикрывать путь из Галича в Казань и с Волги в Галич. Нижегородским князем Дмитрий Шемяка решил сделать старшего из представителей рода Дмитрия Константиновича Нижегородского — его правнука Василия Юрьевича Шуйского. Тот в это время был новгородским князем и доблестно защищал от ливонских рыцарей город Ям (ныне — Кингисепп в Ленинградской области). В Новгород прибыл посол Шемяки. А в июне 1447 года в Новгороде уже появился другой князь, сидевший до этого в Пскове, — Александр Чарторыйский. Произошло это, надо думать, в связи с тем, что Василий Юрьевич Шуйский прельстился на посулы Шемяки и уехал возвращать свою отчину.

Соправителем старого князя Шуйского Шемяка желал видеть его молодого брата, Федора Юрьевича, служившего тверскому князю Борису. Федор также откликнулся на призыв Шемяки.

До нас дошло «докончание» Василия и Федора Юрьевичей с Дмитрием Шемякой. В нем Василий и Федор Шуйские признавали князя Дмитрия «господином и отцом» и обещали ходить вместе с ним в походы. Под власть Василия и Федора отходили их «прадедина, дедина и отчина» — Суздаль, Нижний Новгород, Городец и Вятка. Особо оговаривалось, что Шемяка, пожаловавший в 1446 году Суздаль своему союзнику Ивану Можайскому, добившись великого княжения, этого не сделает. С Ордой нижегородские князья получали право вести сношения самостоятельно.

Вопрос о датировке этого соглашения бурно обсуждается в русской исторической науке уже 200 лет. В настоящее время в историографии преобладает мнение о том, что договор был заключен во второй половине 1445 года, когда Василий II находился в плену у хана Улу-Мухаммеда, который и воссоздал Нижегородское княжество (Л.В. Черепнин, В.А. Кучкин и Б.Н. Флоря, В.Д. Назаров, А.А. Горский). Однако в

этой версии есть существенная логическая неувязка. Если Нижегородское княжество воссоздал Улу-Мухаммед, то почему нижегородские князья договариваются с врагом этого татарского хана, Шемякой, а не с Василием II, который был в руках Улу-Мухаммеда и кого хан хотел видеть на великокняжеском столе? Названная версия противоречит и тексту источника. Ведь еще А.В. Экземлярский обратил внимание на то, что «докончание» могло быть составлено только после того, как Дмитрий Шемяка побывал великим князем, успел пожаловать Суздаль Ивану Можайскому, а затем потерял великое княжение, т. е. после февраля 1447 года.

А.А. Зимин считал, что это произошло в первой половине 1447 года. Но, как верно отметили В.А. Кучкин и Б.Н. Флоря, «в послании русских епископов Шемяке, датированном 29 декабря 1447 г., где самым тщательным образом перечисляются его интриги против великого князя, о сношениях Дмитрия Юрьевича с нижегородско-суздальскими князьями не сообщается ничего». Следовательно, Нижегородское княжество было воссоздано либо в декабре 1447 года, либо чуть позже. Первое представляется более вероятным.

По нашему мнению, возрождение Нижегородского княжества следует связать с событиями, произошедшими в «говеньи Филиппово» (между 15 ноября и 25 декабря) 1447 года, когда Момотяк «послал всех князей своих со мною силой» воевать Владимир, Муром и «прочие грады». Этот набег, несомненно, был согласован с Дмитрием Шемякой и казанским послом во время его пребывания в Галиче. В ходе военных действий московским войскам пришлось оставить суздальско-нижегородские земли, что и дало возможность воссоздать Нижегородское княжество во главе с Василием и Федором Шуйскими.

Василий Темный послал против казанцев свое воинство во главе с девятилетним сыном Иваном, которое сумело удержать Владимир. Сам же великий князь «со мною силой» пошел на Галич и, встав на Костроме, начал обмениваться с Шемякой послами. В итоге был заключен мир, одним из условий которого, видимо, было признание Василием Темным независимости Нижегородского княжества.

Василий и Федор Юрьевичи правили в нем в течение всего 1448 года. От них сохранились три жалованные грамоты на земли в Суздале и Гороховце. Причем одна из них только от Федора, из чего ученые делают вывод о том, что Василий ко времени ее написания уже ушел из жизни.

В апреле 1449 года Дмитрий Шемяка предпринял очередную попытку захватить великое княжение. Однако она вновь оказалась неудачной. Шемякиной рати не удалось взять Кострому. В ответ последовал поход Василия Темного на Волгу и его новый договор с Шемякой. В результате этих событий независимое Нижегородское княжество, вероятно, прекратило существование. Федор Юрьевич, очевидно, укрылся в Галиче. Великим князем «Новгорода Низовской земли» опять стал Василий Темный. Этот титул носили и все следующие правители Русского государства вплоть до 1917 года. На правах великого князя нижегородского Василий Темный пожаловал Городецкий удел, включая Белогородье, Ивану Васильевичу Горбатову-Шуйскому, правнуку Дмитрия Константиновича по линии младшего брата Кирдяпы — Семена. (Где до этого находился Иван Горбатый, историкам неизвестно.) Смысл этого решения был, видимо, в том, чтобы противопоставить Федору Юрьевичу Шуйскому младшую линию шуйских князей.

По договору Иван Горбатый признавал Василия Темного своим господином, обещал без ослушания являться с людьми на любую великокняжескую службу и не вести самостоятельных сношений с Ордой. В договор было включено обязательство городецкого князя, если у него будут старые ярлыки на Суздаль, Нижний Новгород, Городец и на все нижегородское княжение, «бесхитростно» отдать их Василию или его детям. Таким же образом надлежало поступить Ивану в случае, если какой-либо татарский «царь» даст или пришлет ему новые ярлыки на Суздаль и Нижний Новгород.

Этот договор, заключенный примерно в мае 1449 года, можно считать датой окончательного включения нижегородских земель в состав Московского государства. Братья Ивана Горбатого, Александр Глазастый и Василий Гребенка, судя по тексту договора, в этот момент еще были не на стороне Василия Темного. Но постепенно кто раньше, кто позже потомки нижегородских князей — князья шуйские — оказались на службе у великих князей московских.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ — ПОГРАНИЧНЫЙ КРАЙ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

3.1. Нижегородский край в эпоху создания единого Русского государства

Состав нижегородских земель к концу княжения Василия Темного. Восточная Мещера в XV веке. Порядок управления нижегородскими землями при Иване III. Нижегородский край и борьба Москвы с Казанью в 1460-е годы. Переселение новгородцев в Нижегородский край. Нижний Новгород и московско-казанские отношения в 1470–1490-е годы. Постройка Тверской башины. Поход Мухаммеда-Эмина на Нижний Новгород (1505 г.).

Состав нижегородских земель к концу княжения Василия Темного. Победа Василия Темного над Дмитрием Шемякой ускорила создание единого Русского государства. Благодаря ей окончательно установилась передача престола от отца к сыну. Такой порядок обеспечил преемственность всех звеньев системы управления. В то же время до полной централизации власти было далеко. Еще долго сохранялись пережитки раздробленности в виде уделов.

Сложный характер территориального состава Русского государства в начальный период его существования хорошо виден из духовной грамоты Василия II Темного, датированной 1461/62 годом. В ней перечисляются все принадлежавшие Василию II города с тянувшими к ним волостями, селами, пошлинами и *путями* (сокольничим, конюшим и др. — особыми отраслями княжеского хозяйства). Каждый город Василий завещал кому-то из сыновей или своей жене, Марии Ярославне.

Нижний Новгород «со всеми пошлинами, и с волостями, и с путями, и с селы» предназначался старшему сыну Василия Темного — Ивану (в будущем великому князю Ивану III). Однако половина пошлин из него должна была идти Марии Ярославне. Ей же Василий II давал село Соколовское (нынешнее Сокольское), Керженец и Стародуб Вочский (современная Вача) вместе с муромскими селами.

В духовной грамоте Василия Темного ничего не говорится о городских землях, поскольку Городец со всеми волостями, пошлинами и «что к нему потягло по старине» в 1449 году были пожалован им Ивану Горбатову-Шуйскому в «удел и в вотчину». Эти земли в начале XV века были сильно разорены. Городец так и остался в запустении.

Центром городецкой округи, как показал П.В. Чеченков, стал тогда Юрвец (ныне в Ивановской области).

Согласно договору с Василием Темным, Иван Горбатый и его потомки управляли этими территориями в качестве служебных князей. Это означало, что великий князь московский мог давать им поручения и брать в военные походы. Но за ними сохранялась наследственная власть над Городецким уделом. Они вершили здесь суд, собирали пошлыны и дань, часть которой отправляли в Москву. Потерять эти земли они могли только в случае, если бы переметнулись к недругу московских князей.

Восточная Мещера в XV веке. Область Мещера занимала юг современной Нижегородской области (и восток Рязанской). Здесь жили мордва, можары и буртасы. Среди мордвы господствовали традиционные языческие верования, буртасы были мусульманами. Одна часть можар исповедовала православие, другая — ислам. Можары-мусульмане — это будущие нижегородские татары-мишари. Местом расселения мишарей стала восточная часть Мещеры: во-первых, четырехугольник, образуемый современными населенными пунктами Ардатов — Красный Бор — Шатки — Дивеево; во-вторых, находящаяся за рекой Пьяной часть нынешних Перевозского, Бутурлинского, Сергачского, Краснооктябрьского, Пильнинского районов. Мишари были свободными конными воинами — казаками. В состав нижегородских татар позднее влились и мусульмане-буртасы, занимавшиеся земледелием и бортничеством, а также переселенцы из распавшейся Золотой Орды. Так, в 1451 году выходцами из Астрахани была основана деревня Красная Горка (по-другому — Сафаджай). Она находится в Пильнинском районе. Кроме того, со времен Золотой Орды в восточной Мещере жили «мордовские князья» — татарские феодалы, у которых в кормлении были «беляки» — объединения мордовских плательщиков ясака — натурального налога медом или пушниной. На территории современного Дивеевского района находился Кирдяновский беляк, Вознесенского района — Чепчерский беляк, Ардатовского района — Саконский беляк. Центром Саконского беляка являлась крепость Саконы, находившаяся на дороге («сакме») из ордынских земель в Муром. Ныне здесь село

Саконы Ардатовского района. В XV веке Саконами владел татарский князь Чегодай.

Можары-казаки, принявшие христианство (будущие донские казаки), заселили западную часть Мещеры. Другая часть можаров-христиан, как и мордва, занималась бортничеством и земледелием.

В 1392 году Мещера вместе с Нижегородским краем оказалась под властью московских князей. После этого, по нашему мнению, бортники из Мещеры (можары и мордва) в поисках медоносных угодий начали продвигаться по берегу Оки до ее устья и далее по правому берегу Волги, заселяя свободные места. О пути этих пришельцев, по нашему мнению, напоминает целый ряд названий на карте Нижегородской области: Мещерское (Навашинский район), Мещеры (Вачский район), Мещера, Мещерская Заводь (Павловский район), Мещерское озеро в Нижнем Новгороде. (Мы вслед за Б.А. Куфтиным полагаем, что финно-угорского народа мещера, не существовало, а была местность Мещера, после присоединения которой к Московскому государству слово «мещера» как название народа — древнего данника русских князей — было задним числом введено в летописи.)

По нашему мнению, с переселенцами из Мещеры связаны и такие названия, как Курмыш (Вачский район), Пурка (Павловский район), Балахна (центр Балахнинского района), Балахнино, Курмыш, Пурех (современный Чкаловский район). Это предположение основано на том, что на территории Мещерского юрта встречаются такие же названия: Курмыш (Пильнинский район), Пурьев (Первомайский район), Балахна (Перевозский район).

В 1452 году главный город Мещеры — Городец Мещерский (теперь город Касимов Рязанской области) за большие военные заслуги по защите русских земель от крымских татар был пожалован Василием Темным царевичу Касиму, сыну хана Улу-Мухаммеда. Он стал наследственным держанием его потомков, называвшихся в русских документах царями (ханами). Так возникло Касимовское ханство, вассальное Московскому государству.

Порядок управления нижегородскими землями при Иване III. Как выяснил П.В. Чеченков, при Иване III нижегородские земли (исключая Городецкий удел князей Горбатов) управлялись дворецким. Это должностное лицо возглавляло Дворец — учреждение, ведавшее великокняжеской собственностью и доходами. На местах дворецкому подчинялись ключники. Нижегородские ключники упоминаются в доку-

ментах с 1470-х годов. Ключникам были подотчетны приказчики дворцовых сел.

Дворцовые земли, водные и бортные угодья снабжали всем необходимым домохозяйство великого князя. Часть из них сдавалась желающим на оброк (в аренду). Этот акт особой оброчной грамотой оформлял ключник. Он же проводил судебное разбирательство по имущественным спорам между оброчниками и другими лицами.

Если великокняжеской собственностью ведал ключник, то дворский был управителем для всех людей, кто находился на службе у великого князя (дьяки, коннохи, псари, бортники, бобровники, сокольники и прочие «слуги под дворским»). Дворский судил их и отводил им земельные угодья. Первое дошедшее до нас упоминание дворского, касающееся земель, тянувших к Нижнему Новгороду, относится к 1481 году. Непосредственно о дворском Нижнего Новгорода речь идет в документе 1519 года.

Города великий князь московский обычно отдавал на несколько лет в кормление боярам, отправляя их туда в качестве своих наместников. Кормление давалось в качестве поощрения за верную службу. При вступлении в должность наместник получал собранный местными жителями въезжий корм. Кроме того, он ежегодно получал корм на Рождество, Пасху и Петров день. Наместник вместо князя вершил суд. В его пользу также шли различные пошрины. Первым наместником Нижнего Новгорода после присоединения города к Москве в 1449 году стал старый сподвижник Василия Темного, выдающийся полководец той эпохи Федор Васильевич Басенок. Знаменитый путешественник Афанасий Никитин, который в 1468 году провел две недели в Нижнем Новгороде, упоминает о нижегородском наместнике Михаиле Киселеве.

Кроме городов, великим князем в кормление жаловались и определенные волости. Кормленщики, получавшие волости назывались волостелями. Как правило, это были дети боярские — младшие служилые люди. Из волостей, «тянувших» в эпоху Ивана III к Нижнему Новгороду, историкам известна только одна, которая постоянно давалась в кормление. Это Гороховецкая волость. (Ее центр, Гороховец, сейчас относится к Владимирской области.) До нас дошла Жалованная кормленная грамота Ивана III гороховецким волостелям Терентию и Степану Осорьным. В ней подробно расписывалось, сколько караваяв хлеба, туш мяса и возов сена полагалось волостелям и их людям в качестве корма.

Нижегородский край и борьба Москвы с Казанью в 1460-е годы.

В середине XV века на востоке от Нижнего Новгорода, в болгарских землях образовалось Казанское ханство. Правящее феодальное сословие в нем составили пришедшие с Момотяком конные воины. В русских летописях они называются «казанские татары». Их верхушкой были уланы, князья и мурзы. Рядовые воины назывались казаками. Местное население было ими обложено ясаком. Кроме того, черемисы (марийцы), чьи земли также вошли в состав Казанского ханства, несли военную повинность. Казанские татары привлекали этих смелых охотников к своим походам. Вместе они представляли грозную силу.

Правившего в Казани сына Улу-Мухаммеда, Момотяка, на Руси поначалу называли не царем (ханом), а царевичем. Момотяк, будучи союзником Дмитрия Шемяки, враждовал с Василием Темным. Но, после того как Шемяка был побежден, а потом бежал в Новгород и там умер, отношения между Москвой и Казанью наладились. До нас дошла грамота митрополита Ионы, в которой он благодарит Момотяка за то, что тот не причиняет зла русским купцам. В 1456 году Момотяк с казанским войском был приглашен Василием Темным для похода на Новгород Великий, где укрылась семья Шемяки.

После победы над новгородцами Василий Темный весной 1458 года снарядил рать на Вятскую землю, чьи жители тоже поддерживали Шемяку и не раз нападали на северные московские владения: Устюг, Усть-Вымь в Малой Перми, волости по Вычегде и Сусоле. Этот поход был неудачным. Но в следующем, 1459 году московские воеводы все-таки подчинили Вятку.

Поначалу из Москвы на Вятку попадали кружным путем — через Вологду и Устюг. Гораздо быстрее можно было добраться из Галича. Однако здесь требовалось пройти через земли, населенные марийцами. Попытки русских закрепиться здесь вызвали конфликты и с марийцами, и с Казанью. В 1462 году черемисская рать с казанскими татарами ходила в поход на Устюг. В ответ Иван III послал «на черемису» войска из Вологды, Устюга и Галича. Московская рать успешно дошла до Вятки. Там она не остановилась, а двинулась вверх по Каме в Пермь Великую, находившуюся в сфере влияния Казанского ханства. Так в 1460-е годы между Московским государством и Казанским ханством началась борьба за богатый пушниной Пермский край.

Русские с древних времен посещали эти места. Малая Пермь, где жили коми-зыряне, с XII века находилась в даннической зависимости от Новгорода Великого. В XIV веке туда от Устюга по реке Вычегде нача-

ли проникать москвичи, к середине XV века закрепившие значительную часть Малой Перми за собой. Теперь Иван III проложил путь в Пермь Великую, к коми-пермякам. А в 1465 году он отправил русское войско из Устюга еще дальше — в Югру.

Безопасный вывоз мехов из Перми Великой был возможен только в том случае, если в Казани будет править дружественный государь. Поэтому, когда скончался хан Халиль (сын Момотьяка) и часть казанцев пригласила на трон жившего в России царевича Касима, державшего Городец Мещерский, Иван III охотно дал ему в помощь войско (сентябрь 1467).

Будучи сыном основателя казанской династии — Улу-Мухаммеда — Касим имел законные права на престол. Но большинство казанцев подержало брата Халиля — Ибрагима. Тот «со всеми князьями и с силой своей» не дал русско-татарскому войску Касима переправиться на левый берег Волги. Пришлось царевичу возвращаться ни с чем.

Стоило Касиму отойти, как Ибрагим в тот же час бросил своих людей на Галич. Но этот набег не стал для русских неожиданностью. Иван III заблаговременно выслал заставы в Галич, Кострому, Муром и Нижний Новгород, повелев своим воинам «сидеть там в осаде, стеречься от Казани».

После этого нападения казанцев великий князь московский 6 декабря 1467 года направил свою рать во главе со служебным князем Семёном Романовичем Ярославским из Галича «черемису воевать». Цель похода состояла в том, чтобы оттеснить марийцев от Ветлуги, сделав безопасным путь из Галича на Вятку. Одновременно из Мурома и Нижнего Новгорода были двинуты войска на марийские земли по Волге. Главной же рати во главе с самим Иваном III был назначен сбор во Владимире.

Чтобы сорвать ее выступление в поход, татары весной 1468 года нанесли несколько отвлекающих ударов по пограничным костромским, устюжским и муромским землям, уведя много пленников. Но Иван III все-таки решил отправить свои войска на Казань. Главный удар наносили две судовые рати. Одна из них должна была плыть по Волге от Нижнего Новгорода. Другой предстояло проделать долгий путь через Вологду, Устюг и по реке Моломе до Вятки. В устье Моломы, у Котельнича, с московским войском соединились вятчане, чтобы вместе (по Вятке и Каме) обрушиться на Казань с тыла.

Но хан Ибрагим сумел помешать вятчанам участвовать в этом походе, двинув свои войска на их родные места. Узнав об этом, большинство

вятских воинов вернулось домой. Однако воспротивиться казанцам они не смогли — тех было слишком много. В итоге Вятка признала власть хана Ибрагима.

Тем временем воеводы великого князя по Каме подошли к окрестностям Казани. Но судовая рать из Нижнего Новгорода, видимо, уже успела здесь побывать и возвратиться обратно. Поэтому после череды сражений русским отрядам, пришедшим со стороны Устюга, пришлось туда же и возвращаться (но еще более дальним путем — по Каме через Великую Пермь).

Неудача кампании 1468 года была вызвана несогласованностью действий волжской и камской судовых ратей, а также недостаточным количеством войск. Эти ошибки Иван III попытался исправить на следующий год. Весной 1469 года в Нижний Новгород было направлено огромное число воинов. Из Москвы послали всех, кто мог носить оружие, включая купцов. Сюда же прибыли муромцы, владимирцы, суздальцы, ярославцы, ростовцы, костромичи, представители других городов. Общее руководство возлагалось на Константина Беззубцева.

Другое войско опять было направлено со стороны Устюга на Вятку. Его начальник, князь Даниил Ярославский, должен был уговорить вятчан разорвать договор с ханом и вместе с москвичами идти на Казань. Но вятчане сказали, что не будут помогать ни казанцам, ни москвичам. В этих условиях выступление рати, собравшейся в Нижнем Новгороде, пришлось отложить. Иван III прислал Беззубцеву грамоту с приказом ему с войском оставаться в Нижнем Новгороде, отправив в отвлекающий набег на ханство только добровольцев. Причем к самой Казани ходить им не рекомендовалось — это было слишком опасно и чревато поражением. Однако в числе добровольцев оказалось почти все находившиеся в Нижнем Новгороде воины. И все они изъявили желание идти на саму Казань.

Летописные известия об этих событиях содержат важные сведения о Нижнем Новгороде середины XV века. Они могут служить аргументами в пользу точки зрения Н.Н. Грибова о том, что в это время существовали два Нижних Новгорода: Нижний Новгород Меньшой (маленькая крепость слева от въезда на нынешний метромост с нагорной стороны) и Нижний Новгород Старый (руины города XIV века на территории современного кремля). Софийская вторая летопись сообщает, что участники похода «из Оки» поплыли на судах «под Новгород Старый». Это значит, что первоначальная стоянка судов была на Оке под «Нижним Новгородом Меньшим».

Флотилия встала под церковью Николы на Бечева. Здесь начиналась бурлацкая тропа — бечева. Отсюда же было можно пройти на верхний посад. Так и сделали русские ратники. Они поднялись в гору и проследовали «к старой церкви Преображения Господня». Летописец имел в виду Спасо-Преображенский собор. После молебна в нем русское войско вернулось к церкви Николы на Бечева и к своим судам. Здесь было устроено собрание всех ратников. Поскольку Беззубцев, согласно приказу Ивану III остался в Нижнем Новгороде, воины избрали нового предводителя. Им стал опытный воевода Иван Руно, отличившийся в прошлогоднем походе.

Вопреки запрету великого князя Руно направил свою судовую рать прямо на Казань. На ранней заре 21 мая 1469 года русские суда подошли к столице ханства, обрушившись на ее посад. Там было освобождено много русских пленников. Однако саму крепость взять не удалось. Иван Руно стоял под Казанью больше недели. Тут подоспел из Нижнего Новгорода Беззубцев, видимо получивший соответствующее распоряжение Ивана III. Он послал гонца в Вятку, чтобы оттуда тоже был нанесен удар по Казани. Однако ответа из Вятки все не было. Между тем припасы у русских заканчивались. И Беззубцеву пришлось увести судовую рать обратно в Нижний Новгород, не дождавшись воинов Даниила Ярославского. Между тем они вскоре подошли и оказались один на один с татарским войском. С большими потерями им удалось прорваться через Казань к Нижнему Новгороду. При этом князь Даниил Ярославский погиб.

Иван III не смирился с этим поражением и попытался переломить ход войны. Из Нижнего Новгорода великий князь направил новое войско на Казань. Оно состояло из судовой и конной рати. Во главе был поставлен брат Ивана III — Юрий. Взять Казань опять не удалось. Однако Юрий сумел добиться от Ибрагима освобождения всех русских пленников «за сорок лет». Можно полагать, что, согласно договору, казанский хан отказался от власти над Вятской землей.

Переселение новгородцев в Нижегородский край. В 1470-е годы внимание Ивана III было отвлечено от Казани новгородскими делами. В это время Московское государство постепенно подчиняло Новгород Великий. Новгородским князем тогда был Василий Шуйский, по прозвищу Гребенка. Это был потомок нижегородских князей. В свое время он не захотел подчиняться Москве и уехал в Псков, а в 1455 году его пригласили на княжение новгородцы.

Осенью 1477 года Василий Гребенка возглавил оборону Новгорода от московских войск. Он сильно укрепил город. Однако новгородцы решили не воевать, а покориться. Они начали переговоры об условиях своего подчинения московскому государю. Тогда Гребенка 27 декабря 1477 года сложил с себя крестное целование Новгороду и отъехал в стан Ивана III. Московский государь любезно принял старого воина и дал ему в управление его родной Нижний Новгород, где Василий Гребенка-Шуйский не был почти тридцать лет.

Вместе с ним в нижегородскую землю приехало много новгородских бояр. В январе 1478 года они перешли на службу к Ивану III, а тот местом службы многих из них определил нижегородское пограничье. Там они получили поместья. Наиболее известные нижегородские помещицы фамилии новгородского происхождения — это Жедринские и Доможировы.

В Нижний Новгород была сослана и яростная поборница новгородской независимости Марфа Борецкая. Здесь она стала монахиней Марией Воскресенского женского монастыря.

Переселение новгородцев дало толчок к возрождению запустевших в течение XV века нижегородских земель. Постепенно стал заселяться и отстраивался долгое время заброшенный Нижний Новгород Старый.

Нижний Новгород и московско-казанские отношения в 1470–1490-е гг. За новгородским походом Ивана III внимательно наблюдали в Казани. Когда великий князь московский зимой 1477 года стоял под Новгородом, в Казань пришло ложное известие о его поражении, ранении и бегстве. Тут же хан Ибрагим отправил казанское войско в поход на подчиненную Москве Вятку (февраль 1478 года). В ответ весной 1478 года Иван III двинул против Казани по Волге свой речной флот. Местом сбора судовой рати, как обычно, стал Нижний Новгород. Начальником флотилии великий князь назначил известного воеводу Василия Федоровича Симского-Образца. Ибрагиму пришлось послать челобитную к московскому князю с просьбой о мире. Для него это стало сильным потрясением. В 1479 году Ибрагим ушел из жизни.

Ибрагим имел отпрысков от двух жен. От царицы Фатимы у него был сын Алегам. От царицы Нур-Султан — дети Мухаммед-Эмин и Абдул-Латиф. Главным претендентом на престол считался подошедший к тридцатилетию Алегам. У Мухаммеда-Эмина тоже имелись сторонники, желавшие видеть десятилетнего царевича на троне. Однако казанцы предпочли зрелого мужа мальчику. Новым казанским ханом стал Алегам. Тогда Иван III пригласил Мухаммед-Эмина в Россию и дал ему в

управление богатый город Каширу. Это было дальновидное решение. Теперь сторонники Мухаммеда-Эмина стали опорой Ивана III в Казани. Еще одним мудрым шагом великого князя московского стало заключение союза с крымским ханом Менгли-Гиреем. У них был общий противник — хан Большой Орды Ахмат. Союзнические отношения с Крымом помогли Московскому государству сбросить зависимость от Большой Орды (1480) и противостоять Литве.

Укреплению московско-крымского союза всячески способствовала царица Нур-Султан. Ведь сама она с маленьким сыном Абдул-Латифом пребывала в Крыму (став супругой Менгли-Гирея), а ее первенец, Мухаммед-Эмин, жил в России.

Через несколько лет Мухаммед-Эмин достиг совершеннолетия. Теперь он с полным основанием мог занять казанский трон. И тогда Иван III собрал большое войско и двинулся в поход на Казань (1482). Конная рать во главе с самим великим князем остановилась во Владимире. Судовая рать вместе с пушками была отправлена в Нижний Новгород. Пушкарями командовал знаменитый зодчий и артиллерист Аристотель Фиорованти. Алегам был устрешен этими приготовлениями и отправил послов «с челобитьем». Видимо, его предложения были настолько выгодными, что Иван III ими удовлетворился, оставив на время мысль о возведении на трон Мухаммеда-Эмина. Поход был отменен.

Однако при первом же удобном случае Иван III все-таки добился замены Алегама Мухаммедом-Эмином. При этом великий князь московский сумел опереться на казанских сторонников царевича, которым на помощь было послано русское войско (1485). Но Алегам не смирился со своим низложением, тем более что у него оставалось много приверженцев. Он бежал в Ногайскую орду, вернулся оттуда с войском и зимой 1487 года изгнал из Казани Мухаммеда-Эмина.

Ивану III пришлось опять готовиться к походу на Казань. Вновь были собраны конная и судовая рати. Вместе с русскими в походе участвовали татары Мухаммеда-Эмина. В июле 1487 года Казань была взята. Алегама с женою отправили в ссылку в Вологду. Казанским ханом стал Мухаммед-Эмин, которого Иван III называл своим «братом и сыном». С этого времени повелось, что казанский хан является «подручником», вассалом московского государя и что великий князь московский распоряжается судьбой казанского трона.

Теперь с Казанью были установлены дружественные и выгодные для Московского государства отношения. Это благоприятно сказалось на положении нижегородских земель. Жизнь здесь стала более безопасной,

что способствовало росту населения Нижегородского края. Этому целенаправленно содействовал и Иван III. В 1489 году он переселил сюда из Новгорода Великого значительное число бояр и купцов.

Предание связывает с ними возрождение солеварения в районе современной Балахны. Это место в начале XV в. называлось Солью-на-Городце, но, вместе с Городцом оно было разорено Едигеем и запустело.

Как уже отмечалось выше, в середине XV века здешние места стали заселять пришельцы из Мещерской земли. Мы полагаем, что с ними связано появление названия «Балахна». А за поселением новгородских колонистов, возникшем в 1489 году вокруг здешних соляных варниц, закрепилось название «Соль-на-Балахне».

Соль в те времена чрезвычайно ценилась, и возобновление соледобычи увеличило экономическое значение Нижегородского края. Развивались и другие отрасли хозяйства. Начали распахиваться новые земли. Постепенно набирала обороты торговля. Роль Нижнего Новгорода возросла еще и в связи с тем, что по велению Ивана III с 1489 года только через него допускался въезд в Московское государство из Казани. (Ранее действовали пути через юг современной Нижегородской области — на Муром или Рязань). На нижегородской таможене с прибывавших купцов взималась пошлина.

Все дипломатические сношения с Казанью также осуществлялись через Нижний Новгород. Здесь же Мухаммед-Эмин в случае необходимости мог получить и военную поддержку, и укрытие. Так, в 1495 году через Нижний был отправлен отряд войск, чтобы помочь Мухаммеду-Эмину отразить нападение двигавшегося на Казань сибирского царевича Мамука. Мамук, узнав об этом, приостановил свое наступление. Полагая, что опасность миновала, русский отряд покинул Казань. Но на следующий год Мамуку все-таки удалось изгнать Мухаммеда-Эмина из Казани. Свергнутый хан был вынужден бежать в Нижний Новгород.

Между тем немилосердный Мамук скоро разочаровал казанцев. Казанские вельможи изгнали его и тут же направили своего представителя в Москву, чтобы Иван III простил их измену и прислал нового хана, только не Мухаммеда-Эмина. Великий князь московский исполнил их просьбу. В 1497 году он отправил в Казань Абдул-Латифа, младшего брата Мухаммеда-Эмина.

Как мы помним, Абдул-Латиф провел детство в Крыму. По достижении совершеннолетия он приехал в Москву (1493), где ему в кормление был дан Звенигород. Теперь (1497) Абдул-Латиф стал казанским ханом. А его брат Мухаммед-Эмин остался в России, управляя Каширой

и Серпуховом и участвуя в походах московского войска. Например, в 1500 году он принял участие в войне с Литвой.

Постройка Тверской башни. Война эта была чрезвычайно успешной для России. В сражении при реке Ведроши (июль 1500) русские одержали блестящую победу. Решающую роль в битве сыграл выдающийся полководец Даниил Щеня с тверской ратью. В плен попало несколько сот литовцев. Щеня привел их в Нижний Новгород, где они должны были содержаться. Однако в Нижнем Новгороде Меньшом такое большое число пленников поместиться не могло. Потребовалось возобновить укрепления Нижнего Новгорода Старого. Их начали строить 1 сентября 1500 года с башни, названной Тверской (видимо, в память о тверских ратниках, вместе с Даниилом Щеней доставивших пленных литовцев в Нижний).

У историков нет единого мнения, где располагалась Тверская башня и какая она была — деревянная или каменная. Некоторые исследователи (Н.И. Храмцовский, С.Л. Агафонов) высказывали догадку, что Тверская башня — это нынешняя Ивановская. И.В. Нестеров обратил внимание на документы 1770 г. и XIX века, в которых Тверской называют современную Кладовую башню.

Как раз на месте Кладовой башни мог быть въезд с Муромской дороги (нынешняя улица Большая Покровская) в деревянный кремль XIV века. И начинать строительство здесь было разумнее всего.

Материалом для постройки Тверской башни, скорее всего, являлось дерево. Сооружения из камня тогда было столь редким явлением, что будь эта башня каменной, летописец бы непременно упомянул об этом.

Поход Мухаммеда-Эмина на Нижний Новгород (1505 г.). Постройка новой крепости была в высшей степени своевременной. В 1502 году возникло напряжение в русско-крымских отношениях и осложнилось положение в Казани.

В конце 1501 года в Москву приехали казанские вельможи, которые жаловались на своего хана Абдул-Латифа. Тут же в Казань отправилось русское посольство. В январе 1502 года оно низложило Абдул-Латифа и отвезло его в Россию, где он был сослан в Белоозеро. Это, естественно, крайне огорчило мать Абдул-Латифа, крымскую ханшу Нур-Султан.

На казанский трон по желанию Ивана III был возведен старший брат Абдул-Латифа — Мухаммед-Эмин. Но он уже не был такой надежной опорой Москвы, как прежде. Его не могла не тревожить судьба сосланного брата. Кроме того, Мухаммеда-Эмина настраивала против России его жена, вдова бывшего казанского хана Алегамы.

Другой супруге Мухаммед-Эмина, дочери ногайского князя, вероятно, тоже не нравилась политика Ивана III. Ногайцы были недовольны тем, что им запретили гонять на продажу табуны своих коней через Мещеру на Муром. Иван III требовал, чтобы все въезжали в Россию из Казанского ханства через Нижний Новгород, платили там пошлины и только потом уже направлялись в Муром.

Такой порядок раздражал и казанских купцов. Разрушение Нижнего Новгорода позволило бы ногайским и казанским торговцам ввозить товары в Россию напрямую через Муром, не переплачивая и не теряя время. К тому же поход на Нижний Новгород сулил захват богатств и рабов. Поэтому в Казани становилось все больше сторонников разрыва с Россией. И Мухаммед-Эмин волей-неволей должен был учитывать их мнение.

Отказу Мухаммеда-Эмина от союза с Россией способствовало и то, что в придворной борьбе, развернувшейся вокруг того, кто будет наследником московского престола, казанский хан оказался на стороне опального Дмитрия — внука Ивана III. Взятый верх великий князь Василий Иванович (будущий Василий III), таким образом, стал для Мухаммеда-Эмина недругом.

Исходя из всего этого, Мухаммед-Эмин решился на открытый конфликт с Москвой. В июне 1505 года по приказу хана были схвачены русские послы. Купцы из России, приехавшие в Казань на ярмарку, были ограблены. Часть из них убили, часть продали в рабство.

В Москве были чрезвычайно обеспокоены этими событиями. В Муром была выслана застава князя Ивана Горбатого и боярина Семена Воронцова. Затем туда подошли союзные России касимовские татары во главе с царевичами Салтык-джаном и Джан-аем. Общее командование было поручено князю Василию Даниловичу Холмскому.

Рати Холмского должны были, с одной стороны, предотвратить прорыв казанцев к Владимиру и Москве, а с другой — оказать помощь Нижнему Новгороду, на который Мухаммед-Эмин обрушил свой главный удар.

30 августа 1505 года казанские татары во главе с Мухаммед-Эмином переправились через Суру. Вместе с ними в походе участвовали ногайцы с правителем одного из уделов (мурзой), сыном ногайского князя и шурином казанского хана. В начале сентября казанцы и ногайцы появились у стен Нижнего Новгорода и сожгли посады, стоящие у города. Затем они раскинули шатры у его стен и почти ежедневно пытались приступом взять город. Кроме того, часть сил Мухаммед-Эмина время от времени совершала рейды в направлении Муромы, разоряя русские земли по правому берегу Оки.

Нижегородским наместником тогда был Иван Васильевич Хабар-Симский, молодой и решительный воевода. Он не пал духом, хотя в его распоряжении было очень мало воинов, а в городе царило уныние. Поскольку помощь из Муром на выручку нижегородцам все не шла, Хаббар Симский вооружил томившихся в темницах литовских пленников, «огненных стрельцов», как называет их летописец, т. е. бойцов умевших обращаться с огнестрельным оружием. В Средние века таких людей было мало, и они очень ценились.

Получившие свободу литовцы вместе с русскими ратниками совершили неожиданную вылазку и нанесли большой урон противнику. После этого осажденные уже не давали покоя воинам Мухаммеда-Эмина, нападая на них каждую ночь. Кроме того, литовцы вели опустошительный огонь из крепости. Один меткий выстрел принес нижегородцам избавление от врага. По сведениям писателя П.И. Мельникова-Печерского, много занимавшегося древней нижегородской историей, его сделал Федя Литвич. Вот как это произошло.

В начале октября Мухаммед-Эмин со своим шурином, ногайским мурзой, стояли на Ильинской горе, наблюдая за непокорным городом. Вдруг прямо в сердце мурзе ударило ядро, выпущенное из нижегородской пушки. Ногайцы, стоявшие в отдалении, увидели, как их вождь упал наземь мертвым.

Они заподозрили, что его убили казанцы и набросились на них. Мухаммеду-Эмину едва удалось остановить побоище. После этого он снял осаду и 6 октября 1505 года ушел в Казань.

На месте, где, по преданию, упало ядро, поразившее ногайского мурзу, нижегородцы возвели церковь во имя Ильи Пророка, покровителя пушкарей. От нее получила название Ильинская улица.

В награду за свой подвиг все литовские стрельцы получили свободу. Но мало кто из них ушел в свою землю. Многие из них остались в Нижнем Новгороде. Они построили дома на волжском откосе, около нынешнего Георгиевского съезда. От их поселения улицы по горе получили название «Панские» (панами на Руси называли выходцев из Литвы и Польши).

3.2. Нижегородский край на страже границ России (первая треть XVI в.)

Начало строительства Нижегородского кремля. Стены Нижегородского кремля. Архитектурные особенности башен Нижегородского кремля. Названия башен Нижегородского кремля.

Нижний Новгород и отношения Московского государства с Крымским и Казанским ханствами в 1515–1521 гг. Нижний Новгород и казанские походы Василия III.

Начало строительства Нижегородского кремля. В 1505 году на престол взошел сын Ивана III – Василий III. Василий ознаменовал начало своего правления походом на Казань (апрель–июнь 1506). Это был ответ на недавнюю попытку Мухаммеда-Эмина взять Нижний Новгород. Однако и русская судовая рать, и конница под Казанью были разбиты и отступили обратно в Нижний.

Несмотря на свою победу, татары решили помириться с русскими. Весь 1507 год шли переговоры. Наконец соглашение было заключено. В 1508 году Мухаммед-Эмин освободил томившихся в заточении русских послов и купцов. В свою очередь Василий III вернул из ссылки брата казанского хана — Абдул-Латифа, дав ему в кормление город Юрьевец (ныне в Ивановской области). Возобновились и мирные отношения с ногайцами. В 1508 году Василий III разрешил им пригонять на продажу свои конские табуны в Москву. Причем прямо через Муром, минуя Нижний Новгород.

Впрочем, нельзя было исключать, что в будущем распри с ногайцами, Крымом и Казанью вспыхнут вновь. На этот случай Василий III, воспользовавшись мирной передышкой, озаботился укреплением границ государства. К этому важному делу были привлечены венецианские зодчие, приехавшие в Россию в 1504 году. Наибольшую известность из них получили Алевиз Новый и Петр Френчушко Фрязин (фрязинами на Руси называли итальянцев). С 1505 по 1508 год они были заняты на строительстве храмов и великокняжеского дворца в Московском Кремле. А весной 1508 года Василий III поручил Алевизу Новому вырыть ров от реки Неглинной до Москвы-реки, сделав, таким образом, Московский Кремль неприступной крепостью, окруженной со всех сторон водой.

В то же лето, как сообщают летописцы, великий князь повелел заложить Нижний Новгород «град камен», т. е. построить в Нижнем Новгороде каменную крепость. Руководить работами должен был Петр Френчушко Фрязин. Осенью 1508 года Василий III послал Петра Фрязина в Нижний Новгород с приказом «рвы копати, куда быти стене каменной». Были заложены огромные траншеи глубиной до 2,5 метров под основание кремлевской стены.

Возвести каменные стены решили снаружи существовавшего деревянного кремля. Но это означало, что в случае нападения врага строители будут беззащитны. Поэтому, чтобы обеспечить безопасность стройки, ее обложили острогом — внешней линией перевозомляных укреплений.

Остроги на Руси умели делать быстро. Эта технология была хорошо отработана. Сначала копали ров. Из вынутой земли насыпали вал (осьпь). В гребень вала вбивали плотный ряд заостренных сверху бревен. Через ров перекидывали мост. Его обороняла деревянная проездная башня с воротами.

Под защитой острога началось возведение уже самих стен и башен кремля. По первоначальному плану он, как и стоявшие здесь прежде деревянные крепости, должен был находиться на вершинах Часовой и Спасской гор. Но Василий III, который в 1509 году лично приехал в Нижний Новгород, велел «стены гратцкие внис прибавить». Смысл этого решения великого князя состоял в том, чтобы защитить нижний посад. Зодчим пришлось решать сложнейшую задачу: возводить стены на спуске с горы. Они с ней блестяще справились.

В строительстве Нижегородского кремля вполне могли участвовать псковские мастера (В Пскове знали толк в каменном деле.) На эту мысль наводит летописная запись о том, что в 1510 году Василий III «учинил» перевод людей из Пскова в Нижний Новгород. Соединение смекалки и знаний русских и итальянских зодчих позволило создать до сих пор восхищающее нас своей красотой сооружение — величественный Нижегородский кремль. Опыт и технологии, полученные при его возведении, были использованы в ходе постройки Тульского (1514–1520), Коломенского (1525–1531) и Зарайского (1528–1531) кремлей.

Стены Нижегородского кремля. Стены всех этих крепостей сложены из белого бутового камня и красного кирпича. Бутовым камнем (бутом) называют крупные обломки горных пород, преимущественно известняка и песчаника. Из бутового камня сделан фундамент Нижегородского кремля. Бутом заполнена и толща кремлевских стен. Снаружи они обложены в основном кирпичом и лишь внизу облицованы тем же бутовым камнем (известковым туфом), но уже обтесанным: ему придана правильная четырехугольная форма.

Мощные пласты известняка были удобно обнажены на береговых склонах речки Семети (нынешний Кстовский район). Существует предположение, что здесь его ломали. Кирпич же делали рядом с местом стройки из здешней глины. Старинный кирпич имел длину около 30 сантиметров, т. е. был гораздо больше и тяжелее современного.

Наружная кирпичная кладка от низа до линии белокаменного полуваля, опоясывающей все стены, поднимается под небольшим углом. Это делало основание стены более широким и устойчивым и улучшало естественный сток воды. От белокаменного полуваля стена идет вверх строго вертикально. С внутренней стороны стена вся прямая, и в ней сделаны углубления в виде арок. Без них потребовалось бы гораздо больше кирпича, а значит, и времени на строительство. Но зодчие дорожили каждым днем. Ведь враг мог нагрянуть в любой час. При этом благодаря аркам верх стены получился настолько широким, что по нему можно было пустить просторный боевой ход.

Вдоль него перемещались защитники крепости. От попадания вражеских стрел в наиболее уязвимые места их предохранял парапет — перила толщиной в два кирпича и высотой 90 см. На парапете возвышались зубцы, за которыми можно было спрятаться в полный рост. Пространство между зубцами закрывали съемные деревянные щиты — «заборала». В каждом пятом зубце имелась бойница. Она предназначалась для стрельбы из ручной пищали, лука или самострела (арбалета). Снаружи бойница представляет собой щель шириной 11–14 см. Изнутри к ней примыкает треугольная ниша, позволяющая стрелку свободно перемещать оружие и занимать наиболее удобную позицию. Любой участок земли на расстоянии от 24 до 36 м от стены простреливался сразу из трех бойниц. Так что при промахе одного стрелка два других могли поразить врага. Если противник подобрался к стене, по нему можно было вести огонь из бойниц «подошвенного боя», находившихся в самом низу. Кроме того, прорвавшегося к стене противника ждал убийственный боковой огонь с башен.

Архитектурные особенности башен Нижегородского кремля. В старинных деревянных крепостях нередко ограничивались одной башней, защищавшей городские ворота. Когда появилось огнестрельное оружие, стали строить много башен. Причем так, чтобы они выходили за линию стен. Тогда можно было вести огонь по нападающим сбоку.

В Нижегородском кремле башни выступают за линию стен очень значительно. Они лишь касаются их, не прерывая боевой ход. Такое расположение создавало прекрасные возможности для эффективного флангового огня и соответствовало последним достижениям мировой военной науки.

Всего в Нижегородском кремле было 14 башен. Приведем их современные, наиболее употребительные названия: Дмитровская башня, Дмитровская отводная стрельница (ныне не существует), Кладовая баш-

ня, Никольская башня, Коромыслова башня, Тайницкая башня, Северная башня, Часовая башня, Ивановская башня, Белая башня, Зачатская башня, Борисоглебская башня, Георгиевская башня, Пороховая башня. Восемь из них были круглыми (Кладовая, Коромыслова, Тайницкая, Северная, Часовая, Белая, Борисоглебская, Пороховая), пять — квадратными (Дмитровская, Никольская, Ивановская, Зачатская, Георгиевская), а одна — пятиугольной (Дмитровская отводная стрельница).

Квадратные башни, в отличие от круглых, имели ворота. Основные, постоянно использовавшиеся ворота, находились в Дмитровской и Ивановской башнях. Остальные ворота предназначались для вылазок против врага в военное время.

Ворота были самым уязвимым местом крепости. Поэтому их постарались хорошо защитить. Чтобы добраться до Дмитровских, Георгиевских или Никольских ворот, противнику требовалось преодолеть ров, протянувшийся от Георгиевской до Коромысловой башни. Его ширина составляла 30 метров. Глубина местами достигала 4 метров.

Через ров к Никольской и Георгиевской башням были перекинuty деревянные мосты. В случае угрозы их можно было довольно быстро уничтожить. Если же по каким-то причинам сделать этого не удалось и враг захватил мост, все равно выйти прямо к воротам противник не мог. Ведь мост не доходил до ворот башни. Между ним и воротами оставался пятиметровый промежуток, который перепрыгнуть было практически невозможно. Сюда в мирное время опускали подъемный мост. Это был тяжелый щит из бревен. Цепями он крепился к двум рычагам — деревянным брусам длиной более 6 метров каждый. Поднятый с их помощью вверх, мост закрывал проем ворот и точно утапливался в специальное углубление в стене башни. Рычаги двигались в вертикальных пазах, которые хорошо видны в Георгиевской и Никольской башнях.

Мост, который вел к главным воротам — Дмитровским, был каменным. Захват его врагом нельзя было допускать ни в коем случае. Поэтому вход на него защищала особая «отводная» башня — пятиугольная Дмитровская стрельница. Она была окружена своим рвом шириной 14 метров.

Хотя углов в стрельнице было пять, стен построили лишь четыре. Сторона, обращенная к кремлю, не была защищена стеной, чтобы укреплением не мог воспользоваться противник, даже если бы он его захватил. Следует отметить, что ворота стрельницы были в боковых стенах. Так что штурмующий их враг со стен кремля был виден как на

ладони. Две дальние от кремля стены образовывали угол, направленный острием в сторону поля.

С каменного арочного моста, который обороняла стрельница, в Дмитровскую башню можно было попасть только через подъемный мост. Так же, как в Никольской, Георгиевской и прочих квадратных башнях, его полотнище в случае опасности ставилось вертикально. Тем самым оно преграждало атакующим вход в наружный проем башни. Изнутри этот проем, как и в других проездных башнях, закрывали створные ворота, обитые железом.

Внутри башен имелось по четыре яруса-этажа. Они назывались боями. Верхний бой — это завершающая башню площадка под крышей. Для ведения огня по противнику там были приспособлены большие окна между зубцами и бойницы в зубцах. Ниже располагались два яруса среднего боя. Четвертый, самый близкий к земле этаж назывался подошвенным боем. Для стрельбы с подошвенного и среднего боя в толще стены были сделаны боевые окна, обрамленные белым камнем. Камни были особым образом сточены, чтобы обеспечить обороняющим крепость наибольшую защиту от вражеского огня.

К каждому окну примыкало помещение для стрелка — печура (другое название — каземат). В печурах устанавливали артиллерийские орудия — пищали. Казематы были оборудованы вентиляционными каналами для отвода дыма и пороховых газов, образующихся при стрельбе.

Наиболее уязвимым местом обороны Нижегородского кремля являлся равнинный участок от Георгиевской до Коромысловой башни. Тут для штурмующих не было никаких естественных преград. Именно поэтому строители кремля воздвигли здесь наибольшее количество башен.

Приступ со стороны Почайны представлялся маловероятным. Соответственно участок стены, возвышающийся над крутым почайнским оврагом, защищали только две башни — Тайницкая и Северная. Обе они круглые, поскольку вылазки здесь были нецелесообразны. А значит, и ворота в башнях не требовались.

Зато ворота были сделаны в стене между ними. Через эти ворота из кремля ходили за водой на Почайну. Ведь Нижегородский кремль стоял на горе. Подземные воды находились далеко внизу. Поэтому колодцы здесь не рыли, а воду для питья брали из реки. Но в военное время безопасный спуск к Почайне был невозможен. И на случай осады был вырыт тайный подземный ход к воде — тайник. Он шел из башни, получившей в связи с этим наименование Тайницкой.

Интересно, что башни с таким названием имелись также в Московском, Тульском, Коломенском и Зарайском кремлях. Все эти крепости тоже были построены на возвышенностях и имели тайные ходы к водным источникам.

Следующая за Тайницкой — Северная башня — расположилась над устьем Почайнского оврага. Она действительно должна была стать самой северной точкой кремля — от нее стена направляется на юго-восток. Однако в эту сторону она идет всего 39 метров — до Часовой башни, от которой резко поворачивает на северо-восток и спускается вниз по горе.

Ученые до сих пор спорят, почему Северная и Часовая башня расположены так близко друг к другу. Ведь это не вызывалось военной необходимостью. Видимо, изначально зодчие намеревались вести стену от Северной башни на юго-восток, над нынешним Ивановским съездом, мимо того места, где сейчас Вечный огонь. Однако повеление Василия III «стены гратские внис прибавить» нарушило план строителей. Для того чтобы обеспечить поворот стены вниз им пришлось возводить дополнительную башню — Часовую. (На ней будут установлены городские часы.)

Гора, на которой высится эта башня, тоже получила имя Часовой. По ней кремлевская стена огромными уступами спускается вниз. Участок стены между двумя башнями в старину назывался «прясло» Примыкающее к Часовой башне прясло — самое живописное в кремле. Оно восхищает специалистов инженерной смелостью решения труднейшей задачи — создать устойчивое сооружение на грунте, подверженном оползням.

Это прясло примыкает к Ивановской башне. С нее начинается нижний участок кремлевской стены. Он включал 4 башни: Ивановскую, Белую, Зачатскую и Борисоглебскую. Две из них были квадратными и имели ворота. Это Ивановская и Зачатская башни.

Ивановская башня — самая большая и мощная на этом участке. Она господствовала над Нижним посадом и пристанью. Названный участок был равнинным и удобным для атаки. Поэтому башню защитили рвом. Через ров был перекинут деревянный мост. Как и в других проездных башнях, он не доходил до ворот. Между ним и воротами оставался промежуток, куда в мирное время на цепях, прикрепленных к мощным брусьям-рычагам, опускали подъемный мост. Вертикальные пазы, по которым ходили эти рычаги, прекрасно видны на фасаде Ивановской башни.

Так же, как в Дмитровской, Никольской и Георгиевской башнях, в Ивановской башне мост, поднятый с помощью рычагов вверх, закрывал проем ворот. Изнутри этот проем защищали створные ворота.

Следующим препятствием для врага в проездных башнях были опускавшиеся сверху решетки — *герсы*. Герса несколькими цепями крепилась к огромному бревну (напоминающему ворот в деревенском колодце). Когда ворот крутили, решетка шла вниз или поднималась. Сейчас герсы восстановлены только в Ивановской башне, поскольку она приспособлена под музей. Решеток было по две в башне, и они могли стать смертельной ловушкой для первой группы штурмующих. Ни вперед, ни назад для врагов, отрезанных герсами от основной массы осаждающих, ходу не было. А сверху из двух специальных отверстий на них лили «вар» (кипяток) и вели огонь прямой наводкой.

От Ивановской башни стена идет к круглой Белой башне. Следующий далее участок стены к XVIII веку был разрушен оползнями. В XVIII веке руины стоявших на нем Зачатской и Борисоглебской башен разобрали. Но во второй половине XX века во время грандиозной реконструкции кремля Борисоглебская башня была воссоздана (в 1972–1974 годах). А в 2011–2012 годах заново построили и Зачатскую башню. Таким образом, кольцо кремлевских стен было восстановлено.

Названия башен Нижегородского кремля. *Вопроса о происхождении наименований башен Нижегородского кремля касались авторы общих трудов по его истории — И.А. Кирьянов и С.Л. Агафонов. Специальную работу этому посвятил И.В. Нестеров. Ниже мы в основном опираемся на его изыскания. В скобках приведены годы, в которые данная башня упоминается под указанным именем в источниках.*

Дмитровская башня (1621). Названа по близлежащей церкви Дмитрия Солунского (в будущем — Благовещенский собор).

Кладовая башня (1765). Использовалась как склад боеприпасов и вооружения. Другие названия: Тверская (1770) — возможно, по своей предшественнице, Тверской башне деревоземляного кремля, построенной в 1500 году; Вознесенская (1621) — по церкви Вознесения Господня на Ильинской горе; Алексеевская (1697) — по близлежащей церкви святого Алексея митрополита; Пороховая (1770); Цейхгаузная (1786).

Никольская башня (1621). Названа по близлежащей церкви Николая Чудотворца.

Коромыслова башня (1621). Другое название — Карамышевская (1827, 1830, 1837) — возможно, переняла от своей предшественницы — башни деревоземляного кремля, как-то связанной с родом нижегород-

ских бояр Карамышевых (упоминаются в источниках первой половины XV века). По нашему мнению, изначально башня называлась Карамышевской или Карамышевой. Постепенно о Карамышевых забыли, и башня из Карамышевой стала Коромысловой. Для объяснения ее названия сложили легенду о нижегородских женищинах, которые полоскали белье, заметили татарский дозор и прогнали его коромыслами, после чего ушло и все татарское войско. В литературной обработке П.И. Мельникова-Печерского «бабы» народной легенды превратились в одну «девицу-красавицу», которая пошла к Почайне за водой и своим коромыслом побила всю татарскую орду. Причем у предводителей татар появились имена Сеит, Булат и Качалей (упоминаемые в Нижегородском летописце в связи с набегом 1521 года). Рассказ Мельникова-Печерского послужил поводом для создания памятника храброй нижегородке, установленного в 1971 году с внешней стороны башни (скульптор В.И. Бебенин).

А.С. Гациский рассказал другое «предание» о том, что кремль стали строить с Коромысловой башни и перед началом работ «для успешного строения» зарыли в землю, прямо с ведрами и коромыслом, девушку, пришедшую на Почайну за водой. Эта жуткая история неправдоподобна и, скорее всего, выдумана самим Гациским.

Тайницкая башня (1765). Название произошло от тайного хода к Почайне. Другие названия: Мироносицкая (1621) — по близлежащей церкви Жен Мироносиц; «на Зелени» (1786) — искаженное от старинного обозначения пороха — «зелье», который тут хранился.

Северная (1770). Считается, что название происходит от слова «север». Другие названия: Сиверская (1765) — возможно, от наименования холодного северо-западного ветра (сиверко); Ильинская (1621) — по близлежащей церкви пророка Ильи; Архангельская (около 1787) — по близлежащему храму архангела Михаила; Зеленская (1798); Николаевская (1855) — Николай I, будучи в Нижнем Новгороде, повелел обустроить ее для себя.

Часовая башня (1621). На ней находились городские часы. Другое название — Александринская (1837) — Николай I повелел обустроить ее для своей жены.

Ивановская башня (1621). Названа по близлежащему храму Иоанна Предтечи.

Белая башня (1765). Ее основание сложено из белого камня. Другие названия: Симеоновская (1621) — по близлежащему Симеоновскому монастырю и храму Симеона Столпника в нем; Белая круглая (1686).

Зачатская башня (1621). Названа по близлежащему Зачатскому женскому монастырю и храму Зачатия Пресвятой Богородицы в нем. Другие названия: Зачатская белая (1621) — по «белому колодезю» рядом с ней; Белая четырехугольная (1686); Духовская (1859) — по близлежащему Духову монастырю и храму Сошествия Святого Духа в нем.

Борисоглебская башня (1621). Названа по близлежащей церкви Святых благоверных князей Бориса и Глеба.

Георгиевская башня (1621). Названа по церкви Святого Георгия рядом с ней.

Пороховая башня (1703). В ней находились два пороховых погреба. Другие названия: Спасская (1621) — по близлежащему Спасо-Преображенскому собору; Кладовая (1770); Преображенская (около 1787) — по Спасо-Преображенскому собору

Нижний Новгород и отношения Московского государства с Крымским и Казанским ханствами в 1515–1521 гг. К 1515 году строительство Нижегородского кремля было закончено. Пока оно шло, между Москвой и Казанью сохранялись мирные отношения. Несколько лет не было вражды и между Московским государством и Крымским ханством. В Москву даже приезжала крымская ханша Нурсултан, где ей оказали большие почести. Она повидалась со своим младшим сыном, Абдул-Латифом, по-прежнему жившим в России. Потом съездила в Казань к старшему сыну, Мухаммеду-Эмину.

Мир между русскими и татарами был не по душе королю Польши и Литвы Сигизмунду I Старому, враждовавшему с Василием III. Польский король направил много золота в Крым с тем, чтобы крымские татары напали на русские земли. И вот в 1512 году сыновья хана Менгли-Гирея один за другим совершили несколько набегов на Русь. Дорога из Крыма в Москву называлась Муравским шляхом. На ней стоял город Тула. Чтобы защитить подходы к своей столице, Василий III в 1514 году повелел построить в Туле каменную крепость. Внешним видом Тульский кремль напоминает нижегородский. Это позволяет предположить, что его возводили зодчие, переведенные из Нижнего Новгорода, где сооружение кремля как раз закончилось.

Между тем противоборство Сигизмунда Старого и Василия III вылилось в большую войну между Русью и Литвой. В ходе ее русские войска в 1514 году отвоевали Смоленск, находившийся под литовской властью. Некоторые смоленские дворяне в это время были переведены на службу в Нижегородский уезд, где им предоставили земельные владения.

В 1515 году умер хан Менгли-Гирей, союзник литовцев. Новый правитель Крыма, Мухаммед-Гирей, готов был поддерживать с Москвой мирные отношения. Но за это он требовал военной помощи от русских в борьбе с враждебным Крыму Астраханским ханством. Кроме того, Мухаммед-Гирей намеревался выпроводить из Крыма своего брата и вероятного соперника Сагиб-Гирея, усадив его на престол в Касимове или Казани. Но Василий III хотел, чтобы между Москвой и Казанью сохранялись те отношения, которые сложились при Иване III. Иначе говоря, чтобы решение о том, кто должен стать казанским ханом принадлежало московскому государю. Поэтому после того как ушел из жизни Мухаммед-Эмин, правителем Казанского ханства в 1519 году при поддержке Москвы был провозглашен касимовский царевич, тринадцатилетний Шах-Али.

Это вызвало протест крымского посольства в Москве. Ведь Шах-Али приходился родственником враждебным Крыму астраханским ханам. Весной 1521 года Мухаммед-Гирей тайно отправил в Казань своего брата Сагиб-Гирея с отрядом в 300 человек. Сторонники Крыма, имевшиеся среди казанцев, провозгласили его ханом. В ходе переворота были убиты русские воины и охранявшие юного Шах-Али касимовские татары. Ограблению подверглись русские купцы. Сам Шах-Али был изгнан и укрылся в Москве.

Это был явный успех Мухаммед-Гирея. Но он им не удовлетворился и лично отправился в поход на Москву, чтобы добиться полного подчинения Василия III. В июне 1521 года крымское войско, обойдя Тулу, перешло Оку и ринулось на русскую столицу. С востока же на русские земли обрушились казанцы. Они явились 21 августа 1521 года и огнем прошли по всему Березополью, дойдя до села Клин, что на Оке (ныне это село относится к Вачскому району). Затем повернули к Нижнему Новгороду, куда добрались через неделю, 28 августа 1521 года.

Как сообщает «Нижегородский летописец», казанские князья «Сеит, да Булат, да Качелей» пришли «под городок», три дня стояли и пошли прочь, «а городу никакого зла не учинили». Под «городком», скорее всего, имеется в виду Нижний Новгород Меньшой. С возведением мощного каменного кремля в нем отпала необходимость. Там перестали держать гарнизон. Поэтому казанцы могли без опасения расположиться в его виду, а потом сжечь. После чего Нижний Новгород Меньшой был окончательно заброшен. В документах конца XVI – начала XVII века его стали называть «старым городком», «старым городищем». Потом о нем совсем забыли.

А вот Нижегородский кремль в августе 1521 года с честью выдержал первую проверку боем. Защитники города во главе с воеводами князем Андреем Дмитриевичем Курбским и Федором Юрьевичем Шукой Кутузовым были настроены решительно. Казанские князья, убедившись в неприступности мощных стен каменного кремля, были вынуждены уйти ни с чем, в гнев предав огню нижний посад и Печерский монастырь.

Зато брат казанского правителя, крымский хан Мухаммед-Гирей, под Москвой добился значительного успеха. Василию III пришлось дать Мухаммед-Гирею грамоту с обязательством платить дань Крыму. От такой напасти Россию избавил бывший нижегородский наместник Иван Васильевич Хабар-Симский. В 1521 году этот герой был воеводой в Рязани. Мухаммед-Гирей, возвращавшийся от Москвы, потребовал от него сдать город, под предлогом того, что сам великий князь московский уже покорился Крымскому ханству, о чем написано в имеющейся у хана грамоте. Хабар-Симский усомнился в существовании такого документа и пожелал лично с ним ознакомиться. А когда грамота была к нему прислана, находчивый воевода ее уничтожил.

Нижний Новгород и казанские походы Василия III. Мухаммед-Гирей так и ушел от стен Рязани в Крым ни с чем. На следующий год (1522) этот воинственный правитель пал от рук ногайцев. Новым крымским ханом стал более миролюбивый Саадат-Гирей. Что касается отношений Москвы и Казани, то в них тоже наметилось потепление. Русские купцы нуждались в торговле на ярмарке под Казанью. Московское государство было заинтересовано в том, чтобы они чувствовали себя в Казани безопасно. Для решения всех спорных вопросов Василий III отправил в Казань своего посла Василия Юрьевича Поджогина.

Однако весной 1523 года он был убит. Погибли также многие русские купцы. Повторились трагические события 1505 и 1521 годов. Стерпеть такое было невозможно.

28 июля 1523 года Василий III с большой ратью вышел из Москвы. Путь его лежал к Нижнему Новгороду. Туда государь всея Руси прибыл 23 августа 1523 года. Здесь было собрано большое войско. Часть его был погружена на суда. Судовую рать возглавили царевич Шах-Али и отпрыск нижегородских князей Василий Васильевич Шуйский-Немой (прозванный так за свою молчаливость). Конницу в поход повел Борис Иванович Горбатый-Шуйский, еще один потомок нижегородского княжеского рода, владевший вотчинами около Городца.

Задача обеих частей русского войска состояла в том, чтобы сковать основные силы казанцев и не дать им помешать строительству новой

русской пограничной крепости. Она была возведена в месте впадения в Волгу реки Суры на ее правом, казанском, берегу и названа в честь Василия III Василь-городом (ныне — Васильсурск). Закладкой крепости руководил В.В. Шуйский-Немой.

Василь-городу отводилась важная стратегическая роль в подготовке следующего похода на Казань. Его цель заключалась в том, чтобы сделать казанским ханом союзника России — Шах-Али, сместив Сагиб-Гирея. Южанин Сагиб-Гирей и сам чувствовал себя в северной Казани неуютно. Он мечтал о родном Крыме. Кроме того, на нем была кровь русского посла и купцов, поэтому для Москвы он был неприемлемой фигурой. Понимая это, казанцы решили поменять своего хана на другого представителя династии Гиреев. Сагиб-Гирей вызвал из Крыма своего тринадцатилетнего племянника Сафа-Гирея, а сам навсегда покинул Казань, чтобы в дальнейшем стать крымским ханом.

Василий III не признал законность воцарения Сафа-Гирея и продолжил собирать большой поход на Казань. Судовая рать готовилась к выступлению в Нижнем Новгороде. Судов было так много, что с нижегородского откоса вся Волга казалась покрытой кораблями. Конницу вел легендарный Иван Хабар Симский.

Однако движение конного войска было затруднено необычным холодом. В 1524 году снег лежал до начала июня, и трава выросла лишь к концу месяца. Между тем Василий III двинул свои рати к Казани 12 мая 1524 года. Тяжелые погодные условия и умелые оборонительные действия татар не позволили воеводам Василия III взять Казань. В результате великому князю московскому пришлось отказаться от намерения утвердить в Казани Шах-Али. В Москве признали Сафа-Гирея казанским ханом.

Установившийся мир был зыбким. Уверенности в том, что русские купцы, приехав в Казань, не подвергнутся насилию, не было. Понимая это, Василий III в марте 1525 года, накануне открытия ярмарочного сезона, отправил своих послов к Сафа-Гирею, с тем чтобы он велел казанским и прибывающим в Казань иноземным купцам ехать торговать в Нижнем Новгороде. В свою очередь русским предпринимателям было запрещено посещать Казань.

Перенос ярмарки из-под Казани в Нижний Новгород прервал многие налаженные торговые связи. Сафа-Гирей попытался уладить дело и в 1529 году пригласил в Казань русских послов. Однако в Казани наряду со сторонниками мирных отношений и торговли с Россией имелись и те, кто богател от набегов на русские земли. Это были прибывшие из Крыма представители знатных кочевых родов. Они входили в ближай-

шее окружение Сафа-Гирея и, разумеется, оказывали на него влияние. Поэтому Сафа-Гирей проводил двойственную политику. Это проявилось в ходе переговоров 1529 года. Сначала Сафа-Гирей пригласил русских дипломатов, а потом стал их оскорблять. Тогда Василий III вновь утвердился в мысли, что с Сафа-Гиреем договориться невозможно и необходимо заменить его на Шах-Али.

С этой целью в 1530 году на Казань из Нижнего Новгорода опять были направлены русские войска. Судовой ратью командовали князь Иван Федорович Бельский и нижегородский наместник Михаил Васильевич Горбатый-Шуйский-Кислой. Казань едва устояла.

Между тем в ней назрело недовольство Сафа-Гиреем и его постоянными ссорами с Москвой. Ведь в Казани многие были заинтересованы в торговле с Россией. Оттуда в Казань и дальше в Ногайскую орду поступала соль, а также одежда из льна, бумага, иглы, топоры. В свою очередь татары продавали русским рыбу, меха, кожи, а ногайцы — коней. На Москву ориентировались и некоторые представители татарской аристократии во главе с царевной Гаухаршад, недовольные крымским засильем. В 1531 году они изгнали Сафа-Гирея и изъявили желание принять хана, указанного московским государем. Тот выбрал Шах-Али. Но казанцы опасались, как бы он не стал мстить тем, кто в свое время низложил его с престола. Тогда в Казань через Нижний Новгород был отправлен его пятнадцатилетний брат, правитель Касимова Джан-Али. В 1532 году он был провозглашен казанским ханом. Сразу же возобновилась торговля между Московским государством, Казанью и Ногайской ордой. С 1532 года ногайцы стали опять пригонять в Москву огромные конские табуны. Из Казани вернулись находившиеся в плену русские люди. Так, в 1533 году в Нижний Новгород были возвращены псковичи Нестерко и Федор. Нижегородские власти выделили им для поселения место у Сопчины заводи, разрешив вырубить там лес, поставить дворы и распахать землю. В результате возникло село Собчино (ныне — поселок Октябрьский Борского района).

Так на исходе своего княжения Василий III обеспечил мир на восточной границе государства, что было очень важно для спокойного развития нижегородских земель.

3.3. Нижегородский край и Казанское ханство в эпоху Ивана Грозного

Отражение казанских набегов и строительство крепости в Балахне при Елене Глинской. Нижегородский край в годы боярского правления. Казанские походы 1545–1551 годов. Поход Ива-

на Грозного на Казань в 1552 году. Значение присоединения Казани для развития нижегородских земель.

Отражение казанских набегов и строительство крепости в Балахне при Елене Глинской. В декабре 1533 года умер Василий III, много сделавший для развития Нижнего Новгорода. Великим князем стал его трехлетний сын Иван IV. Фактическая власть находилась в руках матери Ивана, Елены Глинской. Стронники бывшего хана Сафа-Гирея в Казани сочли, что ребенка-князя и женщину-правительницу опасаться не стоит. А значит, пришло удобное время, чтобы свергнуть союзного России юного хана Джан-Али и возобновить грабительские набеги на Русь. Их задачу облегчило то, что Джан-Али, женившийся в 1535 году на ногайской царевне Сююмбике, вскоре после свадьбы поссорился со своей молодой супругой. Она в письме пожаловалась на мужа отцу, ногайскому князю Юсуфу. Тот, разгневанный плохим отношением к своей дочери, решил лишить зятя престола и начал подстрекать казанцев к свержению Джан-Али.

В сентябре 1535 хан Джан-Али был низложен и убит. Казанцы пригласили вновь вернуться на трон Сафа-Гирея. А он вскоре отправил свои орды на русские земли.

О перевороте в Казани Елена Глинская узнала 4 октября 1535 года. С этой вестью в Москву примчался нижегородский служилый человек Федор Девочкин. Выслушав его, Елена отправила на Казань воевод Семена Гундорова и Василия Замытского. Они с конной ратью по снегу двигались вдоль Алатыря. Когда русский отряд достиг Суры, воеводы увидели, что в сторону Нижнего Новгорода по степной дороге — сакме — только что прошло большое татарское войско. Гундоров и Замытский не решились его догонять и сочли за благо повернуть обратно.

Казанцы же 24 декабря 1535 года неожиданно появились в окрестностях Нижнего Новгорода, напав, как сообщает летописец, в «нощи на сонные люди». Однако ордынцы быстро получили отпор. Нижегородские воеводы их преследовали.

Но опасность миновала ненадолго. В начале января 1536 года в нижегородских пределах появилось другое татарское войско. Оно возвращалось по правому берегу Волги от Костромы, куда только что совершило разорительный набег. Один из его отрядов 6 января 1536 года обрушился на Соль-на-Балахне. Здесь никаких укреплений и войск не было. Против врага ополчились «черные люди балахонцы» — солевары и

ремесленники. Но поскольку они вышли биться «не умеючи воинского дела», то большинство из них сложили головы.

От Балахны казанцы подошли к Нижнему Новгороду. Горожане заранее знали об их приближении. Они всем миром вышли на лед Волги и Оки и принялись колоть его, прорубая широкие полыньи. Татарская конница не смогла их преодолеть и прошла мимо города. Однако, дойдя до Лыскова и передохнув, казанцы решили вернуться. Но в это время к Нижнему уже подоспела подмога из Мурома во главе с князем Ф.М. Мстиславским. Он вместе с нижегородскими воеводами ринулся к Лыскову и обратил ордынцев в бегство.

В следующий раз они появились в марте того же 1536 года и остановились в десяти верстах от Нижнего Новгорода, на Ельне (ныне Кстовский район). Русские дозорные их вовремя обнаружили, и нижегородский воевода И.С. Брюхо-Морозов срочно отправил гонца в Москву. Там распорядились опять прислать под Нижний Новгород полки из Муромы.

Чтобы разрушить оборонительную связку этих двух крепостей, Сафа-Гирей летом 1536 года лично отправился в поход на Муром, но смог только сжечь посад. Затем он повернул к Нижнему Новгороду. «Нижегородский летописец» сообщает, что казанский царевич простоял у города три недели. Но кремль ему взять не удалось, хотя однажды бой был велик — «от третьего часа до 9». Под натиском штурмующих пал внешний деревянный острог. Казанцы ворвались в верхний посад. Однако стены каменного кремля оказались неприступны. Казанцы выжгли верхний посад, где сгорело двести дворов, и вернулись в свои земли.

Впрочем, новый набег мог последовать в любое время. И если нижегородцы могли в случае опасности укрыться в кремле, то жителям Соли-на-Балахне прятаться было некуда. Для защиты трудолюбивых солеваров по распоряжению Елены Глинской в Соли-на-Балахне начали возводить земляную крепость. Место для нее выбрали на возвышенности, с двух сторон прикрытой естественными препятствиями: с одной стороны Петровским озером, с другой — рекой Нетечью (Железницей), маленьким притоком Волги. В настоящее время здесь находится Мининский сад.

Строительство было осуществлено в необычно короткие сроки. 20 июля 1536 года последовало распоряжение о возведении крепости, а в октябре того же 1536 года она уже была готова. Такой скорости позволило добиться применение технологии, которую использовал выдающийся русский архитектор итальянского происхождения Петрок Ма-

лый. Балахнинская крепость (или просто Балахна, как она теперь стала называться) представляла собой *китай-город*. Его стена была земляной, скрепленной каркасом из жердей. Несколько рядов жердей вбивали в грунт, соединяли их «китами» (вязками, сплетенными из веток и мягких древесных корней) и засыпали землей. Первый свой китай-город Петрок Малый воздвиг в Москве в 1534 году. В 1535–1536 годах таким же способом были построены крепости в Себеже, Стародубе, Пронске и Вологде. Пушки не могли разрушить эти стены, поскольку вражеские ядра вязли в их земляной сердцевине. Но главным преимуществом являлась скорость постройки. В условиях, когда вражеский набег мог произойти в любой час, это было главным. Насыпали земляной город в Балахне всем миром: люди понимали, что работают для себя.

Балахнинцы вовремя успели обезопасить себя. В январе 1537 года в Москву пришло известие о том, что казанцы намереваются идти на Кострому и Галич. Следовательно, Балахна вполне могла подвергнуться нападению. Однако Сафа-Гирей, узнав, что в Костроме и Галиче находятся крупные силы русских, сменил направление удара и неожиданно привел свою орду под Муром. Правда, город не взял, но опять сжег посады.

Чаша терпения Елены Глинской переполнилась. В сентябре 1537 года она велела готовить к следующей весне большой поход на Казань. Это привело в сильное беспокойство и Сафа-Гирея, и его дядю, крымского хана Сагиб-Гирея. Сагиб-Гирей в январе 1538 года прислал в Москву письмо юному Ивану IV, чтобы тот не посылал своих воевод на Казань. В апреле 1538 года Елена Глинская ушла из жизни, и поход не состоялся.

Нижегородский край в годы боярского правления. После кончины Елены Глинской начался период боярского правления. Власть сосредоточили в своих руках потомки нижегородских князей — бояре Шуйские. На первом месте среди них стоял Василий Васильевич Шуйский-Немой, выдающийся полководец, основатель Васильево-города (Васильсурска). Чтобы укрепить свое положение, он породнился с великокняжеской семьей, в 60 лет женившись на племяннице Василия III, княгине Анастасии. Она была дочерью сестры Василия III, Евдокии, и принявшего православие татарского царевича Кудайкула (в крещении — Петр) и таким образом приходилась внучкой бывшему казанскому хану Ибрагиму. Через этот брак Василий Шуйский-Немой вступил в родственную связь с казанскими и крымскими ханами. Это могло облегчить примирение с Крымом и Казанью.

Начались переговоры с Крымским ханством. Они продолжились и после смерти Василия Шуйского-Немого в 1538 году, когда фактическое руководство государством перешло к его брату, Ивану Васильевичу Шуйскому-Китаеву, но к осязаемым результатам не привели. Камнем преткновения был вопрос о Казани: кому назначать туда правителя. Русская дипломатия со времен взятия Казани при Иване III заявляла, что казанский хан является «подручником» московского государя, и стремилась посадить на казанский трон одного из касимовских царевичей. Крымские ханы, напротив, хотели видеть Казань сферой своего влияния.

Между тем, видя, что русские с Крымом договориться не могут, а на Казань идти не решаются, возобновил свои набеги Сафа-Гирей. В декабре 1539 года он через юг современной Нижегородской области приходил под Муром и опустошил владимирские волости. Весной 1540 года через север Нижегородчины на костромские земли напал казанский вельможа Чура Нарыков. С ним пришло 8 тысяч черемисов. Воинственные черемисы начали разорять и нижегородские пределы. От «черемисской войны» опустели русские деревни и починки за Узолой и на Везломе.

Все это, конечно, не прибавляло авторитета Шуйскому-Китаеву. Влияние его ослабело. В милости у 10-летнего Ивана Грозного оказался соперник Шуйских, Иван Федорович Бельский. Возмущенный Шуйский-Китаев перестал ездить в великокняжеский дворец и посещать заседания боярской думы.

Видя «нестроение» в Москве, казанцы без боязни совершали новые и новые набеги, уводя людей в рабство. Как писал современник, от казанцев запустели вся Низовская (т. е. нижегородская) земля, Галич, Устюг, Вятка и Пермь.

Впрочем, в Казани продолжали оставаться и сторонники добрососедства с Россией. Многие также были недовольны Сафа-Гиреем и его крымским окружением. В мае 1541 года они прислали своих представителей в Москву с жалобой на Сафа-Гирея и обещанием при удобном случае его свергнуть. Князь Иван Федорович Бельский, возглавлявший тогда боярское правление, распорядился собрать большую рать во Владимире. Она должна была двинуться в Нижний Новгород, а оттуда на Казань для поддержки противников Сафа-Гирея при получении от них нужных известий. В июле тайная весть из Казани была получена. Тогда руководивший русскими войсками во Владимире князь Иван Василье-

вич Шуйский-Китаев с большим полком на судах по Клязьме и Оке отплыл в Нижний Новгород.

Но о приготовлениях русских стало известно крымскому хану Сагиб-Гирею, и он отправил громадное войско с турецкой артиллерией к Оке. Правда, крымцы получили достойный отпор. Однако поход на Казань пришлось отложить. Конное войско осталось во Владимире. Туда же из Нижнего вернулся и Шуйский-Китаев. Под Нижним Новгородом осталась лишь небольшая часть сил. В ожидании похода нижегородские бояре стояли под посадом и были врасплох захвачены татарами. 36 русских воинов погибли. Иных взяли живьем и угнали в Казань.

В итоге намеченный поход на Казань вообще не состоялся. Шуйский-Китаев, простояв до конца года во Владимире, в январе 1542 года привел подчиненную ему рать в Москву, где с ее помощью лишил власти своего соперника Ивана Федоровича Бельского.

Теперь боярское правление вновь возглавил потомок нижегородских князей. Пользуясь своими возможностями, Шуйский-Китаев решил обособить нижегородские земли. Судя по тому, что в 1542 году упоминается нижегородский дворецкий, был создан отдельный Нижегородский дворец — находившийся в Москве орган управления Нижегородским краем. Его возглавил деятельный участник переворота 1542 года князь Иван Кубенский.

Впрочем, Шуйский-Китаев недолго наслаждался своей победой. В мае 1542 года он скончался. На первое место выдвинулся его двоюродный брат, Андрей Шуйский. Но в это время быстро взрослевший Иван IV уже стал тяготиться боярской опекой. И Андрею Шуйскому в 1543 году было суждено стать первой жертвой его крутого нрава.

Казанские походы 1545–1551 годов. Иван Грозный постепенно начал заирать власть в свои руки. Первым из его крупных самостоятельных мероприятий стал поход на Казань весной 1545 года. Едва только вскрылись реки, по полой воде из Нижнего Новгорода отплыла судовая рать князя Семена Ивановича Микулинского. С Вятки пешим путем вышел князь Василий Семенович Серебряный. Нанеся поражение казанцам, русские благополучно вернулись назад.

Этот поход посеял смуту в Казани. Сафа-Гирей обвинил казанских аристократов, что именно они пригласили воевод великого князя. Начались казни, жертвами которых пали многие вельможи. Это обострило недовольство казанцев ханом и его крымским окружением. В результате народного восстания летом 1545 года Сафа-Гирей был свергнут и бежал к ногайцам. Руководители восстания отправили письмо к Ивану IV с

просьбой сменить свой гнев на милость и прислать в Казань в качестве нового хана Шах-Али.

В июне 1546 года Шах-Али взошел на казанский трон. Однако он не сумел совладать с бурлящей Казанью и, опасаясь за свою жизнь, через месяц бежал оттуда в быстроходном струге по Волге в Василь-город. Казанцы же возвратили к власти Сафа-Гирея. Но и его положение было непрочно. Многие противники крымской династии уехали в Москву. Чуваша, подвластные Казанскому ханству, били челом Ивану Грозному, что они хотят служить ему и вместе с его воеводами пойдут на Казань.

Тогда Иван IV, только что венчавшийся на царство, решил сам выступить во главе войска. В декабре 1547 года царь выехал во Владимир. Но теплая зима не благоприятствовала походу. Шли затяжные дожди. Снежный покров все не ложился на землю. Тем не менее Иван Грозный повел свое войско к Нижнему Новгороду, куда прибыл 26 января 1548 года. Царь провел здесь неделю. 2 февраля 1548 года русская рать из Нижнего двинулась на Казань. Войско шло по льду Волги. Привалы устраивали на берегу. Первую ночь Иван Грозный провел в Ельне (село Большая Ельня находится в Кстовском районе, недалеко от Нижнего Новгорода). К исходу следующего дня, 3 февраля, русские отряды пришли на остров Роботку (ныне рядом с этим местом село Роботки Кстовского района). Этот переход был очень тяжелым. Неожиданно наступила сильнейшая оттепель. Лед покрылся водой. По нему пошли трещины. Тяжелые пушки и пищали начали проваливаться. Самым ужасным было то, что образовавшиеся полыньи были скрыты водой и люди, не видя их, падали в ледяную воду и погибали.

Иван Грозный стоял на острове Роботке три дня, ожидая, когда лед окрепнет. Но желанное похолодание так и не наступило. Тогда царь направил к Казани берегом конную рать князя Дмитрия Бельского, а сам «со многими слезами» 10 февраля 1548 года возвратился в Нижний Новгород.

Бельский по раскисшей грязи дошел до устья Сундовика. Здесь пришлось остановиться в ожидании морозов. Вероятно, для больных воинов, пострадавших в этом походе, недалеко от Лыскова, в селе Исады, Бельским был основан монастырь во имя мученика Стефана.

Измотанное войско Бельского не смогло взять Казань. Однако даже этот неудачный поход заставил казанцев воздержаться от набегов. Лето и осень 1548 года прошли спокойно. А в марте 1549 года в Москве узнали о внезапной кончине Сафа-Гирея.

Ханом провозгласили двухлетнего Утямыш-Гирея, сына Сафа-Гирея от Сююмбике. Но это был временный компромисс между казанской аристократией и крымским окружением покойного хана. Вскоре распри в Казани вспыхнули с новой силой. Часть казанцев, недовольная засильем крымцев, готова была принять хана из Москвы.

В этих условиях Иван Грозный осенью 1549 года стал опять готовиться к походу. 20 декабря 1549 года в Нижний Новгород была отправлена артиллерия. 18 января 1550 года в город на Волге прибыл сам царь. Зима на сей раз была очень студеной. От этого русским воинам в походе было тоже несладко. Тем не менее из Нижнего Новгорода войско выступило без промедления, 23 января 1550 года. Вместе с Иваном IV ехал Шах-Али. 12 февраля 1550 года русское войско подошло к Казани. Однако только оно изготвилось к штурму, как морозы прекратились, подули сильные ветры, и хлынул проливной дождь, без перерыва шедший целый месяц. Стрелять из пушек было невозможно. Пришлось возвращаться назад.

В ходе этого похода внимание царя привлекло удобное для основания крепости место на правом берегу Волги, напротив Казани. Здесь в устье Свяги в 1551 году русские воздвигли город Свяжск. Лес для городских стен срубили под Угличем, а потом доставили на судах по Волге. Закладкой крепости в мае 1551 года руководили Шах-Али и потомок нижегородских князей Александр Горбатый-Шуйский. В это же время князь Петр Серебряный из Нижнего Новгорода совершил набег на Казань, чтобы казанцы не смогли помешать строительству.

Поход Ивана Грозного на Казань в 1552 году. После построения Свяжска чувашаи добровольно присоединились к Русскому государству. Иван Грозный, таким образом, получил удобное место для сосредоточения войск перед определяющим наступлением на Казань.

Решение о нем было принято в апреле 1552 года. Царь выступил из Москвы 16 июня, простившись со своей любимой женой Анастасией. Она была беременна и со слезами проводила супруга в опасный путь. Иван казался твердым и утешал ее, говоря, что должен исполнить свой царский долг, защитив русские земли от набегов.

Крымский хан попытался ударить во фланг русской армии, но под Тулой потерпел поражение и вынужден был вернуться восвояси.

Иван Грозный узнал об этой победе своих воевод в Коломне. Убедившись из донесений разведчиков, что крымская опасность миновала, царь провел совещание с боярами о том, каким путем идти дальше к Казани. Постановили, что главные силы (передовой полк, большой

полк, полк правой руки) пойдут через рязанские и мещерские места. Они должны были двигаться по Старой табунной дороге, вдоль реки Мокши. Помимо всего прочего их задача заключалась в том, чтобы прикрывать от возможного удара с юга отряд Ивана Грозного, направлявшийся через Владимир и Муром по Новой табунной дороге (по югу современной Нижегородской области).

В Муром с царем поехали полк левой руки, сторожевой полк и заведенный русскими по татарскому образцу конный разведывательный отряд — *ертаул*.

В Муроме к русскому войску присоединился касимовский хан Шах-Али. Из-за своей тучности он испытывал затруднения в поездках верхом. Поэтому на Казань он поплыл рекой вместе с князем Булгаковым и стрельцами: Окой к Нижнему Новгороду и дальше Волгой в Свияжск. Там эти войска уже ждал знаменитый полководец, потомок нижегородских князей Александр Горбатый-Шуйский, еще раньше прибывший из Нижнего Новгорода с припасами и артиллерией тем же водным путем.

Остальная часть рати Ивана Грозного 20 июля 1552 года переправилась через Оку и вступила на территорию современного Навашинского района Нижегородской области. С собой царь взял своего двоюродного брата — Владимира Андреевича Старицкого и его воеводу Юрия Андреевича Пенинского-Оболенского Меньшого. Войско шло по дороге, по которой в мирное время ногайцы пригоняли на продажу в Муром табуны своих коней. Впереди скакали разведчики из ертаула. Вместе с воинами двигались посошные люди. Их главная задача заключалась в том, чтобы наводить переправы через реки. Обычно у каждой водной преграды войско располагалось на привал и ожидало, пока посошные люди сделают мосты.

Первая остановка была сделана там, где дорогу пересекала река Велетьма. Сейчас здесь расположено село Саваслейка. Его название мордовского происхождения. Нужно сказать, что вся описываемая местность в XVI веке была населена мордвой. Как сообщает летописец, мордовские воины тоже участвовали в походе в составе русского войска. Кроме того, мордва снабжала рать Ивана Грозного хлебом, мясом и медом и указывала ей путь. В народной памяти сохранились имена нескольких мордовских проводников, в том числе Калейки, который вел царскую рать после ее перехода через Велетьму.

Преодолев эту реку, войско Ивана Грозного двинулось к реке Теше, миновав место, где ныне стоят Кулебаки. Рядом с Кулебаками находит-

ся поселок Мурзицы. По народному преданию, эти земли были подарены царем татарским мурзам, участвовавшим в походе.

Во второй раз русская рать остановилась у впадения реки Шилокши в Тешу. Ныне здесь село Шилокша.

Дальше войско Ивана Грозного двигалось вдоль левого (южного) берега Теши. Эта местность тогда называлась Саконским лесом, по Саконскому городищу — заброшенной татарской крепости на пути из Мурома в Золотую Орду. Теперь тут село Саконы Ардатовского района. Саконское городище стало третьей остановкой войска Ивана Грозного.

Перед Саконами сплошной сосновый лес заканчивался. Начиналась лесостепь. Тенистые дубравы здесь перемежались с обширными луговыми полянами. От Сакон дорога поворачивала на юг, чтобы обогнуть реку Иржу. Здесь царскую рать направляли мордовские проводники Ардатка, Кужендей и Торш. К именам первых двух возводят названия города Ардатова и села Кужендеево Ардатовского района. Дочь третьего из них, Сашайка, согласно народной песне, сопровождала Ивана Грозного до самой Казани и дала царю ценный совет по взятию крепости.

Путь царской рати от Сакон совпадал с современной автомобильной дорогой Саконы – Ардатов – Кужендеево – Автодеево – Хрипуново. Поле между Хрипуновом и Четвертовом называется Иржинским станом. Здесь, не доходя до Иржи, воины Ивана Грозного сделали четвертую остановку. Потом они двигались по направлению Четвертово – Надежино – Сырсеево – Ивановское – Онучино, обходя другую преграду — Сухую Иржу.

Недалеко от Онучина — исток реки Акши. Отсюда шли две дороги. Одна на юг, в направлении современного города Сарова. По ней можно было выйти на Старую табунную дорогу. Но та была слишком близка к степи и поэтому опасна. Второй путь шел южнее Акши в направлении места, где сейчас село Красный Бор. Тут имелась переправа через Тешу. За ней начинался лес. Сквозь него шел проход к лесостепи в междуречье Теши и Пьяны. Здесь в старину тоже ходили торговые караваны. Однако Иван Грозный не стал пользоваться и этим путем. Преградой здесь были несколько татарских застав и селений, расположенных вдоль левого берега Теши. Из-за них переправа через реку была слишком рискованной. Да и путь по узкому лесному проходу таил немало опасностей. Поэтому Иван Грозный отправил для установления контроля над этой дорогой отряд Петра Левашова. Сам же с главными силами двинулся левее Акши. Предосторожность царя оказалась ненапрасной. Ле-

вашову пришлось выдержать жаркий бой с татарами у Теши в районе современного села Архангельское, где он не без труда одержал победу.

Тем временем рать Ивана Грозного шла к Теше новым, неизведанным путем. Проводником был мордвин Ичал, с чьим именем, по легенде, связано название села Ичалово Дивеевского района. Местная мордва была обеспокоена тем, что царское войско вдруг повернуло в ее землю. Предание рассказывает, что на берегу речки Ковлей, там, где сейчас село Скорятино, навстречу царю вышли пятеро мордвинов, пришедших из селения Абрамова при реке Теше. В руках у них были чашки с землей и песком, что означало добровольное вручение власти над их землей русскому царю. Они поднесли также Ивану Грозному хлеб и соль. Каждый из встречавших удостоился царского приветствия и иконы в подарок.

Один из мордвинов, по имени Лямас, привел царское войско к месту впадения Акши в Тешу. Сейчас здесь стоит город Арзамас.

Существует легенда, что название его происходит от имен двух местных мордовских старейшин — Арзая и Масая. Старейшины принесли царю Ивану дары и попросили, чтобы он закрепил эту землю за ними и их потомками, а также изгнал татар, поселившихся по берегам Теши. Иван Грозный выполнил эти пожелания, а затем предложил мордве принять христианство, обьявив: кто первый покрестится, именем того назовут новый город, который будет здесь построен. Арзай и Масай первыми приняли православие. Из их имен будто бы и составилось название «Арзамас». Арзай после крещения стал Александром, а Масай — Михаилом.

Несомненно, у этой легенды есть реальная основа. Вот только у мордвы нет имен Арзай и Масай. Зато в XVI веке было распространено имя Орземас. Видимо, так и звали мордовского старейшину, который получил от Ивана Грозного наследственную власть над этой землей, а после крещения стал Михаилом. Как раз по его православному имени могла быть названа мордовская деревня Михалева, существовавшая здесь во второй половине XVI века. А от его мордовского имени получил название город Арзамас. Но построен он будет через несколько лет. А в 1552 году Иван Грозный оставил здесь охранять переправу через Тешу 600 казаков из своего войска. Они дали начало будущей Выездной казачьей слободе. Ныне — это село Выездное Арзамасского района. Видимо, здесь была сделана пятая остановка царского войска.

Далее ему предстояло пройти через населенную мордвой лесистую местность, чтобы вновь вернуться на старинную степную дорогу. На

этом пути Иван Грозный дарил встречавшимся людям иконы, убеждая их принять православную веру. Эти иконы потом веками бережно хранились в церквях здешних сел Успенское (Арзамасский район), Вазьян, Дубенское (Вадский район).

В двух километрах к северу от нынешнего села Дубенское и речки Кевсы находится болото, называемое Веденев куст. Когда-то здесь было озеро. Согласно народной молве тут был устроена шестая стоянка царского войска. Отсюда уже шла торная дорога.

Следующий, седьмой, привал тоже сделали у озера — при селе Малая Якшень Шатковского района. По преданию, первая церковь в этом селе была построена по повелению Ивана Грозного.

Затем русские войска проследовали мимо нынешней деревни Чапаны и села Шарапова Шатковского района в направлении реки Пьяны. Не доходя до нее, у одного из озер между современными селами Паново-Леонтьево и Юрьevo, царское войска сделало восьмой привал. Здесь Ивана Грозного догнал Ак-сеит Черевесев с отрядом касимовских татар (сам касимовский хан, Шах-Али, как мы помним, в это время плыл к Казани по Волге). Татарское войска Черевесева пришло из Касимова по Старой табунной дороге через Азеево, Кадом и Мансырев угол. Так называли местность на юге современного Вознесенского района, где сейчас села Княжево (бывшее Старое Мансырево) и Криуша (бывшее Новое Мансырево). Царь велел воинам Ак-сеита идти с разведчиками из ертаула.

Пока войска отдыхало, посошные люди навели мосты через Пьяну (у современного Юрьева). Далее войска Ивана Грозного двигались вдоль ее правого берега. У нынешнего села Черновское сакма делала резкий поворот от реки. Не пропустить его русским помог татарский проводник Бахмет из деревни Пара, что когда-то лежала на правом берегу Пьяны. В дальнейшем он отличился при взятии Казани и принял православие. Его крестным отцом стал сам Иван Грозный. Этот мужественный татарский воин был основателем дворянского рода Бахметьевых.

Повернув от Пьяны, русские войска остановились на озере у нынешней деревни Дубровка Краснооктябрьского района. Далее они двигались вдоль левого берега реки Большая Медяна, которую пересекли у современного села Чембилей (Краснооктябрьский район). Затем у истока реки Медянки (теперь тут село Сеченово) был сделан десятый привал.

Это была последняя остановка армии Ивана Грозного на землях нынешней Нижегородской области. Затем войска Ивана Грозного у села Кочетовка Сеченовского района приблизилось к реке Кише, какое-то

время шло по ее левому берегу, а после перешло эту реку у села Мурзицы Сеченовского района.

За Кишей начинается территория современной Чувашии. Здесь войско Ивана Грозного двигалось по старинной дороге вдоль левого берега Суры. У впадения в Суру речки Меня 1 августа 1552 года был сделан одиннадцатый стан.

Далее царские войска продолжали путь по левому берегу Суры до устья Алатыря, где был разбит двенадцатый стан. Здесь Ивана Грозного уже поджидал татарско-мордовский отряд князя Еникая Темниковского, успевший навести три моста через Алатырь. Затем движение по левому берегу Суры продолжилось. Тринадцатая остановка была сделана у устья реки Большая Сарка. Теперь тут село Сара Сурского района Ульяновской области, а в XIV веке этим местом владели нижегородские князья. Сюда к Ивану Грозному прибыли гонцы от князя Ивана Мстиславского, воеводы большого полка, который вел главные силы русских по Старой табунной дороге через нынешнее Ромоданово в Мордовии. Посланцы Мстиславского сообщили, что их полки благополучно достигли верховий Большой Сарки, и спрашивали, где государь прикажет к нему присоединиться. Царь велел идти прямо к Суре и, не дожидаясь его, переправляться на другой берег. Но так получилось, что к назначенному месту переправы — Баранчеву городищу в устье реки Барыш (ныне село Барышская Слобода Ульяновской области) обе рати прибыли в один день. Здесь Иван Грозный сделал четырнадцатую остановку. На реке Суре «поделаны были многие мосты».

На правом берегу Суры царя с радостью встретили многочисленные представители чувашского народа. Сюда же прибыли проводники из Свяжска. Они должны были указывать дорогу к этой крепости. Царское войско, в составе которого были русские, татары, мордва и чуваша, прибыло к ней 13 августа 1552 года. Началась трудная осада Казани.

Значение присоединения Казани для развития нижегородских земель. В октябре 1552 года Казань была взята. С победой царь возвращался тоже через нижегородские земли. Сам он плыл на судне по Волге, а конная рать пошла берегом через Василь-город. В Нижнем Новгороде Ивану Грозному была приготовлена торжественная встреча. Здесь его ожидали посланцы от жены, любимого меньшого брата Юрия и митрополита Макария. Приветствовать царя-победителя со слезами радости на глазах вышли все горожане. Как сообщает летописец, нижегородцы «государя многими благодарениями хвалили и избавителем его называли». Ведь теперь они могли чувствовать себя в безопасности.

Многие из горожан вновь обрели родных и близких: наконец-то возвратились домой нижегородцы, долгие года томившиеся на чужбине. До нас дошла бесхитростная запись одного из них, балахнинского посадского человека Луки Ивановича Шлыкова. В 1552 году он с горечью вспоминал: «Пришли казанские люди и отца моего в полон взяли и меня, Лучку. А жил в полону двадцать лет...». Теперь все это осталось позади.

Победа Ивана Грозного чрезвычайно благоприятно сказалась на развитии Нижегородского края. Взятие Казани, а затем и Астрахани очень способствовало развитию волжской торговли. Нижний Новгород на ней быстро разбогател, отстроился. Сотни амбаров и лавок ломились от товаров, привезенных из Москвы, Ярославля, Костромы, Западной Европы, Астрахани, Персии. К концу XVI века Нижний приносил казне доход до 7 тысяч рублей ежегодно. По этому показателю он занимал шестое место среди русских городов.

Выросло и сельское население Нижегородского края. Вернувшиеся пленники возобновили многие разоренные деревни. В них же стали переезжать крестьяне из центральных уездов, привлеченные льготами для «новоприходцев» и рассказами о богатых медом нижегородских лесах. Собираателями меда диких пчел — бортниками был основан целый ряд нижегородских деревень. Особенно быстро стало заселяться Березополье, уже давно освоенное русскими людьми. Возрожденные и вновь основанные села и деревни стали раздавать в поместья и вотчины направленным в Нижний Новгород служилым людям — детям боярским городовым.

Постепенно русские крестьяне стали отходить от обжитых мест и начали строить деревни в мордовских лесах за Кудьмой. Места там хватало и для русских, и для мордвы.

И у русских, и у мордвы сложено много легенд и песен о Казанском походе Ивана Грозного. В одной из них поется:

Грозен был воин — царь наш батюшка,
Первый царь Иван Васильевич,
Сквозь дремучий лес с войском-силою
Он прошел в страну татарскую,
Себе царство взял Казанское.
Государство Астраханское.

С именем царя связывали основание многих сел и храмов, из поколения в поколение бережно передавали подаренные им иконы.

3.4. Нижегородский край во второй половине XVI века

Земская и губная реформы на территории Нижегородского края. Нижегородские земли в начале Ливонской войны. Опричнина и Нижегородский край. Первая черемисская война. Борьба с Крымом и начало второй черемисской войны. Арзамасская засека и завершение второй черемисской войны. Нижегородцы и третья черемисская война. Нижегородский край в конце XVI века: порядок управления и сбора налогов. Основные отрасли хозяйства: земледелие, бортничество, рыболовство.

Земская и губная реформы на территории Нижегородского края.

В 1550-е годы Иван Грозный и его советники из Избранной рады провели крупные реформы в области местного управления. В посадах и волостях появились выборные должностные лица — земские старосты и целовальники. Определяли их тяглые люди (налогоплательщики) — посадские люди и крестьяне, объединенные в общины — миры.

Первое упоминание о земском самоуправлении в Нижнем Новгороде — старостах, целовальниках, сотских, десятских и «всех земских людях» — относится к 1554 году. Известно также, что не позднее 1558–1559 годов в дворцовой Заузольской волости Балахнинского уезда крестьянами выбирались судьи, старосты и целовальники.

В Арзамасском уезде известия о старостах, целовальниках и земских дьячках встречаются с 1579 года. Так, в документе 1586 года упоминаются староста Иван Мотренин «из села из Шетков» (ныне — районный центр Шатки) и «шетковский дьячок Трешка Борисов».

Земские выборные люди были организаторами сбора налогов в пользу государства. Важной их обязанностью было также участие в суде у наместника. Земский дьячок записывал все судные дела, а старосты и целовальники скрепляли их своей подписью. Кроме того, целовальники привлекались в качестве понятых при отделении и межевании поместий.

Наряду с земской при Иване Грозном была проведена еще и губная реформа. Появились губные старосты из местных служилых людей, которым помогали губные целовальники из крестьян. Они боролись с разбойниками, а также решали земельные споры. Нижегородские губные учреждения впервые упоминаются в грамоте, относящейся к 1552 году.

Высшей судебно-административной инстанцией для Нижегородского края в XVI веке являлся Нижегородский дворец, находившийся в Москве. С 1542 года нижегородским дворецким являлся союзник Шуйских И.И. Кубенский. В мае 1546 года по приказу Ивана Грозного он был казнен. Нижегородские земли оказались в подчинении Большого дворца. С 1547 года его возглавлял шурин Ивана Грозного — Даниил Захарьин-Юрьев. После 1552 он управлял и Казанью. Затем в составе земель Большого дворца оказалась и Астрахань. Но управлять такой огромной территорией одному ведомству было не по силам. Поэтому во второй половине 1550-х годов был восстановлен Нижегородский дворец с подчинением ему казанских, астраханских и мещерских земель. В более поздних документах это учреждение именуется Казанским, Нижегородским и Мещерским дворцом (или просто Казанским дворцом).

Нижегородские земли в начале Ливонской войны. В 1558 году началась Ливонская война. Сначала военные действия шли для России удачно. Русские войска взяли город Дерпт (бывший Юрьев, ныне Тарту в Эстонии). Но в 1561 году в войне произошел перелом. С этого года Россия была вынуждена вести борьбу не только с Ливонским орденом, но и с Польско-Литовским государством. В Прибалтику пришлось перебросить дополнительные войска, в том числе и из Нижегородского края.

В конце 1562 — начале 1563 года они участвовали в осаде Полоцка. Эта важнейшая крепость закрывала дороги на Вильно (ныне — Вильнюс) и Ригу. В поход на Полоцк отправились 350 детей боярских нижегородцев, а также более полутора тысяч человек из мордвы. Среди них особо отличился мордвин Ивашка Кильдяев из села Кужендеева. За свою «великую службу» Ивашка «по цареву слову» был наречен именем Дружина и пожалован лесами и бортными угодьями вверх по Оке до устья реки Железницы (современный Выксунский район).

Взятие Полоцка стало последним крупным успехом для России в Ливонской войне. Дальше началась череда неудач. Воспользовавшись ими, крымский хан Девлет-Гирей при поддержке турецкого султана в 1564 году потребовал от Ивана IV отдать Казань и Астрахань. Начался длительный период противостояния России с Крымом и стоявшей за ним Турцией.

Опричнина и Нижегородский край. Внешние угрозы и внутренние «измены» послужили поводом для введения опричнины (1565–1572). В это время Иван Грозный, наряду со старым Государевым дво-

ром, создал особый (опричный) Государев двор. Для содержания служивших в нем людей он выделил огромную территорию — опричнину (остальная часть страны именовалась земщиной).

В состав опричнины в большом числе вошли земли, где находились владения бояр-княжат, чьи предки были независимыми князьями. Эти аристократы были лишены своих родовых вотчин. Названная мера коснулась и потомков нижегородско-суздальских князей, самых знатных среди княжат. Иван Грозный забрал их суздальские, шуйские и нижегородские владения. Наиболее могущественный из нижегородских княжат, герой взятия Казани Александр Борисович Горбатый-Шуйский был обвинен в измене и обезглавлен. Его вотчины, когда-то бывшие землями Нижегородского княжества (Юрьеvec, Белогородье, Городецкая округа), были взяты в опричнину. Царь отдал их принявшему православие татарскому царевичу Михаилу Кайбуловичу, сыну астраханского царевича Кайбулы (участника казанского похода 1552 года). Кроме того, в состав опричнины вошла богатая Балахна с ее соляными варницами. Попала в опричнину и дворцовая Зауольская волость.

В опричные годы опале подверглись также потомки ярославских, ростовских и стародубских князей. Многие из них потеряли свои владения, а взамен получали новые на землях Казанского, Нижегородского и Мещерского двorca. Туда же они были отправлены на службу, чтобы закрепить и освоить эти пограничные окраины. Все они ехали туда через Нижний Новгород. Некоторые строили здесь свои дворы, где жили их семьи.

Известно, например, что два двора в Нижнем принадлежали Федору Ивановичу Пожарскому, потомку стародубских князей, отправленному на службу в Казань (деду Д.М. Пожарского).

Еще одна знатная фамилия, чьи представители оказались в «казанской ссылке», — это Солнцовы-Засекины. Она принадлежала к Ярославскому княжескому дому. Один из Солнцовых-Засекиных, князь Андрей Петрович Большой, в 1565 году назван воеводой в Арзамасе. Можно полагать, что он и основал в этом году крепость на переправе через Тешу, предусмотрительно подготовившись к ожидавшемуся нападению крымцев и ногайцев. Поскольку она была возведена на земле, принадлежавшей мордовскому старейшине Орземасу, то по его имени ее и назвали.

Сооружение арзамасской крепости стало частью целого ряда оборонительных мероприятий, проведенных Иваном Грозным в 1565–1566 годах на южных рубежах страны в преддверии войны с Крымским

ханством и союзной с ним Ногайской ордой. Главным из них было завершение строительства Большой засечной черты. Она представляла собой преграду из подрубленных на высоте человеческого роста деревьев. Их валили в сторону появления предполагаемого противника, оставляя лежать на пне. Эти завалы в совокупности с естественными препятствиями (реками, озерами, болотами) и искусственными оборонительными сооружениями в безлесных промежутках (рвами, частоколами, острогами) должны были поставить заслон на пути крымской и ногайской конницы.

Большая засечная черта шла от Козельска до Рязани. А от Рязани до Нижнего Новгорода через Касимов и Муром протянулась линия, по которой постоянно перемещались конные сторожевые разъезды — «сто-рожи».

Там, где дорога Муром — Нижний Новгород подходила совсем близко к Оке и существовала речная переправа, называемая Павловым перевозом, был поставлен охраняемый стрельцами острог. И у перевоза, и на горе, у острога появились села. «Дворцовые Павловские села» впервые упомянуты в царской грамоте 1566 года. От этой даты ведет начало история города Павлово.

В укреплении южных рубежей страны большую роль сыграл знаменитый полководец князь М.И. Воротынский. Как и многим другим князьям, ему тоже пришлось пострадать в годы опричнины. В 1569 году царь забрал древние вотчины М.И. Воротынского в современной Тульской области, пожаловав ему село Княгинино в Нижегородском уезде. Так один из выдающихся русских полководцев оказался связан с нижегородской землей.

Принудительному перемещению в Нижегородский край подвергались не только опальные бояре, но и жители городов, заподозренных Иваном Грозным в сношениях с внешними врагами. В июне 1565 года царь велел вывести из Юрьева Ливонского (Дерпта) «за их измены» бурмистров, ратманов и других горожан. Часть ссыльных немцев попала в Нижний Новгород. Их поселили в особой Немецкой слободе.

В 1570 году гнев Ивана Грозного обрушился на Новгород Великий. Многих его жителей отправили в пограничные земли, в том числе и в нижегородские. Некоторые новгородцы были поселены в Кунавинской слободе на левом берегу Оки (современный Канавинский район Нижнего Новгорода).

Девять новгородских изгнанников решили порвать с мирской жизнью и постриться в монахи. Старший из них в монашестве получил имя

Перфил. Нижегородские власти позволили ему основать для себя и своих товарищей монастырь на территории кремля. Новая обитель была воздвигнута на спуске с горы, под нынешним зданием городской думы. Она была посвящена Святому Духу, в память о новгородском Святодуховом монастыре. О Перфиле упоминается в одной из народных песен, где говорится, что Иван Грозный «вывел Перфила из Новагорода, не вывел измену в каменной Москве».

По преданию, новгородцы были поселены не только в Нижнем Новгороде, но и в Арзамасе. И там тоже названия некоторых церквей — Софийской, Знамени Пресвятой Богородицы, Зосимы и Савватия Соловецких — напоминали о храмах Великого Новгорода.

Первая черемисская война. Черемисы (марийцы) в свое время охотно участвовали в походах казанских ханов на русские земли, а зачастую устраивали самостоятельные нападения на галичское, костромское и нижегородское пограничье. После присоединения Казанского ханства к России им необходимо было отказаться от ставших привычными набегов и платить *ясак* в царскую казну. Не желая этого, они подняли восстание. Началась первая черемисская война (1553–1556). Из Нижнего Новгорода в декабре 1553 год против повстанцев выступило войско во главе с известным русским полководцем князем Семеном Микулинским-Пунковым.

Для умиротворения кровавых страстей, бушевавших в крае, в Казань был направлен монах Гурий, ныне почитаемый православной церковью как святитель и чудотворец. В 1555 году он был поставлен архиепископом Казанским и Свияжским. Святитель Гурий проповедовал среди марийцев христианское учение и учредил целый ряд монастырей. Есть предположение, что именно с ним связано основание в 1556 году Спасо-Преображенского монастыря, построенного недалеко от мордовской деревни Михалево и охраняемой казаками переправы через Тешу — за ее притоком, речкой Сорокой. (Ныне он в черте города Арзамаса). Рядом, в озере, получившем название Святого, происходило крещение мордвы. Об обращении в христианство язычников нам напоминают еще несколько озер, имеющих наименование «Святое» или «Свято». Они расположены в Арзамасском, Ардатовском, Навашинском, Павловском районах. В 1557 году Гурий посетил Нижний Новгород, приплыв на стругах по Оке. Архиепископ отслужил молебен в Спасо-Преображенском соборе, потом обошел крестным ходом городские стены.

В 1556 году черемисское восстание утихло. Поскольку марийцы были смелыми войнами, их стали привлекать в русское войско. Марийцы

наряду с русскими, татарами, чувашами и мордвой героически сражались во многих битвах Ливонской войны.

Борьба с Крымом и начало второй черемисской войны. Казанский край в начале Ливонской войны пребывал в спокойствии. Внешним врагам не удалось посеять здесь смуту даже в 1569 году, когда крымско-турецкая армия пришла на Волгу, чтобы захватить Астрахань.

Для помощи осажденным астраханцам в Нижнем Новгороде было собрано большое войско во главе с двоюродным братом царя, Владимиром Андреевичем Старицким, и князем Петром Серебряным. Спустившись на судах вниз по Волге, русская рать перерезала пути снабжения турецкой армии и вынудила ее уйти.

Однако вскоре Девлет-Гирей начал готовить новый поход на Русь. Чтобы хану не удалось захватить русские земли врасплох, Иван Грозный в январе 1571 года поручил князю Воротынскому разработать порядок охраны южных границ государства, и тот через месяц составил Устав сторожевой и станичной службы. В обороне рубежей страны совместно участвовали русские дети боярские, казаки, татары и мордва. Составленные из них согласно уставу Воротынского сторожевые отряды постоянно выезжали в степь, чтобы следить, не покажутся ли крымцы или ногайцы.

Они были очень опасными противниками, и в 1571 году остановить их отряды не удалось. Полчища крымского хана Девлет-Гирея в мае 1571 года прорвались к Москве. Тогда в осажденной столице начался пожар, спаливший большую часть города. Множество людей сгорело или задохнулось от дыма. Огонь и жар не позволил крымцам войти в город, и они вернулись в свои кочевья, уведя с собой огромное число пленников.

В том же году у Алатыря появились ногайцы. По нашему предположению, они прорвались к Арзамасу и уничтожили город. Эта догадка основана на том, что в следующем (1572) году Арзамас упомянут в источниках как «городище», а так называли заброшенную или разрушенную крепость.

Важно отметить, что даже подход крымцев к Москве не нарушил стабильной обстановки в Казанском крае. Туда в декабре 1571 года отправались царские воеводы, чтобы собрать казанских татар и черемисов, а затем отправиться с ними в Новгород и дальше на шведов. Но в январе 1572 года со Швецией было заключено перемирие. Войско нужно было распускать. Однако марийские войны не хотели возвращаться домой без победы и добычи. Брожением среди них воспользовались

языческие жрецы («карты»). Они вовлекли своих соплеменников в мятеж. Три представителя повстанцев были посланы к крымскому хану. Они попросили его еще раз привести войско на Русь, чтобы вместе начать войну против Москвы. Девлет-Гирей, не терявший надежды отнять у Ивана Грозного Казань и Астрахань, вновь двинул свои полчища на север. А мятежные черемисы стали грабить и жечь деревни Нижегородчины. Так началась вторая черемисская война.

В ее ходе особенно пострадали селения за Узолой, а также земли южнее Нижнего Новгорода. О страшном времени черемисских войн сообщают скудные записи дозорных книг конца XVI века: «...деревня Толмачова на речке на Толмачевке...впусе 10 мест дворовых, а дворы пожгла черемиса», «Пустошь, что была деревня Сонина, Ондреевская тож, а в ней 11 мест дворовых крестьянских, а дворы пожгла черемиса», «впусе в селе в Сосновском 14 мест, а дворы пожгла черемиса».

Возникла угроза, что восставшие выйдут к Нижнему Новгороду или будут прорываться на Муром. Для отражения удара в Муром был направлен опытный воевода Тимофей Долгорукий. Ему предписывалось немедленно наладить связь с нижегородскими воеводами, а также сообщить о своем прибытии в Василь-город, на Алатырь и на Арзамасово городище.

Из употребления термина «городище» мы можем сделать вывод, что Арзамас к этому времени (зима 1572 года) еще не был до конца восстановлен. Однако летом 1572 в завещании Ивана Грозного он уже назван городом.

Арзамасская засека. Постройка новой крепости в Арзамасе, видимо, была осуществлена весной — летом 1572 года как часть больших работ по укреплению старых и возведению новых засечных черт. Одной из них стала арзамасская засека.

Она начиналась от впадения речки Ватьмы в Вадок, там, где сейчас село Стрелка Вадского района. Далее линия укреплений шла вдоль берега Ватьмы, мимо современных сел Вазьян и Петлино. Южнее Петлина засека отходила от Ватьмы по примыкающему к ней оврагу. Здесь, в километре к северо-востоку от села Холостой майдан, о ней напоминала деревня Засека (ныне исчезнувшая). Затем засечная черта шла к селу Успенское, а оттуда — к урочищу Курмыш. Местность к юго-востоку от него называется Сечи. Сечи начинаются на седьмом километре от моста через Тешу по дороге Красный Бор — Медынцево. Эта дорога — участок одного из путей из Золотой Орды на Муром, по которому из степей приходили ногайцы. Арзамасская засека перерезала ее. Для мирных

путешественников в ней были сделаны ворота, называемые Собакинскими — по стоящему здесь Собакинскому лесу и близлежащему селу Собакину (ныне — Красный Бор). Оно было основано на землях, пожалованных в том же 1572 году брату третьей жены Ивана Грозного, Марфы Васильевны, Каллисту Собакину. Возможно, именно он и руководил постройкой арзамасской засечной черты.

От Собакинских ворот засека шла к Теше и пересекала ее южнее Шатков (тогда — Шетки), у устья Нацмы. Тут находились Шатковские (Шетковские) ворота. Южнее, до реки Алатырь, простирались густые леса.

С запада от Теши лежала лесостепь. Эта стратегически важная местность примыкала к Новой табунной дороге и через нее ногайцы могли атаковать и Арзамас, и Муром. Для ее защиты в Арзамас из Кадома и Темникова были переведены служилые татары. Ими были основаны современные населенные пункты Арзамасского района Тамаевка (здесь жил Томай мурза Мустафин) и Беговатово (от имени татарского князя Биговата Мустафина). В документах арзамасские служилые татары впервые упоминаются в 1572 году как участники похода в Ливонию, где они сражались со шведами.

Завершение второй черемисской войны. Активизация военных действий в Ливонии стала возможна благодаря тому, что летом 1572 года была отражена крымская угроза. Нижегородский вотчинник, выдающийся русский полководец князь М.И. Воротынский разгромил войска Девлет-Гирея в битве на Молодях. Эта победа высвободила силы и для подавления черемисского мятежа. В 1573 году против повстанцев были двинуты пять полков: из Шуи, Плеса, Мурома, Нижнего Новгорода и Арзамаса. В результате часть мятежников сложила оружие и била челом царю в Муроме. Другие, однако, продолжали сопротивление и опять совершили набег на нижегородские земли. В 1574 году к Нижнему Новгороду пришли участвовавшие в восстании казанские татары и убили под городом нижегородских дворян 36 человек, «а иных в полон взяли». Тогда Иван Грозный стал собирать новые военные силы, чтобы идти в поход, если «казанские люди и черемиса, которые не в послушании, государю не добьют челом». Мятежники, узнав, какое большое войско готово двинуться против них, сочли за благо изъять покорность. Так закончилась вторая черемисская война.

Сохранялась, однако, ногайская угроза. В 1577 году мурза Ур-Мухаммед, сын ногайского князя Тинехмата по наущению крымского хана разорил деревни между Сурой и Пьяной, угнав сотни пленников.

Прорваться через Арзамасскую засечную черту ногойцы либо не решились, либо не сумели. Таким образом, засека выполнила свое предназначение.

С 1578 года в ее округе началось выделение поместий русским служилым людям. Они составили основу арзамасского «городового полка». В него также вошли размещенные в Арзамасе стрельцы и служилые татары.

Нижегородцы и третья черемисская война. Арзамасские служилые люди вместе с нижегородцами приняли участие в большом походе в марийскую землю, который состоялся в 1584 году и решил исход третьей черемисской войны (1581–1585).

Она началась с нападения татар, хантов и манси на уральские владения русских предпринимателей Строгановых. Затем волнения перекинулись к марийцам. Мятежники блокировали Казань, Свияжск и Чебоксары. Как и во время второй черемисской войны, повстанцы совершали походы на Нижний Новгород, Хлынов и Галич.

Зимой 1582/83 года Нижний Новгород стал базой для большого похода против восставших черемисов. Во время похода в марийских землях был заложен город Козьмодемьянск. Однако восставшие продолжали упорное сопротивление. Поэтому на следующую зиму пришлось собирать новый поход.

У историков есть подробные сведения о нижегородских и арзамасских участниках зимнего похода 1583/84 года. Из Арзамаса в него пошли 310 арзамасских и алатырских татар. Головой у них был Смирной Семенов сын Мотовилов. Об этом мужественном воине напоминает названия села Мотовилово Арзамасского района. Отряд Мотовилова, а также арзамасские стрельцы (100 человек) и арзамасские дворяне и дети боярские, сначала прибыли в Муром, где собирался Большой полк, а уже оттуда в составе этого полка направились в Нижний Новгород. Здесь к войску примкнули дворяне и дети боярские нижегородцы и 34 человека нижегородских немцев.

В результате похода был построен город Царевококшайск (ныне — Йошкар-Ола). В следующем, 1585 году, уже после смерти Ивана Грозного, к востоку от современного Шарангского района Нижегородской области возвели крепость Царевосанчурск (теперь — город Санчурск Кировской области). В итоге в 1585 году марийцы били челом новому царю Федору Ивановичу о «вековом мире». На этом черемисские войны закончились. Русские и марийцы научились жить вместе.

Нижегородский край в конце XVI века: порядок управления и сбора налогов. В конце XVI века на территории современной Нижегородской области находилось пять городов с уездами: Нижний Новгород, Балахна, Арзамас, Курмыш и Василь-город. Во время военной опасности в города посылались воеводы. В пограничных городах, таких как Курмыш и Василь-город, воеводы находились постоянно. Кроме того, Нижний Новгород и Арзамас время от времени отдавались в кормление наместникам. Причем иногда воеводой и наместником был один и тот же человек.

После преобразований 1550-х годов, для того чтобы предотвратить возможные злоупотребления наместников, им стали выдавать специальные документы — доходные списки — в которых перечислялись все платежи, полагавшиеся наместнику с подвластного ему населения.

До нас дошел доходный список, данный в 1585 году Никифору Павловичу Клементьеву на пожалованный ему в кормление город Арзамас с уездом. Кормление являлось наградой за хорошую службу. Клементьев получил его после того, как три года подряд водил войска в походы и отличился в ходе третьей черемисской войны.

В доходном списке Клементьева значатся следующие виды поступлений: корм со всех сел и деревень и с посадских людей (в старину он вносился в натуральном виде, теперь же — деньгами); поворотное (с городских дворов трижды в год — на Рождество, Пасху и Петров день), полавочное (с каждого торгового заведения), свадебные пошлины (выводная куница и новоженый убрus) Кроме того, наместник содержал общественную баню и кабак, получая с них все денежные поступления. Еще одним видом наместничьих доходов были судебные пошлины. Клементьеву было дано кормление «с судом боярским». Это означало, что он являлся судьей и получал пошлину с каждого судебного дела.

В ходе реформ Ивана Грозного отдельные города по желанию населения перестали отдаваться в кормление. В этом случае они должны были уплачивать в казну то, что раньше получали наместники. Этот налог назывался «кормленный окуп» и поступал в Москву, в распоряжение особых дьяков, получивших название «кормленные». Из него каждый четвертый год начали выплачивать денежное жалование городовым детям боярским. Постепенно получатели этого жалования стали называться «четвертчики», а кормленные дьяки — «четвертные дьяки». При царе Федоре Иоанновиче создаются особые ведомства, управлявшиеся четвертными дьяками, — четвертные приказы, или четверти («чети»). В 1595 году налогоплательщики (тяглые люди) Нижнего Новгорода с уез-

дом в финансовом и судебном отношении оказались в ведении Новой четверти, а с 1599 года — Новгородской четверти.

Кроме кормленого окупа тяглые люди должны были выплачивать еще данные деньги (налог общего характера), а также ямские деньги (налог на содержание почтовой связи). В XVI веке в Нижегородском крае историкам известно о двух ямах (почтовых станциях). Одна из них находилась в Нижнем Новгороде, а другая — в селе Олешкове (ныне Алешково Богородского района), по дороге на Муром. Ям представлял собой огороженный двор с несколькими избами, санным сараем и конюшней.

Ямская повинность сначала была натуральной, а затем была переведена в денежное исчисление. То же произошло с городovým делом (строительством крепостей). Теперь эта повинность была преобразована в особый налог — деньги за городовое дело.

Помимо названных платежей с нижегородских земель в дворцовое ведомство поступали натуральные оброки зерном, медом, рыбой, бобровыми мехами.

Зерновой сбор носил название «посопной хлеб». Его под наблюдением дворцовых приказчиков сдавали крестьяне дворцовых сел и деревень. Они сеяли рожь, пшеницу, овес, горох.

Основные отрасли хозяйства: земледелие, бортничество, рыболовство. Наличие зернового оброка указывает на то, что в Нижегородском крае хлебопашество стало одной из ведущих отраслей хозяйства. Произошло это постепенно. Земледельцы шаг за шагом отвоевывали пространство у лесов, которыми была покрыта большая часть Нижегородского края. Ведь прежде чем посеять зерно, нужно было освободить место для пашни. Поэтому в документах XVI века нередко упоминаются «росчисти», «сечи», «гари». Около них возникали поселения крестьян. Деревни с названием Гари до сих пор существуют в Ардатовском, Богородском, Вадском, Ковернинском, Лукояновском, Пильнинском, Семеновском, Сокольском, Чкаловском районах.

Выжигание леса под пашню не означало, что в земледелии господствовала подсечно-огневая система. Очищенный от деревьев участок разделялся на три поля (яровое, озимое и паровое), которые использовались поочередно. При этом в каждом поле какой-то части земли для восстановления плодородия почвы давали отдохнуть (перележать без обработки) 8–15 лет. Такая земля называлась перелогом. Когда перелог зарастал лесом, его вновь расчищали.

Освоенная земля высоко ценилась, а сделать ее такой могли только руки крестьянина. Поэтому владельцы земли — дворцовое ведомство и монастыри — стремились пригласить к себе как можно больше людей, с тем чтобы они «лес секли» и «дворы ставили». «Новоприходцы» получали льготу — освобождение на несколько лет от всех налогов и платежей. Это привлекало в Нижегородский край переселенцев из других областей России. Так, в дворцовой Зауольской волости в первой трети XVI века жили крестьяне Артемка Ростовец, Ивашко Резанец, Григорий Федоров сын Псковитин, Михаль Митин сын вятченин.

В годы опричины и черемисских войн многие возникшие на дворцовых землях деревни были отданы в поместное владение переведенным в Нижегородский край на службу детям боярским. В конце XVI в. рост поместного землевладения на Нижегородчине принял массовый характер. О нижегородских помещиках XVI века напоминают названия многих сел и деревень, например Мотовилово Арзамасского района (владел Смирной Семенов сын Мотовилов), Паново-Леонтьево Гагинского района (было записано за Леонтием Ивановым сыном Пановым).

Помещики тоже старались пригласить в свои владения крестьян из центра России, прельщая их льготами.

Люди переселялись на Нижегородчину не только чтобы распахивать новые плодородные земли, но и с целью заняться бортничеством — собиранием меда диких пчел. Бортники находили дерево, где жили пчелы, или сами выдалбливали особым бортным топором дупло и ждали, когда там поселится рой. Такое дерево называлось бортью. Совокупность бортей, за которыми ухаживал бортник, составляла бортный ухжей. За него бортник платил государству (в лице нижегородского дворцового ключника) оброк медом.

Бортничество издревле составляло одно из главных занятий мордвы. Русские бортники нередко селились в мордовских деревнях, что способствовало сближению этих двух народов. Прекрасно ориентировавшиеся в лесах, умевшие ловко лазить по деревьям, бортники наряду с мордвой часто привлекались для участия в военных походах.

Обычно бортник ставил избу в ближайшей к своему бортному ухжею деревне, либо основывал рядом с ним новое поселение. Многие современные населенные пункты Нижегородской области ведут начало от таких бортных деревень. Так, село Сормово (ныне район Нижнего Новгорода) получило название от имени бортника Соромы Шуменева, упоминаемого в документе 1542 года. Село Кантаурово Борского райо-

на возникло от бортного ухозя, устроенного в 1597 году бортником Кандауром.

Судя по дозорной книге 1588 года, в Нижегородском уезде существовали десятки бортных деревень. Иначе говоря, бортничество было одним из главных занятий населения.

По-прежнему очень важным видом хозяйственной деятельности нижегородцев оставалось рыболовство. В старинных документах историки встречают много связанных с ним терминов. Рыбу ловили с помощью сетей, а также *езов*. Так называли частокол, который забивали поперек реки. Посередине делали пролет, куда устремлялась рыба, попадая в сетчатый подъемный рукав.

Особенно славились обилием рыбы низовья Оки. В XVI веке там ловились стерлядь, севрюга, осетр, белорыбица. Попадались и белуга удивительной величины. Рыба из Нижегородского края была настолько вкусна, что поставлялась к царскому столу.

Высоко ценились в Москве и бобровые меха из Нижегородчины. Бобра промыслили в основном на реках Узоле и Ватоме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов. М.: Археографический центр, 1997. Т. I. 432 с.
- Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. М.: Наука, 1964. 688 с.
- Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков: В 2 ч. Ч. I–II. М.: Изд-во АН СССР, 1951–1956.
- Антонов А.В. Нижегородские поместные акты конца XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 212–274.
- Антонов А.В., Маштафаров А.В. Вотчинные архивы нижегородских духовных корпораций конца XIV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 415–476.
- Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 8. М.: Древлехранилище, 2002. 656 с.
- Анпилогов Г.Н. Нижегородские документы XVI века (1588–1600 гг.). М.: Изд-во Москов. ун-та, 1977. 462 с.
- Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) / Собр. и ред. С.Б. Веселовский // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. М.: Имп. О-во истории и древностей российских, 1915. Вып. 4. 736 с.
- Грамоты коллегии экономии по Арзамасскому, Балахнинскому и Нижегородскому уездам. Ч. 1 (1498–1613 года) / Под ред. А.К. Кабанова // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сборник. Н. Новгород, 1913. Т. XIV.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 587 с.
- Легенды и предания Волги-реки: Сборник / Сост. В.Н. Морохин. Н. Новгород: Книги, 2002. 544 с.
- Нижегородские исторические песни: Сборник / Под ред. Н.В. Морохина. Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 2000. 352 с.
- Нижегородский край в конце XVI – первой половине XVII в. (Акты приказного делопроизводства): Сб. док. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2009. 288 с.

- Нижегородский край: Хрестоматия (История в документах с древнейших времен до 1917 года) / Сост. Н.Ф. Филатов. Арзамас: АГПИ, 2001. 224 с.
- Путешественники / Сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. Н. Новгород: Книги, 2009. 736 с.
- Синодик Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря 1552 года. Синодик опальных царя Иоанна Грозного. Н. Новгород: Изд. отд. Нижегород. епархии, Вознесенский Печерский мужской монастырь, 2009. 240 с.
- Синодик Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря 1595 года. Синодик архимандрита Трифона. Н. Новгород: Изд. отд. Нижегород. епархии при Вознесенском Печерском монастыре, 2010. 704 с.
- Сироткин С.В. Соколова Н.В. Древнейшие акты Нижегородского Печерского монастыря // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Н. Новгород, 1995. С. 52–68.
- Сироткин С.В. Сотная 1533 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда // Очерки феодальной России. Вып. 6. М., 2002. С. 119–169.
- Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. / Под ред. В.А. Кучкина. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. 281 с.
- Шумаков С. Материалы для истории Нижегородского края. Вып. первый. Обзор арзамасских (1561–1761 гг.) и балахнинских (1538–1755 гг.) актов. Н. Новгород: Типография губернского правления, 1898. 24 с.

Основная литература

- Агафонов С.Л. Нижегородский кремль. Н. Новгород: Кварц, 2008. 224 с.
- Горский А.А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2004. Вып. 4. С. 140–170.
- Грибов Н.Н. Русское городище XV века из Нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. науч. и метод. ст. Вып. 9. Н. Новгород, 2005. С. 69–82.
- Гусева Т.В. Древний Городец по материалам новых раскопок // Записки краеведов / Сост. Н.И. Куприянова. Горький, 1983. С. 186–195.
- История города Горького. Краткий очерк. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1971. 576 с.

- Кириянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький: Горьков. кн. изд-во, 1961. 106 с.
- Кузнецов А.А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. 540 с.
- Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород: Кварц, 2011. 272 с.
- Мартьянов В.Н. Древняя история Арзамасского края. Арзамас: АГПИ, 2004. 443 с.
- Нижегородский край: факты, события, люди / Под ред. Н.Ф. Филатова и А.В. Седова. Н. Новгород: Нижегород. гуманитар. центр, 1997. 375 с.
- Николаенко Т.Д. Нижний Новгород XIII–XV вв. по письменным и археологическими источникам // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. науч. и метод. ст. Вып. 9. Н. Новгород, 2005. С. 87–129.
- Пудалов Б.М. Письменные источники по истории Нижегородского края (XIII – начало XVIII веков): Учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. пед. ун-та, 2001. 120 с.
- Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Н. Новгород: Ком. по делам арх. администрации губернатора Нижегород. обл., 2003. 216 с.
- Пудалов Б.М. Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). Н. Новгород: Ком. по делам арх. Нижегород. обл., 2004. 248 с.
- Русинов Н.Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород: Нижний Новгород, 1994. 202 с.
- Сочнев Ю.В. Очерки по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского края средневекового периода. Н. Новгород: НГПУ, 2012. 108 с.
- Федоров В.Д., Титков Е.П. История Нижегородской области: Учеб. пособие. 5-е изд. испр. и доп. Арзамас: АГПИ, 2010. 400 с.
- Филатов Н.Ф. Веси Нижегородского края: Очерки истории сел и деревень Поволжья. Н. Новгород, 1999. 311 с.
- Филатов Н.Ф. Городец на Волге XII–XIX веков. Н. Новгород: Деком, 2005. 168 с.
- Чеченков П.В. Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI вв.: внутреннее устройство и система управления. Н. Новгород: Ком. по делам арх. Нижегород. обл., 2004. 140 с.

Дополнительная литература

- Аверьянов К.А. Из истории Нижнего Новгорода в первой половине XIV века // Лествица: материалы науч. конф. по проблемам источниковедения и историографии памяти проф. В.П. Макарихина, 22 мая 2003 г. / Нижегород. гос. ун-т. Н. Новгород, 2005. С. 189–197.
- Аверьянов К.А. Миссия Сергия Радонежского в Нижний Новгород в 1365 г. // Мининские чтения: Материалы науч. конф., 29–30 окт. 2004 г. / Нижегород. гос. ун-т. Н. Новгород, 2005. С. 138–149.
- Аникин И.С. Финно-угорские неукрепленные поселения бассейна реки Кудьмы в эпоху средневековья // Древности Нижегородского Поволжья: Сб. науч. ст. по археологии. Н. Новгород: Рос. истор. о-во (Нижегор. отд-ние). 1997. Вып. I. С. 5–16.
- Антонов Д.А. Основные этапы освоения Нижегородского Заволжья во второй половине XIII – конце XVI вв. // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. науч. и метод. ст. Н. Новгород, 2005. Вып. 9. С. 27–34.
- Антонов Д.А. Памятники археологии древнерусского времени Нижегородского Заволжья // Нижегородский край в истории России: Материалы межрегион. науч. конф. памяти проф. Н.Ф. Филатова, 5 дек. 2008 г. / Нижегород. гос. ун-т. Н. Новгород, 2009. С. 3–9.
- Антонов Д.А. Об особенностях формирования системы расселения заволжских волостей в первой половине XVI века // Нижегородский край в истории России: Материалы III межрегион. науч. конф. памяти проф. Н.Ф. Филатова, 4 дек. 2009 г. / Нижегород. гос. ун-т. Н. Новгород, 2010. С. 16–23.
- Балакин П.П. К вопросу о нижегородской школе иконописи // Записки краеведов / Сост. Н.И. Куприянова, Л.И. Шиян. Н. Новгород, 1991. С. 196–202.
- Гациский А.С. Нижегородский летописец. Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 2001. 716 с.
- География Нижегородской области: Учеб. пособие. Н. Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. 207 с.
- Грибов Н.Н. Материалы к археологической карте Нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. науч. и метод. тр. Н. Новгород, 1996. С. 11–20.
- Грибов Н.Н. Средневековое городище на месте бывшего Саровского монастыря // Древности Нижегородского Поволжья: Сб. науч. ст.

- по археологии / Рос. истор. о-во (Нижегор. отд-ние). Н. Новгород, 1997. Вып. I. С. 31–58.
- Грибов Н.Н. Структура русского расселения в Нижегородском Поволжье на рубеже XIV–XV вв. // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. науч. и метод. тр. Н. Новгород. 2000. С. 41–73.
- Грибов Н.Н. Древнерусский Городец-на-Волге в контексте археологических исследований // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. науч. и метод. ст. Н. Новгород. 2008. Вып. 11. С. 26–54.
- Гусева Т.В. Территория средневекового Городца сквозь призму новых фактов // V Городецкие чтения: Материалы науч. конф. Городец, 23–24 апр. 2004 г. Городец, 2004. С. 72–76.
- Гусева Т.В. «Фальшивые бриллианты мнимой истории» // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории / Сост. О.С. Аржанова, А.А. Кузнецов, А.В. Морохин. Н. Новгород, 2012. С. 32–40.
- Жуков А.П. Поветлужье в XII–XVI вв. // Записки краеведов / Сост. О.А. Рябов. Н. Новгород. 2006. С. 113–121.
- Инжутов А.А. Сведения об Арзамасской засечной черте в опубликованных документах XVI–XVII вв. // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: Сб. материалов регион. науч.-практ. конф., 9 дек. 2011 г. Арзамас. 2012. Вып. VIII. С. 16–21.
- Каптерев Л.М. Нижегородское Поволжье X–XVI веков. Горький: Горьков. обл. изд-во. 1939. 184 с.
- Карташова М.В. Кристаллы балахнинской соли (очерки по истории Балахны). М.: Евразия+, 2002. 118 с.
- Кирьянов И.А. Основатель Нижнего Новгорода князь Юрий Всеволодович (Историко-биографический очерк) // Записки краеведов / Сост. Н.И. Куприянова, Л.И. Шиян. Н. Новгород. 1991. С. 179–187.
- Комарович В.Л. Китежская легенда: опыт изучения местных легенд. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 183 с.
- Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1999. 406 с.
- Кузнецов А.А. Топонимика в решении вопроса об обстоятельствах основания Нижнего Новгорода // Мининские чтения: Материалы науч. конф., 10 дек. 2002 г. / Нижегор. гос. ун-т. Н. Новгород. 2003. С. 176–186.

- Кузнецов А.А. Городец на Волге: от основания до 1238 года // Городецкие чтения: Материалы науч.-практ. конф. VI Городецкие чтения, 6 дек. 2008 г. и II Александро-Невские чтения, 27 февр. 2009 г. Городец, 2009. С. 7–17.
- Кузнецов А.А. Дятловы горы — история оронима // Наследие Рождественской стороны. Н. Новгород, 2012. С. 24–25.
- Кучкин В.А. О Нижних Новгородах — «старом» и «меньшом» // История СССР. 1976. № 5. С. 223–231.
- Макарий, арх. Памятники церковных древностей. Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 1999. 701 с.
- Макарихин В.П. Кто автор поэтических похвал епископу Дионисию и Василисе Тверской? // Записки краеведов / Сост. Н.И. Куприянова, И.В. Сидорова. Горький. 1981. С. 163–165.
- Макарихин В.П. О титуле нижегородского князя Дмитрия Константиновича в «местных» грамотах XIV века // Верхнее и Среднее Поволжье в период феодализма: Межвуз. сб. Горький. 1985. С. 19–22.
- Макарихин В.П. Нижегородский край XIII–XIV веков по данным русских летописей // Нижегородский край в эпоху феодализма: Материалы Нижегородских чтений-91 / Ин-т усовершен. учителей. Н. Новгород. 1991. С. 3–16.
- Макарихин В.П. Новгород Земли Низовской (Повествование об основателе Нижнего Новгорода великом князе Юрии Всеволодовиче). Н. Новгород: Нижний Новгород, 1994. 64 с.
- Мартьянов В.Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас: АГПИ, 2001. 322 с.
- Медведев А.Ф. Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 158–167.
- Милотворский И.А. Путь Иоанна Грозного через Нижегородскую губернию во время его похода на Казань в 1552 г. // Действия НГУАК. Н. Новгород. 1912. Т. 13. Вып. 3. С. 1–20.
- Назаров В.Д. Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV века // Архив русской истории. М. 2002. Вып. 7. С. 34–81.
- Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский) / Сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. Н. Новгород: Книги, 2011. 544 с.
- Нестеров И.В. Названия башен Нижегородского кремля // Записки краеведов / Сост. О.А. Рябов. Н. Новгород: Книги, 2013. Вып. 14. С. 144–149.

- Нижегородский Вознесенский Печерский монастырь. Н. Новгород: Изд. отд. Нижегород. епархии, 2010. 368 с.
- Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишаре. Казань: Татарское кн. изд-во, 1992. 112 с.
- Орлов А.М., Файзуллин А.М. Навеки вместе: В 2 кн. Кн. 1. Нижегородские татары — потомки древней мещеры. Кн. 2. Очерки по истории татар Нижегородского края. М.: СиВиДжи, 2011–2012.
- Петров П.Н. Русские средневековые свинцовые пломбы из находок в Городце на Волге // Древности Нижегородского Поволжья: Сб. ст. Нумизматический сборник. Н. Новгород. 1997. Вып. 2. С. 48–67.
- Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М.: Богородский печатник, 1998. 496 с.
- Пудеев А.А., Четвертаков Е.В. Новые археологические материалы о времени начала русской колонизации Средней Ветлуги // Нижегородский край в истории России: Материалы межрегион. науч. конф. памяти проф. Н.Ф. Филатова, 5 дек. 2008 года / Нижегород. гос. ун-т. Н. Новгород, 2009. С. 10–13.
- Пудалов Б.М. Нижегородское Поволжье в первой трети XV века (новый источник) // Городецкие чтения. Городец. 2000. Вып. 3. С. 97–102.
- Россия XVI век. Казанский поход Ивана Грозного: Учеб. пособие / Под ред. Ю.А. Курдина. Арзамас: АГПИ, 2005. 275 с.
- Русинов В.Н. «Великая скифь» и «Пургасова русь» древнерусских летописей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. История. Вып. 2 (6). С. 79–93.
- Русинов В.Н. К объяснению двух мест в тексте летописного рассказа о Пьянском побоище 1377 года // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы: Сб. науч. тр. Н. Новгород, 2009. С. 101–142.
- Селезнев Ф.А. Вопрос о времени основания Городца в отечественной историографии XVIII – начала XX веков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1 (1). С. 182–189.
- Селезнев Ф.А. Основание Городца на Волге: итоги изучения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 287–294.
- Селезнев Ф.А. Юрий Долгорукий как основатель Городца: аргументы и контраргументы // Городецкие чтения: Материалы науч. конф. VII Городецкие чтения, 26 апр. 2012 г. Городец, 2012. С. 36–50.

- Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XV – до начала XX вв. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. 416 с.
- Сочнев Ю.В. Еще раз к вопросу о «старом городке» и времени основания Нижнего Новгорода // Нижегородский край в эпоху феодализма: Материалы Нижегород. чтений-91 / Ин-т усовер. учителей. Н. Новгород, 1991. С. 16–29.
- Сочнев Ю.В. Обзор истории церковного управления в Суздальско-Нижегородском княжестве в XIV веке // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. науч. и метод. тр. Н. Новгород. 2003. С. 172–185.
- Сочнев Ю.В. Об одном ошибочном моменте в нижегородском краеведении // Нижегородский краеведческий сборник. Т. 1. Н. Новгород. 2005. С. 151–155.
- Сочнев Ю.В. О судьбе Нижнего Новгорода в период «Батыева нашествия» // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: Сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф., 7 дек. 2007 г. Арзамас, 2008. Вып. IV. С. 37–44.
- Сочнев Ю.В. Из истории церкви в Нижегородском крае в XIV – начале XV в. // Записки краеведов / Сост. О.А. Рябов. Н. Новгород, 2010. С. 151–159.
- Таловин Д.С. Князь Михаил Андреевич и Нижегородское Поволжье в начале XIII века // Городецкие чтения. Городец, 2000. Вып. 3. С. 37–42.
- Таловин Д.С. Денежное обращение великого Нижегородско-Суздальского княжества. (К постановке проблемы) // Записки краеведов / Сост. Л.И. Шиян, О.А. Рябов. Н. Новгород, 2004. С. 35–42.
- Трубе Л.Л. О расположении башен Нижегородского кремля // Записки краеведов / Сост. Н.И. Куприянова, И.В. Сидорова. Горький, 1981. С. 167–177.
- Харитонычев А.Т. Природа Нижегородского Поволжья: История, использование, охрана. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1978. 175 с.
- Храмцовский Н.И. История и описание Нижнего Новгорода. Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 1998. 608 с.
- Четвертаков Е.В. Русское население бассейна реки Ветлуги на территории Нижегородской области в эпоху Средневековья (по данным археологии) // Культурный слой: Сб. науч. ст. / Нижегород. гос. ун-т. Нижний Новгород, 2012. Вып. 1. С. 94–96.

- Черников В.Ф. К вопросу о датах строительства деревоземляных укреплений в Новгороде Нижнем // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. науч. и метод. ст. Н. Новгород. 2010. С. 104–122.
- Чеченков П.В. Князья Суздальского дома и борьба за власть в Нижегородском великом княжестве // Мининские чтения: материалы науч. конф. (10 дек. 2002 г.) / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского Н. Новгород, 2003. С. 89–100.
- Чеченков П.В. К вопросу об экономическом развитии Нижегородского края в конце XIV – первой половине XVI века // Нижегородский краеведческий сборник. Т. 1. Н. Новгород. 2005. С. 156–180.
- Чеченков П.В. Суздальские Рюриковичи и правители Золотой Орды в первой четверти XV века // Мининские чтения: тр. науч. конф., 20–21 окт. 2006 г. / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 2007. С. 339–354.
- Чеченков П.В. Новая песня о «старом» // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории / Сост. О.С. Аржанова, А.А. Кузнецов, А.В. Морохин. Н. Новгород. 2012. С. 5–31.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Наш край в эпоху древности	16
1.1. История нашего края по данным археологии	16
1.2. Юрий Долгорукий и его сыновья в древней истории Города	25
1.3. Основатель Нижнего Новгорода князь Юрий Всеволодович	39
Глава 2. Нижегородский край во времена ордынского владычества	52
2.1. Городец и Нижний Новгород во второй половине XIII века: эпоха Александра Невского и Андрея Городецкого	52
2.2. Возвышение Нижнего Новгорода и возникновение Нижегородско-Суздальского княжества	65
2.3. Нижегородско-Суздальское княжество во второй половине XIV века: от расцвета до заката	80
2.4. Василий I и борьба нижегородских князей за возврат своей отчины (1392–1425)	102
2.5. Нижегородские земли во время междоусобной войны московских князей (1425–1449)	117
Глава 3. Нижегородская земля — пограничный край Русского государства	136
3.1. Нижегородский край в эпоху создания единого Русского государства	136
3.2. Нижегородский край на страже границ России (первая треть XVI в.)	149
3.3. Нижегородский край и Казанское ханство в эпоху Ивана Грозного	162
3.4. Нижегородский край во второй половине XVI века	176
Список литературы	189

Федор Александрович Селезнев

**ИСТОРИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVI в.**

Учебное пособие

Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 11,6. Уч-изд. л. 14,3. Заказ № 970. Тираж 300 экз.

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23.

Отпечатано в типографии

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37.